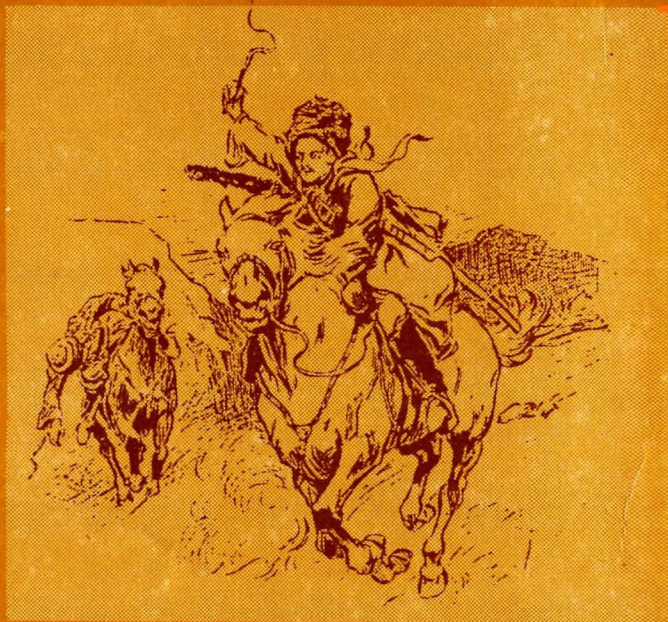

КАРТИНЫ БЫЛОГО ТИХОГО ДОНА

СТРАЖИ
ПОРУБЕЖЬЯ

Граница

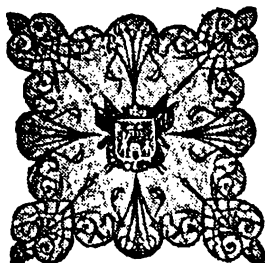
КАРТИНЫ
БЫЛОГО
ТИХОГО ДОНА

**СЕРИЯ
"СТРАЖИ ПОРУБЕЖЬЯ"**

**КАРТИНЫ
БЫЛОГО
ТИХОГО ДОНА**

КАРТИНЫ БЫЛОГО ТИХАГО ДОНА

КРАТКІЯ ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ ВОЙСКА ДОНСКОГО ДЛЯ ЧТЕНІЯ
ВЪ СЕМЬѢ, ШКОЛѢ И ВОЙСКОВЫХЪ ЧАСТЯХЪ.

ИЗДАНИЕ ПЕРВОЕ.

Печатано по распоряженію Войскового Наказнаго атамана
Войска Донского генераль-лейтенанта Самсонова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Г. ВО Г. ГОЛЫКЕ И А. ВЕЛЬБОРГЪ, ЗИНГИСРОДСКАЯ, 11.

1909

Титульный лист первого издания

КАРТИНЫ
БЫЛОГО
ТИХОГО ДОНА

Том 1

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО "ГРАНИЦА"
1992

ББК 63.2(2)
К27

**К27   Картины былого Тихого Дона: Краткий очерк истории войска Донского. Т. 1. - М.: Граница, 1992. - 256 с. - (Стражи порубежья)
ISBN 5-86436-009-0**

Кто такие казаки? Откуда появились они на русской земле? Какова их роль в защите порубежья? Как и когда образовались Донское, Терское, Сибирское, Забайкальское и другие казачьи войска? На эти и другие вопросы дает ответ книга "Картины былого Тихого Дона", впервые опубликованная в 1909 году. Это живая история казачества со времен его зарождения до начала двадцатого столетия, свободная от последующих наслоений, искажающих действительно героический образ защитников Отечества. Настоящее издание содержит первый том.

Рассчитано на массового читателя.

К 4702010100 - 012 без объявл.
032(02) - 92

ББК 63.2(2)

© Составление. Издательство "Граница", 1992

ISBN 5-86436-009-0

1. Далекое прошлое земли войска Донского

Широко, в приволье зеленых степей, течет Дон. Зеркальной лентой блестящего серебра извивается он среди полей, меж белых мазанок станиц, меж зеленых садов, по широкому степному раздолью. И медленно и плавно его течение. Нигде не бурлит он, нигде не волнуется. Зеленые деревья обступили его берега, придвинулись близко к воде, отразились в зеркальной глади широкой реки и будто глядятся в нее. Там точно скалы нависли крутые утесы, виноградник сбегал к самой воде и темные гроздья висят между крупных узорных листьев. Медленно и плавно катит свои волны Дон. Будто спит на песчаном перекате, точно и не течет, а замер, застыл на одном месте. Недаром и зовется он — Тихий.

Тихий Дон!.. Тихо в могучем просторе его степей. Зацветут весною его берега пестрыми цветами, дивным запахом наполнится степь, а потом все сильнее и сильнее станет палить солнце, и выгорит, пожелтеет и почернеет степь... Понесется над нею знойный ветер, помчит сухое перекасти-поле и принесет пряный запах полыни в станицу... Придет и мороз. Замерзнут стоячие воды озера, станет и Дон. Белым саваном снегового покрова оденется степь. Заревет над ней страшный буран и в хороводе снежинок закроет свет Божий, и станет темно и жутко... Тогда только держись в степи, оберегая табун, чтобы ветер не угнал его в самое море.

Начавшись в русских землях, медленно и плавно идет Дон, широко разливаясь в низовьях, делясь на множество рукавов, и, наконец, свободно и вольно вливается в синее море — море Азовское. За Азовским морем — лежит дивный Крым. Там синеют причудливые узоры гор, спускающихся золотистыми обрывами скал к чудному теплomu синему морю — морю Черному...

По всему этому краю, по обоим берегам Тихого Дона, живут донские казаки. Из года в год кипит и волнуется жизнь по станицам: одни рождаются, другие умирают, там казаки

вернулись из полков домой, а там, глядишь, старик отец запряг в телегу волов, привязал сзади боевого коня и везет уже сына на сборный пункт. В одной семье радуются появлению сына, молодого казака, в другой — поют панихиду: умер старик-дед, участник многих походов... На станичном кладбище прибавляется крест и семья ставит новый голубец. Отцы говорят, что дети не похожи на них, живут не по-старому, не по-казацкому, а послушаешь дедов — так тогда жизнь и совсем была иная. И хочется узнать эту старую жизнь, хочется узнать, что было вчера, в прошлом году, десять лет тому назад, сто лет... двести...

Ан память и изменила. Самые старые люди уже не помнят, не знают, путают события. Нужно искать по книгам, вдумываться в слова старых песен, изучать саму землю донскую, искать те следы, которые оставили на ней люди, когда-то жившие на нашем месте, нужно исследовать историю Донского войска. И вот, исследуя ее, встречаешь дивные картины былого. Удивляешься мужеству, стойкости, святой, непоколебимой вере в Христа наших дедов. Удивляешься — и любишь их. Чем ближе узнаешь прошлое Тихого Дона — тем крепче его любишь. Боже мой! Сколько людей раскидало свои кости по этой степи, сколько казаков сложило смелые головы по берегам Дона, сколько лежит на дне Азовского и Черного морей! Кровавая битва, неустанная война шла здесь из года в год, изо дня в день, здесь спали не иначе, как с оружием в руках, здесь жили тревожною боевой жизнью, не зная покоя. Отсюда выходили герои, удивлявшие весь мир своими победами... Как же не полюбопытствовать узнать это прошлое, как не пожелать приподнять завесу веков и взглянуть, что же было здесь давно, давно, за много лет до нашей жизни...

Там и сям в степи находят каменные грубые изображения людей, поставленные как столбы. Близ станицы Елизаветовской, у хутора Недвиговки Ростовского округа, при рытье колодцев, при распашке земель, находят золотые вещи, глиняные сосуды. Золотые подвески, серьги, бусы — не нашего вида. Теперь таких не носят, и никто не помнит, чтобы такие вещи носили. Между вещами находят и монеты. Ученые люди говорят, что эти вещи греческие, что здесь жили греки. Нашлись недалеко от Азова обломки плиты и на плите надпись греческими буквами. И по надписи прочли, что точно здесь жили греки, здесь у них были города, здесь вели они свою торговлю. Продолжая раскопки курганов в разных местах, нашли кости, а при костях — золотые и глиняные сосуды с различными изображениями. Выбиты на них люди и лошади. Люди с длинными волосами и бородами усмиряют лошадей,

лечат их, ездят на них. Лошади, видно, дикие, смелые, степные, а люди сидят крепко, ездят лихо... Стали сравнивать с тем, что написано в древних греческих книгах, с тем, что изображено на картах, сделанных в очень давние времена, и узнали прошлое Дона.

Дон был известен древним грекам задолго до Рождества Христова. В его степях, местами поросших густыми лесами, жили тогда полудикие люди — скифы и сарматы. Они жили войною и охотою. Они были лихими, смелыми, неустрашимыми наездниками и кочевали по степи с места на место, ища лучшего корма для лошадей, так, как кочуют калмыки. С ними вели торговлю греки. Греки называли Дон Танаисом и построили в низовьях его город Танаиды, место которого по древним греческим книгам можно довольно точно определить. Он находился в 9 верстах от устья р. Мертвого Донца. Здесь между селениями Недвиговкой и Синявкой найдены груды камней, на которых сохранились украшения, буквы, надписи — все греческое, это и есть остатки Танаид.

Отсюда, от низовьев Дона, шли большие торговые пути на восток, к Волге, а потом за Волгу — в Азию, шли пути и вдоль берега моря, к Кавказским горам. Эти пути были как бы воротами между Азией и Европой, через которые проходили народы Азии воевать народы, населявшие Европу. Кто бы ни шел с востока на запад — он прежде всего вступал в донские степи, и потому здесь неустанно дрались за право жизни. Скифы и сарматы оберегали свои стада от натиска других народов, надвигавшихся с востока. Они боролись страшным смертным боем в широкой степи донской, называвшейся тогда просто Подем. Да, это и было боевое Поле!

Роскошный убор высоких трав покрывал целину, степь, не знавшую плуга. Всадник скрывался в этой траве совершенно, утопал, как в зеленом море. И волновалась и играла степь под порывами ветра, как море. Вдоль рек росли дремучие леса: дубы, вязы, клены, ясени, грабы, тополя, дикие яблони были оплетены цепким плющем, между ними теснились кусты колючего терновника, калины, бузины, крушины... Там скрывались дикие звери, оттуда выскакивали стада быстроногих диких коз, туда, ища тени, убегали сайгаки, там хоронились хищный барс, медведь и волки, оттуда выбегали пугливый заяц и красная лиса.

В этом охотничьем раздолье искали спасения и люди, боровшиеся за свою жизнь, за свои дома.

Задолго до Рождества Христова скифов вытеснили, истребили и поработили пришедшие из Азии хозары. Они построили на Дону свои городки и крепости. И теперь еще в юрту Цымлянской станицы указывают холмы, тянущиеся

правильными полосами, и груды камней и кирпичей — это остатки развалин хозарской крепости Саркеллы.

Шли годы, пронеслись века. На хозар напали печенеги и истребили, и смешались с ними; печенегов, в свою очередь, потеснили половцы. В диком Поле шла вечная, неустанная борьба за право жить. В то время, когда на Дону шла эта борьба, к западу от Дона, на реке Днепр, и к северу, по Западной Двине, стали строить крепкие города народы славянского племени, называемого Русью. Русские князья, а среди них знаменитый своею храбростью Святослав, заходят и на Дон и сражаются в Поле с печенегами.

Русские в 862 году собрались на общий совет и соединились все вместе, образовав одно княжество. Князем своим они выбрали Рюрика. Так зародилось отдельное русское княжество, которому вскоре пришлось вынести отчаянную борьбу с татарами.

В 988 году, при князе Владимире, русские приняли христианскую веру и русские княжества стали занимать земли вокруг Поля. Особенно могущественным стал князь Киевский. Но вот в 1224 году в широкие ворота, прямо на Дон, на хозарскую крепость Саркеллы, на становища половецкие повалили татары. Как саранча громадною тучею налетает на поля и пожирает нивы без остатка, так темною толпою надвинулись на Дон, а потом и на Русь, татары. От поднятой их войском пыли потускнело и затмилось солнце. Ржание тысяч коней, рев верблюдов, крик ослов, скрип тяжелых колес, голоса людей слились в немолчный шум. Точно море шумело, ревело и билось в степи. На небольших, но крепких конях, вооруженные луками и стрелами около аршина длиною, с острыми железными наконечниками, широкою лавою раскинулись они по задонской степи, переправились через Дон и начали ставить свои кибитки по берегам. На месте становищ половецких устраивалось татарское государство, или орда.

Русские князья попробовали победить татар. На реке Калке, близ Дона, столкнулись их слабые дружины с татарскими полками. Произошел кровопролитный бой. Много храбрых витязей русских полегло в этом бою. Татары победили. Они пришли в русскую землю, обложили тяжелою данью русских, поставили всюду своих начальников. В обломках лежали города. На месте деревень чернели уголья пожарищ да торчали обгорелые трубы. Нивы были потоптаны, луга съедены. "Где прошел татарский конь — там трава не росла".

В низовьях Волги и Дона, в Крыму были поставлены главные татарские города — ханские ставки. Татары приняли

магометанскую веру. Они строили мечети, и развалины этих мечетей сохранились во многих местах Донской области. Но особенно замечательны развалины кирпичных мечетей близ Глазуновской станицы Усть-Медведицкого округа и в юрту Каменской станицы Донецкого округа. По всему Дону раскинулись татарские становища, здесь собирали татары свои полчища, чтобы идти разорять русскую землю. Отсюда делали они свои набеги, здесь сражались они с передовыми полками русских князей. Недаром глубоко в земле находят на Дону заржавленные железные клинки татарских сабель, наконечники их стрел и кольчуги, в которых дрались русские витязи.

Двести с лишним лет тянулась на Руси страшная татарская неволя. Не было согласия между русскими князьями, не было смелости напасть самим и одолеть татар. За эти двести лет на севере от Дона зародилось новое русское княжество — княжество Московское. Московские князья где ласкою, где силою приобрели себе друзей. Один из них, князь Дмитрий Иоаннович, собрал большое войско и 8-го сентября 1380 года, на Куликовом поле, на берегах реки Дон, разбил татар.

Это была первая победа русских над татарами. Смелей стали русские и мало-помалу сбросили с себя цепи татарской неволи. Московское княжество усилилось. Уже границы его подошли к Дону. Здесь московские князья построили пограничные засеки, поставили сторожевые башни, чтобы успеть предупредить жителей городов о набеге татарском. Постоянного войска у русских не было. Войска собирались тогда, когда приближалась опасность. Конные татары двигались быстро. Они налетали широкою лавою на русские города и деревни, они жгли деревянные дома русских, разоряли каменные постройки, увозили домашнюю рухлядь, брали в неволю женщин и детей.

— Татары идут! — это был страшный крик в тогдашней Руси. В церквах тревожно звонили в колокола, женщины, дети и старики собирались у алтарей молить Всевышнего о спасении. Взрослые, все кто мог сражаться, торопливо собирались, брали копья, топоры, луки и шли навстречу несметному врагу. Дрались, защищая свои дома и семьи, отчаянно. Падали под ударами татарских сабель до последнего. Татары врывались в городки. И часто старики, женщины и дети, подожженные татарами в церкви, задыхались в дыму и сгорали живьем. Толпы пленных сгонялись в неволю. На месте нив, полей, садов и деревень оставалась вытоптанная татарскими конями, политая русскою кровью земля, да тихо тлели головешки пожарищ.

В это тяжелое, подневольное время, когда три четверти Русской земли платило дань татарам и боялось татарского набега, защитниками Руси от татар, первыми смелыми борцами за свободу Руси, первыми разведчиками, проникшими далеко вглубь татарской земли и на татарские набеги ответившими своими набегами, первыми людьми, явившимися в татарские юрты и снявшими цепи с русских пленников, томившихся в неволе, были казаки.

Так, на земле, занимаемой теперь донскими казаками, жили задолго до Рождества Христова скифы и сарматы — дикие народы, и среди них имели свои торговые города греки. Потом много лет шла война и скифов сменили хозары. Они жили несколько столетий по берегам Дона, их потеснили печенеги, а печенегов сменили половцы. В то время, когда и печенеги и половцы занимали земли теперешнего войска Донского, впервые стали приходить туда русские. Наконец, половцев сменили татары. Во время владычества татар на Дон идут одиночные смелые русские люди, которые селятся там, силою удерживаются в донских степях и получают название казаков. Это случилось приблизительно в 1500 г. после Рождества Христова. С этого года в русских летописях мы находим уже упоминание о донских казаках. Такой боевой жизнью в течение почти двух тысяч лет жил Дон, сменяя на своих берегах скифов и сарматов — хозарами, хозар — печенегами, печенегов — половцами, половцев — татарами, татар — донскими казаками... Кто был до скифов и сарматов, — а наверное кто-нибудь был, нам в точности не известно. Время не сохранило ничего, напоминающего о народах, бывших прежде, а древние историки мало пишут о земле Донской до владычества на ней скифов.

Но кто же дал основание донскому казачеству? Кто такие донские казаки?

2. Происхождение казаков. Жизнь и обычаи первых донцов

московскому князю для борьбы с татарами, для покорения других русских княжеств нужно было войско. Раньше войско это составляли приближенные к князю люди, посвятившие себя ратному делу и входившие в княжескую дружину.

Дружинники были отборным войском князя. Их было немного. Главную же силу князя, его рать, составляли люди из крестьянского сословия, которых брали от сохи, и оттого их называли пососными людьми.

Князя награждали своих дружинников за храбрость, за верную службу землями, дарили им поместья вместе с живущими в них крестьянами. Но за это они требовали, чтобы каждый дружинник, или, как их при московских князьях называли — боярин, по первому призыву своего князя являлся людным, конным и оружным. То есть, приходил бы сам на коне и приводил с собою конных вооруженных людей.

Сначала крестьянам разрешено было переходить с места на место, от одного боярина к другому. Они были свободны. Но тогда оказывалось, что у одних бояр людей было больше, чем нужно, другие же не могли выполнить княжеского наряда на войну. И вот, для того, чтобы каждый боярин имел людей для обработки своего поместья, чтобы мог он выполнить военный наряд, крестьянам запретили свободно переходить с места на место, их прикрепили к земле, сделали их крепостными у помещиков — бояр, составлявших княжий двор, а потому называвшихся также дворянами.

У одного помещика крестьянам жилось хорошо и привольно, у другого, напротив, с ними обращались жестоко, как с рабами.

И вот, наиболее сильные и мужественные, свободолюбивые, те, которые не могли забыть своей воли, уходили из родных деревень и шли искать счастья на юг, в диком Поле, в вечной борьбе с татарами. "Лучше смерть на воле, — говорили они, — нежели жизнь в плену." Эти русские

люди встретились в Поле с остатками смелых хозар, печенегов и половцев, скрывавшихся от татар в дремучих лесах, в раздолье степей, соединились, сдружились с ними и положили основание донскому казачеству.

Позднее, при царях Московских, в Москве потребовали, чтобы все люди исповедовали православную веру по тем книгам, которые исправил патриарх московский Никон, при царе Алексее Михайловиче. Потребовали троесперстного крестного знамения вместо дуперстного, как крестились в старину, уничтожали иконы старого письма. За сложение двух перстов при крестном знамении, за службу по старинному уставу, за поклонение дедовским иконам преследовали жестоко: заточали в темницы, били кнутом, жгли каленым железом, казнили смертью.

И были на Руси люди, которые дорожили верою своих отцов больше, чем именем и покоем. Они слышали, что по Дону живут казаки, люди вольные, которые не спрашивают кто как верует, лишь бы веровал в Христа, и гонимые за веру, за старый обряд — старообрядцы — шли на Дон, шли в казаки, и несли туда свою стойкую старую веру.

Во времена царей Московских и, особенно, при царе Иоанне Васильевиче Грозном, тяжело жилось русским людям. За смелое, правдивое слово можно было сложить голову. И люди, которым дорога была свобода совести, уходили туда, где требовались только удалая голова да верность своей клятве.

Но шли на Дон, в широкое и дикое Поле и те, кто пострадал от татар. Шли ради мести. У того татары увели в Поле, то есть в плен, невесту, сестру, брата, убили отца и мать — он шел отомстить за убитых, выручить пленных. У другого рука зудела потешиться в чистом поле, поиграть с копьем, поискать удачи в деле бранном. Просили такие люди благословенья родительского, собирались в станицы, или ватаги, и шли искать счастья в борьбе с татарами. У иных молодецкая сила живчиком по жилушкам переливалась, тянуло их в туманную даль и было так, что "либо в стремя ногой, либо в пень головой!.."

И днем и ночью шли русские люди за линию московских засек и сторожевых башен, шли искать себе боевого счастья на тихом Дону.

И всех Дон принимал, и всем находил место.

Чем же жили эти люди? Ответ на это находим в песне донской:

Степью широкою!..
Степью необъятной!..
Там!.. — на воле, на тихом Дону!
Скучно станет — на Волгу пойдем,

Бедно станет — и денег найдем,
Волга-матушка всех приютит,
Всех приласкает и всех одарит...

Жили набегами. Жили войною, жили добычей.

Этих людей звали казаками.

По-татарски и по-турецки гозак, или гузак, значит легко вооруженный конный воин, воин без доспехов, без кольчуги, без шлема... Таковыми и были первые казаки.

Так как татары были конными, то и казаки обзаводились конем и седлом по татарскому образцу, с деревянным ленчиком и высокими луками, с подушкой и сумами переметными, вооружались казаки саблей и луком со стрелами и шли искать себе счастья.

Каждая станица, или ватага, выбирала себе старшего, которого, по образцу северных моряков, ходивших и по русским рекам, называли ват-маном; отсюда потом произошло и название атаман.

Казаки селились в степи, в самом боевом поле, среди татар. Там строили они свои городки из плетней и ставили бедные плетневые шалаши, чтобы не жалко их было бросить в случае неудачи.

Крепость стен своих городков казаки заменяли бдительностью, сторожкостью и хорошей разведкой. Землю казаки не пахали, хлеба не сеяли, а жили добычей, которую брали от татар и турок. От татар же и турок они отбивали себе и коней, и оружие, и дорогую материю для одежды, и золото, за которое покупали себе все, что нужно. С той поры и в песню казачью вошли слова:

У нас, на Дону, живут не по-вашему,
Не ткут, не прядут, не сеют, не жнут,
А хорошо живут...

Когда не было поисков бранных, то жили казаки охотой. В те времена Дон был не только степью раздольною, но по берегам больших рек стояли вековые леса. В особенности густы и тенисты были эти леса по верхнему Дону, Медведице и Бузулуку. В лесах водились медведи, волки, лисицы, туры, олени, дикие кабаны, дикие козы и горностаи. В реках аршинные стерляди и саженные осетры, и всякая красная рыба была обычной добычей донцов.

С саблей и на коне или с луком и колчаном, набитым стрелами, пешком или с сетями на легком челне, выдолбленном из большого дерева, проводили казаки свои досуги после походов и набегов.

От такой жизни они делались легкими, смелыми и предприимчивыми.

Шли казаки на Дон, главным образом, по самому Дону и его притокам. Там и селились. К Дону и вдоль него местами были проложены проездные дороги. Дороги эти назывались военно-дозорными. Одна из таких дорог лежала на левой, ногайской стороне Донца. Она входила в казачью землю выше р. Деркула, а затем шла на р. Глубокую, Калитвенец, к Сокольным горам. За Сокольными горами, за речкою Быстрою лежал первый казачий городок Раздоры. Раздоры были Нижние и Верхние. Нижние Раздоры, или первая станица атаманская, находились под Кобяковым городищем. Это было первое казачье селение, которое встречали татары, шедшие из Крыма или от Азовского моря, вверх по Дону. Верхние Раздоры, или Донецкие Раздоры, лежали в устье одного из рукавов Донца, близ нынешней Раздорской станицы.

От Нижних Раздор шли дороги к Крымскому хану, к Волге, к главному татарскому хану, в Золотую Орду и на Кубань.

В низовьях же Дона лежали и еще становища казачьи — Махин остров — на левом берегу Дона в 5-ти верстах от нынешней Ольгинской станицы, Монастырский и Смагин городки. Монастырский городок был тоже местом перекрестка дорог, и потому там собиралось немало казаков. Русские люди, приходя в низовья Дона, встречались там с остатками населявших когда-то донские степи народов. Это были те храбрецы, которые отстаивали себе и жизнь и свободу. Они говорили про себя по-татарски — сары-аз-ман, что значит "мы — удалые головы", и оттого пришельцы называли их и себя сары-азманами. Здесь, в низовьях Дона, жизнь была очень трудная, здесь русские пришельцы, смешиваясь с удалцами сары-азманами, вечно воюя, образовали казачьи поселки и получили название низовых казаков. Все, кто селился к югу от Верхних Раздор, ниже Донца, были низовые казаки. Те, кто селился поверху, севернее Раздор, получили название верховых казаков. Первые городки казачьи были устроены низовыми казаками. И Раздоры, и Монастырский и Махин городки были поставлены ими, они прочно держались по Дону. Живя среди татар, воюя с черкесами на Кубани, перемешавшись и перероднившись с остатками древних народов, живущих в степи, они стали сильно отличаться и видом своим от новых пришельцев. Черноволосые, стройные, подвижные и веселые, способные на всякое лихое, смелое дело, они были настоящими казаками.

Выше Раздор казаки стали селиться позднее. Здесь больше было чисто русских людей, и перемешивались и рождались здешние казаки с русскими же, бежавшими из Рязани. И опасности здесь было меньше, потому жили спокойней. Верховые казаки были волосом русы, носили бороды и

говорили чистым русским языком, не вставляя в свою речь татарских слов. Они построили первоначально городок Кагальник на р. Донце, а потом распространились по притокам Дона — рекам Хопру, Медведице и Донцу.

Так создались два вида казаков: низовые и верховые. И различие между ними можно подметить и теперь. Верховые казаки рассудительные, менее быстры в решениях, домовитые, нежели казаки низовые. В низовых чувствуется родство с азиатскими народами и греками из древних Танаид. Старинное воинское племя их породило; и до сего дня они полны боевого задора, воинственны и молодцеваты.

Селясь в степи, устраивая городки, составляя свои казачьи становища, они образовали небольшие общества, или станицы. И станицы эти, по числу казаков, делились на разные приборы, были станицы большого и малого прибора. Эти станицы выбирали себе на год атамана. Выборы атамана, решение различных вопросов, сбор в поход, наконец, в трудные дни вечной войны с татарами, когда нужно было на что-то решиться, казаки собирались на общее собрание, непременно в круг. Живя по-братски, донские казаки не иначе думали о своих делах, как думушку единую. Так и в песне казачьей поется:

Собирались казаки-други, люди вольные,
Собирались они, братцы, во единый круг,
Они думали думушку все единую.

Если была в казачьем городке какая-нибудь часовенка, то и круг собирался возле нее, а если ее не было, то на площади или, как тогда называли, на майдане, выносили образ Спаса или Николая Чудотворца и, поставив его на аналой, становились вокруг него.

В походе же, в поле, съезжались тоже в круг и, часто, не слезая с лошадей, становились лицом друг к другу. Так делали и во время морских набегов, когда лодки для совета собирались в круг. Все стояли лицом друг к другу, всякому было и видно, и слышно все, что делалось и говорилось в кругу, всякий мог свободно говорить и предлагать то, что полезно, всякий мог принять или не принять предложение, но раз что-либо постановил весь круг, то это уже было свято, это был закон. За измену было обычное наказание: в куль, да в воду!

В казаки принимали всякого. Нужно было только одно неперемное условие — вера в Христа. Какая — все равно. Этого не спрашивали. Старая или новая, русская или не русская. Казаки в свое товарищество принимали и смелых татар, и турок, и греков, даже немцы попадали в казаки и быстро принимали все казачьи обычаи и становились настоящими казаками.

— В Бога веруешь? — спрашивали станичники пришедшего человека.

— Верую.

— А ну перекрестись!

И татарин, и турок-магометанин принимали веру казачью, веру в Истинного Бога, и сливались с донцами. Казаки, требуя веры, понимали, что только вера в Бога, глубокая и искренняя, даст мужество новому казаку перенести тяжелую жизнь среди военных походов и вечной опасности. Отсюда и пошли по Дону фамилии: Грековых — от греков, Татариновых — от татар, Турченковых, Турчаниновых — от турок, Жидченковых, Жученковых — от жидов, Грузиновых — от грузин, Персияновых — от персов, Черкесовых — от черкес, Сербиновых, Себряковых — от сербов, Миллеровых — от немцев, Калмыковых — от калмыков, Мещеряковых — от мещерских татар, Поляковых — от поляков, но все они стали настоящими казаками и только прозвания их напоминают, кто первый из их рода пришел на Дон.

Свободно, но и тяжело жилось казакам. Боролись они за славу казачью и ее ставили выше всего. В этой борьбе они забывали о всех радостях земных. В эти поры сложилась среди донцов и поговорка "хоть жизнь собачья, так слава казачья". И гордились казаки этой славой. "Все земли нашему казачьему житью завидуют," — говорили они.

3. Первые набеги казаков

В проворстве, ловкости и воинской хитрости казаки превосходили своих врагов — татар. Во время походов они выработали свой способ действий, называвшийся татарским словом "лава". И никто не мог соперничать тогда с казаками в лаве. В разведках и поисках казак шел, незаметный даже для зоркого татарского глаза. Он шел в траве с травой вровень: высокий ковыль, кустарник, овраг, забор — все способствовало всаднику-невидимке. От татар научились казаки и переправам через широкие реки. Они связывали вместе несколько пучков камыша, делали из него плотик, называвшийся салою, привязывали его веревкой к шее или хвосту лошади, складывали на плотик седло и вьюк, а сам казак хватался рукой за гриву и переправлялся через реку вплавь.

Во время общей тревоги казаки собирались по 5 — 6 городков вместе, укреплялись и отсиживались в них. И, где бы неприятель ни появлялся, везде смелым натиском встречали его казаки. Станичные есаулы, схватив знамя, во весь дух неслись по улицам, сзывая на бой атаманов-молодцов. Вестовая пушка или колокол били тревогу. Старики и жены казачьи перегоняли стада и табуны на острова реки и скрывали их в камышах или за болотами. Лодки приковывали к пристаням цепями или затопляли их, имущество закапывали в землю. Отбив врага, казаки не оставались у него в долгу и готовились в новый поход. В походе просто, даже бедно одетые, донцы того времени отличались умом и храбростью. Не раз говорили они азиатам и русским боярам про себя: зипуны-то у нас сирые, да умы бархатные.

И по мере того, как росло и ширилось казачество, тесно ему становилось в приволье донских степей, искали они выхода из них и все чаще и чаще начали сталкиваться с азовским пашой или уходить на Волгу.

Разросшиеся станицы казачьи требовали и большей добычи. Да и казакам дома не сиделось, хотелось им

поохотиться. И вот, когда задумает казак пойти в удалой набег, выходит он к станичной избе, на сборное место станицы и, кидая свою шапку-трухменку, сделанную из бараньей смушки, сверху несколько уже, нежели у основания, кричит зычным голосом:

— Атаманы-молодцы! послушайте!.. На Сине море, аль на Черное поохотиться: на Куму или на Кубань реку за ясырями (пленными); на Волгу-матушку рыбки половить иль под Астрахань, на Низовье, за добычей, иль в Сибирь пушных зверей пострелять!..

К говорившему со всех сторон станицы сходились казаки. И вот, то один, то другой бросал свою шапку вверх и мало-помалу вокруг него собиралась толпа, иногда в несколько сот человек. Все шли в ближайшую церковь-часовню — голубец, клали земной поклон перед образом, а потом отправлялись в общую избу, где за чаркою вина обсуждали условия похода и выбирали походного атамана. Остающиеся дома казаки помогали идущим в поиск снарядиться. И если этот поиск был речной, все вместе строили лодки, если на конях, то готовили коней. Богатые снабжали бедных оружием, выговаривая за собою право на известную часть добычи.

В этой вольной ватаге во время похода дисциплина и порядок были образцовые. Походный атаман мог казнить смертью за малейшее непослушание. Беспрекословно повиновались и выборным есаулам и сотникам. Но кончался поход, возвращались казаки к своим домам и опять все были равные.

Кто шел с атаманом промышлять зверя, на зверовую охоту, или шел воевать с татарами, персами или турками, назывался охотником. Но кто восставал против своих братьев-казаков или шел на московских людей, того и в те времена казацкой вольницы называли вором-разбойником. В степной, конный поиск казаки отправлялись малыми партиями — по 5 — 10 человек, широко рассыпаясь по степи. Вот откуда взялось у казаков и в лаве звено. Обыкновенно на двух казаков имелась заводная вьючная лошадь с сумами, в которые складывалось имущество, продовольствие, а впоследствии и добыча. Такие казаки, пользовавшиеся одной общей сумой, назывались односумами.

Но часто, очень часто, казаки пускались в морской поиск. Наши деды были искусными наездниками, но были также и отличными моряками. По Дону в Азовское море, из Азовского моря в Черное — это был их обычный путь. Богатые города Крыма и турецких берегов Малой Азии были им хорошо знакомы. Для морских походов казаки строили себе большие,

длинные лодки без палубы. На лодках были мачты, но парусом казаки пользовались только при попутном ветре, а против ветра шли на веслах. На каждую лодку садилось 60 — 100 человек, борта лодок обшивались камышом, для защиты от неприятельских пуль и для большей устойчивости лодок. На дно клали бочки с пресной водой, сухари, пшено, сушеную и соленую рыбу и смело с такими запасами пускались в неизвестные края. Водки в поход не брали. В походе, прежде всего, требовалась трезвость. На казаках в походах одежда была самая бедная, чтобы неприятель не хотел поживиться ею, как добычей, чтобы легче было подходить к нему и укрываться в степи и на море.

Морские набеги казаков заставили турок укрепить находившийся в устье р. Дона город Азов. Сам Дон перегородили они цепью из тяжелых бревен, скованных железными кольцами. Но это препятствие не останавливало казаков. Темною, ненастной ночью, в жестокую бурю, без выстрела прорывались они сквозь эти цепи и выходили в море. Без компаса и без карт, по солнцу и по звездам узнавали они направление и без ошибки вели свои лодки к турецким берегам. Завидев вдали турецкие корабли, они рассыпались и уходили против ветра, а затем, перед закатом солнца, приближались к ним со стороны солнца, так, чтобы солнце светило прямо в глаза туркам, кидались на корабли с топорами и саблями и храбро рубились с турками. Захватив корабль, они брали на свои лодки оружие и наиболее ценные, но мелкие вещи, а затем, прорубив дно, топили корабль. В неравном бою казаки, благодаря своей смелости и ловкости, почти всегда выходили победителями. Но доставалось нередко и казакам, и много костей казачьих покоится на дне моря. Если целый турецкий флот гнался за донцами, распустив паруса, казаки неслись к берегам, скрывали, а иногда затопляли свои лодки в камышах, а сами рассеивались по берегу. Когда флот турецкий уходил, они собирались снова, вычерпывали воду из лодок, ставили новые весла и бросались следить за турецкими кораблями, ища случая напасть на них. Так, и на море, на лодках, казаки действовали тем же подобием назойливой лавы, которая составила им славу на суше.

В тихую погоду черными точками рисовались на синем море казачьи лодки. Ярко сверкали на солнце белые весла, ходко шли казаки. Вдруг где-либо на ладье кто-нибудь начинал песню. Пелось про героев-казаков, но чаще всего вспоминали в ней удалого атамана Ермака Тимофеевича. Песню пели хором, немного в нос, как пела тогда вся Русь, научившаяся песням хоровым у греков.

Далеко по синему морю раздавалась эта песня и вторили ей мерные и плавные взмахи казачьих весел.

На Устье Дона тихого,
По край моря синего
Построилась башенка,
Башенка высокая.
На этой на башенке,
На самой на маковке
Стоял часовой казак;
Он стоял, да умаялся;
Не долго мешкавши,
Бежит, спотыкается.
Говорит, задыхается:

— "Кормилец наш, батюшка!
Ермак Тимофеевич!
Посмотри-ка, что там на море,
Да на море, на Азовском-то:
Не белым там забелелось,
Не черным там зачернелось,
Зачернелись на синем море
Все турецкие кораблики!"

Речь возговорит надежда-атаман
Ермак Тимофеевич:
"Вы садитесь в легки лодочки,
На носу ставьте пушечки,
По пушечке по меденькой,
Разбивайте корабли басурманские.
Мы достанем много золота
И турецкого оружия!"

Кончат казаки свою песню, примолкнут, пригорюнятся, закручинятся и сейчас же кто-либо из старых, бывалых казаков начнет рассказывать про походы, про хитрость турецкую, про богатство турецких пашей, про то, как в крутой неволе томятся у них русские пленники, а прекрасные русские женщины наполняют темницы богатых турок.

И огнем загорятся глаза казаков, крепче налягут они мускулистыми руками на вальки весел, и только пена, шипя, разбегается из-под острогрудых кораблей!

Так жили наши деды — донские казаки. Поход и смертный бой заменяли им годы ученья и строевой службы. В непогоду, на свежем морском ветру, закалялось их тело, от трудов становились крепкими руки и острыми их глаза.

Они были воинами. Доблесть воинская ставилась на Дону выше всего. Храбрость, неутомимость, меткая стрельба, умение владеть оружием ценились больше и дороже богатства. За них выбирали в атаманы, таких людей славили в песнях, и молва о подвигах их шла далеко по Дону, разливалась широкой волной по России, делалась слышной и в чужих землях — за границей.

4. Участие донских казаков вместе с русскими войсками во взятии Казани в 1552 году

Русь в это время оправлялась от татарской неволи. Города русские Смоленск, Рязань, Москва, Новгород были один от другого независимы. Князья, правившие этими городами, часто враждовали друг с другом, и пятьсот лет тому назад беспокойно было на Руси. Но постепенно стал усиливаться Московский князь. Он покорил себе соседних князей, смирил Новгород, усилился, завел порядочное войско.

В 1547 году великий князь Московский Иоанн IV Васильевич венчался в Москве царским венцом, стал Царем всея Руси. Все русские города ему были подвластны. Границы его царства на юге доходили до верховьев Дона, на востоке немного не дошли до Волги, на севере захватили Новгород и на западе остановились у Смоленска. Желая расширить свое царство, молодой шестнадцатилетний царь Иоанн IV Васильевич решил завоевать татарское Казанское царство и тем самым навсегда покончить с татарской неволей, в которой двести лет томилась русские люди.

Два раза подходил Иоанн с войсками к Казани, и оба раза неудачно. То наступала ранняя весна и нельзя было перевезти через Волгу тяжелые пушки, необходимые для осады города, то, напротив, зима была такая лютая, что воины замерзали в лесах, и войско подошло к Казани слишком утомленное и не могло приступить к обложению города. Третий поход царь Иоанн объявил летом 1552 года. В этом походе, первый раз заодно с русскими войсками, участвовали донские казаки. В летописях московских мы читаем о том, как донские казаки вместе с конницей князя Курбского прогоняли на Арском поле, подле Казани, конные полчища татарского князя Япанчи и о том, как при взятии Казани, стены которой были взорваны бочками с порохом, первыми ворвались на улицы города донские казаки. Существует предание, что тогда же царь Иоанн IV пожаловал войско Донское первой своей грамотой, которой закрепил все земли, занятые донцами, за донскими казаками.

До нас не дошли имена казачьих атаманов и есаулов, храбро бившихся под казанскими стенами с татарами, не сохранилась и грамота царская. Но участие донцов в казанской осаде осталось в памяти народной. У стариков-станичников Багаевской и других станиц еще лет пятьдесят тому назад можно было слышать песню, где воспевали подвиги донского атамана Ермака Тимофеевича, взявшего Казань и подарившего ее царю Иоанну Васильевичу. Есть и еще песни, где поется о Ермаке, который явился к царю Иоанну Васильевичу и посоветовал ему как взять Казань. Очевидно, что в народной памяти остались подвиги наших дедов под казанскими стенами. Ермаку Тимофеевичу, этому первому герою-казаку, казаки приписали и атаманство под Казанью. Старая песня лучше всякого рассказа рисует нам охотничьи набеги донцов по рекам и то, как собирались казаки в поход. Вот как пели старики наши про взятие казаками Казани.

— "Как проходит, братцы, лето теплое,
Настает, братцы, зима холодная
И где-то мы, братцы, зимовать будем?
На Янк* нам пойти — переход велик,
А за Волгу пойти — нам ворами слить,
Нам ворами слить — быть половленным,
По разным по тюрьмам порассаженным,
А мне, Ермаку, быть повешенным.
Как вы думайте, братцы, да подумайте,
Меня, Ермака, вы послушайте".

Ермак говорит, как в трубу трубит:
"Пойдемте мы, братцы, под Казань-город,
Под тем ли, под городом, сам Царь стоит,
Грозный Царь Иоанн Васильевич.
Он стоит, братцы, ровно три года,
И не может он, братцы, Казань-город взять.
Мы пойдем, братцы, ему поклонимся
И под власть его, ему покоримся!"
Как пришел Ермак к Царю, на колени стал.
Как сказал Царь Ермаку-казаку:
"Не ты ли, Ермак, войсковою атаманушка?
Не ты ли разбивал бусы** корабли мои военные?"

"Я разбивал, Государь, бусы корабли,
Бусы корабли не орленые, не клейменные!
Отслужу я тебе, Государь, службу важную:
Ты позволь мне, Царь, Казань-город взять,
А возьму я Казань ровно в три часа.
Да и чем меня будешь жаловать!"
Как надел Ермак сумку старческую,
Платье ветхое, все истасканное,

---

* Янком тогда называлась р. Урал.

** Бусами назывались морские персидские суда.

И пошел Ермак в Казань за милостыню
Побираться, христарадничать,
Заприметил там Ермак пороховую казну
И с тем вернулся он к товарищам.

"Ой вы, братцы мои, атаманы-молодцы!
Да копайте вы ров под пороховую казну!"

Скоро вырыли глубокий ров донские казаки,
Как поставил там Ермак свечу воска ярого,
Во бочонок ли поставил полный с порохом,
А другую он поставил, где с Царем сидел.
И сказал Ермак Царю Грозному:
"Догорит свеча — я Казань возьму!"
Догорела свеча — в Казани поднялось облако!
Как крикнет Ермак донским казакам,
Донским казакам, гребенским и яиковским:

"Ой вы, братцы мои, атаманы-молодцы!
Вы бегите в город Казань скорехонько,
Вы гоните из города вон всех басурман.
Не берите вы в плен ни одной души:
Плен донским казакам не надобен!"
Ермак тремьятами казаками город взял,
Город взял он Казань и Царю отдал,
Избавил Ермак войско Царское от урона,
За то Царь пожаловал Ермака князем
И наградил его медалью именною,
Да подарил Ермаку славный, тихий Дон
Со всеми его речками и проточками.

Как сказал Ермак донским казакам:
"Пойдемте, братцы, на тихий Дон, покаемся,
Не женатые, братцы, все поженимся!.."

После взятия Казани начались постоянные сношения Московского царя Иоанна IV Васильевича с донскими казаками. Царь пишет грамоты "на Дон в Нижние и Верхние юрты, Атаманам и Казакам", он приказывает им провожать своих послов, едущих к татарам. До нас дошла грамота от 1570 года. Эта грамота первая, которая сохранилась до нашего времени, и потому с нее считается и начало Донского войска, с 1570 года.

5. Донские казаки основывают Терское и Уральское казачьи войска

В песнях казачьих того времени часто упоминается о том, что донские казаки действовали вместе с другими казаками, с казаками гребенскими и яицкими. Так, скликает Ермак Тимофеевич донских казаков и говорит:

Ой вы, донские казаки, охотники,
Вы донские, гребенские со яицкими!

Давно это было... Еще до покорения Казани, а точный год нигде не указан. Как-то раз на станичной площади Раздорского городка собрались все "непенные", то есть не опороченные ничем казаки. Шумно было на кругу. Шумно илюдно. Замышлялся новый поход, вызывали охотников. В середине стоял статный и видный казак атаман Андрей, окруженный бывалыми в походах, смелыми казаками, отчаянными головорезами — старшинами. Много было тут седых волос и седых кудрей, но сухощавы и загорелы были лица. Не один темный шрам на лице говорил о том, что не даром досталось казаку звание старшины, что не раз рубился он с врагом татаринном или турком. Долго гутарили и гомонили казаки. Вдруг атаман взялся за свою высокую, остроконечную барашковую шапку и сейчас же раздался крик:

— Помолчи, честная станица, атаман трухменку гнет!

Это кричал молодой есаул. И стих круг войсковой. И тогда заговорил атаман. Он предлагал казакам пойти "поохотиться" на Каспийской море.

— Любо или не любо, атаманы-молодцы?! — воскликнул он.

Снова зашумел круг. То и дело выходили из него казаки, кидали шапки оземь и скоро порядочная партия казаков собралась к атаману. Набег был решен. Предводителем был избран атаман Андрей.

Снарядив на Волге мелкие лодки, партия охотников спустилась в Каспийское море; долго ходили казаки по морю, останавливали персидских купцов и брали от них добычу. Но настала осень, задули сильные ветры. Зашумела буря.

Спасаясь от нее, казаки пристали к неведомому им берегу. Вдали виднелись высокие горы с вершинами, покрытыми снегом. Это были Кавказские горы. В горах казаки зазимовали. Поставили в долинах шатры, стали ходить на разведку, и понравилась андреевым казакам эта земля. На следующий год они послали на Дон товарищей звать к себе донцов, восхваляя гребни гор, на которых они жили. Называли они себя гребенскими казаками. Пришли еще казаки и основалось Гребенское казачье войско со своим кругом и с обычаями, сходными с обычаями донцов. В 1580 году, повелением царя Иоанна IV Васильевича Грозного они были переведены на Терек и потому стали называться терскими казаками.

Так первоначальное Донское войско положило основание Терскому. Терские казаки наши братья по крови, они вместе с донцами сражались с нехристями на Каспии и на Волге, добывая славу казачью. И до сего времени в Терском войске сохранились те же обычаи, та же речь, тот же говор, что и в Донском.

Мелкие станицы донских казаков селились и по Волге, близ Астрахани и тогда называли себя волжскими казаками. В 1584 году партия казаков в 800 человек под предводительством атамана Нечая пустилась с Волги на восток, прошла пустыни и степи и дошла до реки Урал, который тогда назывался Яиком. Приволье уральских степей, ширь и обилие рыбой реки Урал понравились казакам, и они решили здесь поселиться. Поставили эти казаки обычные свои плетневые городки, сдружились с киргизами и татарами, ходили набегами в далекие азиатские земли, соединялись с донцами в больших походах, а потом часто действовали и самостоятельно. Назывались они яицкими казаками, а впоследствии составили войско Уральское.

Так, в первые же годы своего существования донские казаки выделили из своей среды партии, образовавшие два славных и доблестных войска Терское, или Гребенское, и Уральское, или Яицкое.

Вскоре Донским казакам суждено было совершить новый великий подвиг, присоединить к Российской земле громадное царство Сибирское и положить основание Сибирскому казачьему войску.

6. Ермак Тимофеевич — покоритель Сибирского царства 1582 г.

Ете далекие времена на Дону мало было людей, умеющих писать, и подвиги донцов того времени не записывались и не сохранились бы до нас вовсе, если бы не дошла до нас старая песня казачья. Рождались на Дону богатыри, сильною волей своей водили за собой станицы казаков, тяжелой рукой рубились с татарами и турками, смело ходили на лодках по бурному морю и пели их сподвижники про них песни. Так, много песен поется на Дону про Ермолая, или, как его называли, Ермака Тимофеевича. Поют в них и про то, как ходил Ермак по Азовскому морю на турок, как брал Ермак с казаками Казань-город, покорял Сибирь и брал сибирские города. Называют его в иных песнях "воровским атаманушкой", в других говорят просто: — старики были старые,

Казаки стародавние,
Атаман был у казаков
Ермолай Тимофеевич,
Есаул был у казаков
Гаврила Лаврентьевич.

Если бы не пришлось Ермаку Тимофеевичу столкнуться с русскими людьми и служить с ними одну царскую службу, может быть, про Ермака мы бы и знали только из песен. Но пришлось ему встретиться с русскими людьми и при помощи их сделать набег на Сибирь. На Руси в то время уже были люди, которые записывали все, что делается в Русской земле, составляли летописи, и вот из этих летописей мы подробно узнаем о подвигах Ермака с донскими казаками в Сибири.

Вскоре после завоевания Казани (1552 год), в 1558 году царь Иоанн IV Васильевич, чтобы обеспечить Пермскую землю, лежащую вверх по реке Каме, подарил большие участки у Уральских гор купцам Строгановым и разрешил им строить крепости, иметь пушки и войска для защиты своих угодий. Строгановы настроили небольшие деревянные крепости,

дошли до самых Уральских гор, добывая здесь лес, охотясь за пушным зверем и собирая камни самоцветные. Но когда подошли они к Уральским горам, которые тогда назывались Каменным поясом, их встретили отряды Сибирского царя Кучума и не пустили их за горы. Войско Строгановых было наемное. В нем были и немцы, и шведы, и латыши, и татары. За стенами городков, стреляя из пушек и из ружей, прячась от стрел татарских за бревнами, они дрались хорошо, но сделать поход в неведомые, далекие страны, пройти по широким и быстрым рекам, драться неизвестно с какими народами эти дружины не могли.

Основатели Строгановского городка, братья Яков и Григорий так и умерли, не решившись перешагнуть за Каменный пояс; наследники их, меньшой брат Семен и сыновья Максим Яковлев и Никита Григорьев, решили продолжать начатое дело. В это время к ним и пришел Ермак.

Глухой осенью 1579 года, тогда, когда со дня на день ожидали, что Волга и Кама станут и покроются льдом, по бурным волнам их показались черные лодки. То шел вверх по Каме грозный донской атаман Ермак Тимофеевич с казацкой вольницей. Шли с ним Иван Кольцо, Яков Михайлов, Никита Пан и Матвей Мещеряков с товарищами. Все это были люди отчаянные. Не раз останавливали они на Волге корабли, отбирали товары у перепуганных купцов и с веселой песней гребли дальше. Казанский воевода Иван Мурашкин с целым войском, по приказу царскому, гонялся за ними и не мог поймать. И вот, в вольном набеге своем, повернули донские лодки в Каму и подошли к Строгановскому городку.

Среднего роста, широкоплечий, на диво сложенный, крепкий казак был Ермак Тимофеевич. Черные кудри вились над ушами, взгляд у него был быстрый, лицо чистое и пригожее. Пышно и богато оделся он, подходя к Строгановскому городку, окруженный своими казаками.

Ласково принятый Строгановыми, Ермак остался у них, и здесь, послушав их сетования на набег кучумовых татар, крепко задумался. Смелой душой своей чуял Ермак, что зовут его Строгановы на славный подвиг. Это не удалой набег на Волгу — это завоевание целого царства. Надолго, быть может, навсегда придется уйти с Дона, забыть приволье родных степей. Но манил его подвиг прекрасный. И вот, собрав вокруг себя своих удальцов, обратился к ним Ермак с такой речью:

“Гей вы думайте, братцы, вы подумайте,
И меня, Ермака, братцы, послушайте.
Зимой мы, братцы, исправимся,
А как вскроется весна красная,

Мы тогда-то, други-братцы, в поход пойдем,
Мы заслужим перед Грозным Царем вину свою:
Как гуляли мы, братцы, по синю морю,
Да по синему морю, по Хвалынскому *,
Разбивали мы, братцы, бусы корабли,
Как и те-то корабли, братцы, не орленые,
Мы убили посланничка Всецарского!
Как и лето настанет, братцы, лето теплое,
Да, пора уже нам, братцы, в поход идти.
Ой вы, гой еси, братцы, атаманы-молодцы,
Эй вы, делайте лодочки коломенки,
Забивайте вы кочета еловые,
Накладывайте бабаички сосновые,
Мы пойдем, братцы, с Божьей помощью,
Мы пригрянем, братцы, вверх по Волге-реке,
Перейдем мы, братцы, горы крутые,
Доберемся мы до царства басурманского,
Завоюем мы царство Сибирское,
Покорим его мы, братцы, Царю Белому,
А царя-то Кучума в полон возьмем
И за то-то Государь Царь нас пожалует.
Я тогда-то пойду сам к Белому Царю,
Я надену тогда шубу соболиную,
Я возьму кунью шапочку под мышечку,
Принесу я Царю Белому повинную:
Ой ты гой еси, надежда православный Царь!
Не вели меня казнить, да вели речь говорить:
Как и я-то Ермак сын Тимофеевич,
Как и я-то воровской Донской атаманушка,
Как и я-то гулял ведь по синю морю,
Что по синю морю, по Хвалынскому.
Как и я-то разбивал ведь бусы корабли,
Как и те корабли все не орленые,
А теперича, надежда, православный Царь,
Приношу тебе буйную головушку
И с буйной головой царство Сибирское!"

Молча слушал Ермака круг казачий. И думали казаки "думушку единую". И сладка им была мысль искупить свои грехи, свои грабежи и нападения на купцов великим подвигом, таким подвигом, который прославил бы навсегда имя казачье. А слава казачья донцам была всего дороже.

Смотрели казаки на снегом покрытые, поросшие густым лесом горы и хотелось им перешагнуть за них, поглядеть, что там делается за горами, какие народы там живут и как воюют. Много повидали они на своем веку. Ходили по Азовскому и Черному морям, видали турецкие города, видали высокие страшные горы Кавказа, но за Каменным поясом они не были ни разу. И тянула их к себе эта неведомая, неизвестная даль,

---

* Хвалынским называлось тогда Каспийское море.

и охотою шли они на труды и лишения походной жизни, шли на опасные бои.

— Любо! Любо нам, Ермак Гимоевич, с тобой идти! Любо покорить царя Сибирского и подарить его Московскому православному Царю! Любо... Аминь!

Низко поклонился кругу атаман и вышел с площади. За ним разошлись и казаки. И на другой день закипела работа.

Всю зиму стучали в лесу топоры, визжали пилы — то казаки строили себе легкие лодки. Заготавливали "зелье", то есть порох, лили пули, устанавливали маленькие пушечки, солили мясо впрок. Строгановы усилили небольшую дружину казаков тремястами находившимися у них на службе воинами русскими, татарами, литовцами и немцами, придали им еще проводников и переводчиков, и весной 1581 г. отряд Ермака в 840 человек был совершенно готов к походу.

С этими маленькими силами, ничтожными числом, Ермак отправился в поход, завоевывать громадную Сибирь. Он разделил отряд на части, назначил в каждом атамана, назначил есаулов, сотников и пятидесятников, и пошел за Уральский хребет. Четыре дня плыл Ермак на лодках вверх по р. Чусовой до устья р. Серебряной, а потом два дня шел по Серебряной до Сибирской дороги. Здесь Ермак высадился на берег и построил укрепление, названное им "Кокуй-город". Сложив здесь запасы и обеспечив, таким образом, на всякий случай, путь отступления, Ермак налегке поплыл в р. Туру, за которой начиналось уже царство Сибирское. Здесь в татарском улусе казаки захватили важного князя мирзу Таузака.

Ермак потребовал его к себе и допросил о царстве Кучума. Таузак правдиво и точно рассказал Ермаку, каково царство Сибирское, и за то Ермак отпустил своего пленника на волю. Таузак отправился к царю Кучуму и известил его о движении на Сибирь неведомых белолицых людсй. Кучум собрал совет из старшин. В тесной юрте уселись желтолицые и косоглазые обитатели Сибири, и Таузак повел перед ними свой рассказ:

— Идут, — сказал он, — из-за Каменного пояса люди страшные, ростом великие. Глаза у них быстрые. А из луков своих они стреляют огнем и громом смертоносным, который далеко попадает, ранит до смерти и всякие доспехи наши пробивает насквозь. А называют они себя донскими казаками! Быть беде!

— Быть беде! — повторили старшины и призадумался весь их совет.

— К этому были приметы и указания, — сказал один татарский мирза. — Видели подданные мои город в небе, и в

том городе были видны христианские колокольни. А в реке Иртыш в тот час вода стала кровавой.

— Видели мы, — проговорил другой мирза, — как Тобольский мыс выбрасывал золотые и серебряные искры.

Мирза Девлетбай, живший на Нанине бугре, против теперешнего Тобольска, в городе Бициктуре, доложил Кучуму, что и он видел много знамений: с Иртыша приходил белый волк, а от реки Тобола черная гончая собака, и они грызлись между собой. И волк, как толковали кудесники, означал ханскую силу, а собака российскую, и российская победила.

Такими бабьими бреднями растревляли себя татары. Они еще не видали казаков, а уже боялись их, Ермак еще был далеко, а уже прятали имущество татары и робость одолевала их. Кучум против маленькой дружины Ермака послал большой конный отряд царевича Маметкуля.

А Ермак шел спокойно по реке Тоболу. Легко было на сердце у донцов; веселые, бодрые песни звенели в чужеземной стране. Недалеко от урочища Бабасан встретились донцы с Маметкулем.

Дружина Ермака построилась в боевой порядок в пешем строю и начала пальбу из пищалей и аркебуз. Маметкуль бросился в атаку, но не приученные к такому грому выстрелов, полудикие лошади татарские не шли на огонь, пули и стрелы поражали их и атака татар была отбита. Маметкуль бросился второй и третий раз, но только урон его становился больше, падали лошади и люди, а донцы Ермака подавались все вперед и вперед. Маметкуль отступил, и Ермак подошел к устью р. Тобол.

На пятьдесят второй день похода Ермака, 22 октября 1581 года, под вечер, казачьи струги, шедшие по р. Иртыш, подошли к городищу Атик-мурзы. Здесь казаки причалили к берегу и высадились. Невысокие холмы, покрытые уже почерневшим дубняком и елями, горели тысячью огней. То был стан самого царя Сибирского Кучума, засевшего с Маметкулем в крепкой засеке и решившего смертным боем защищать свое царство. Гомон тысяч голосов, ржание коней слышно было по реке на несколько верст. Точно море, глухо шумел стан татарский.

Тихо было в казачьем лагере. Таким маленьким казался этот стан. Всего один полк, если считать по-нынешнему, шел против целой армии. Но это был полк богатырей, прекрасно вооруженных, смелых, упорных, гордых и самолюбивых! Полк донских казаков.

Близ полночи сотники, бывшие на совете у Ермака, сказали пятидесятникам, а те десятникам приказ всем собираться на

войсковой круг. На лесной прогалине, над обрывом, у глухо ропщущей реки собрались казаки. Мрачны были их лица. Незавидной казалась им доля. Зашли невесть куда, кругом угрюмые горы и скалы, хмурое, низко нависшее небо, впереди бесчисленная рать, одолеть которую нет силы.

— Идти назад! — глухо пронеслось по рядам казачьим, когда вышел Ермак.

Смоляные факелы освещали его лицо. В доспехах и металлическом шлеме, из-под которого вились черные кудри, он весь был порыв и мужество. Красные отблески огней играли на стали кольчуги, будто кровавые пятна.

Он взялся за шлем.

— Помолчи, честная станица! — раздалась возгласы.— Атаман слово держать будет!

Стих весь круг казачий. Плотнее сдвинулись ряды, задние напирали на передних, только тяжелое дыхание да сдержанный кашель прерывали ночную тишину.

Ермак поднял курчавую голову. Из-под снятого шлема черными змеями рассыпались кудри, ярко блеснул белый лоб над загорелым лицом; глаза горели решимостью, удалью... и восторгом. Предстоящий кровавый бой радовал донца-атамана!

— Идти назад!? — тихо, но сурово сказал он. — Идти назад через безлюдную и мрачную пустыню, идти за горы, покрытые глубоким снегом. Идти пешком, потому что реки замерзнут!..

Ермак вздохнул. Вздохнул, как один человек, и весь круг войсковой.

— Вернуться домой на тихий Дон и что сказать? Вернуться без славы! Нас спросят дома старики, нас спросят жены и дети: "Вот вы пропадали два года за Волгой, что сделали вы?"

Что ж, атаманы-молодцы, решайте: идти нам со срамом домой, чтобы жены смеялись над нами, чтобы родители прокляли нас и не было нам никогда от них благословения, или вернуться после победы покорителями царства Сибирского!?

Огнем загорелись глаза казачьей вольницы. Слетели порывом шапки с косматых голов, поднялись руки, творя крестное знамение, поклялись казаки либо умереть, либо победить Кучума-царя. "Смерть лучше отступления!" — говорили казаки. Задумчивые расходились донцы по своим шалашам и там тихо беседовали, точили оружие, отсыпали порох, готовили пули.

И слышалось всюду одно слово, одна клятва между односумами: "Если ты жив останешься, Расскажи дома, как меня убили!" — потому что каждый готовил себе славную смерть!

На рассвете, 23 октября, казаки ударили на приступ укрепленного Кучумом селения Чувашева. Засвистали пули казачьи, загремели ружья и навстречу им полетели тучи стрел. За ружейною трескотнею, за свистом стрел не слышно было ни голосов, ни команд. До полудня шла перестрелка. Татары, видя, что казаков очень мало, сами проломили засеки в трех местах и живыми людскими потоками устремились на казаков. Это был отчаянный бой. Каждый понимал, что от того, кто победит, зависит, быть или не быть тому живому. Летописец, записавший о том, как происходила эта битва, написал: "И была сеча злая; за руки емлюще сечахуся", то-есть, хватали друг друга за руки, чтобы помешать наносить удары. Но под могучими ударами казаков густые толпы татар стали редеть. Раненый царевич Маметкуль был переправлен с приближенными людьми на ту сторону реки, и татары начали отступать. Уже темнело, когда казаки заняли татарские засеки, а потом отошли на старый свой бивак к Атику-городку. Всю ночь не спали они. Хоронили убитых. Их было 107 человек; перевязывали раны, строили укрепления, опасаясь нападения татар. Но татарам было довольно. Союзники Кучума, остяцкие князья, покинули его, Маметкуль, лучший витязь его, был ранен, а сам Кучум той же ночью ушел в свою столицу, город Сибирь, собрал свои пожитки, жен и бежал с ними в степи.

26 октября 1581 года казаки заняли Сибирь. Там, в ханских дворцах и торговых рядах, они нашли богатую добычу: золото и серебро в сундуках, золотом тканые материи и царские уборы, дорогие меха и драгоценные камни...

Ермак зазимовал в Сибири. Его дружина разместилась в покинутых домах; по окрестным городам и селам были посланы гонцы с известием, что казаки не сделают зла тому, кто добром вернется в свои дома, примет клятву на верность царю Московскому и будет послушен Ермаку. И вот, из лесов стали возвращаться мирные татары. Казаки принимали их ласково, помогали им на первых порах, и слух о том, что Ермак правитель добрый, пошел по всей Сибири. Юрты и отдельные кочевья спешили заявить Ермаку о том, что они верны русскому царю, и доносили казакам о всяком движении своего бывшего царя Кучума и его войска.

Кучум от горя совсем одряхлел, потерял зрение и скитался одинокий по Ишимской степи. Оправившийся от раны Маметкуль своими наездниками окружил казачий стан и захватывал одиночных казаков, возвращавшихся из поездок.

Но следил за ним и Ермак. Его удальцы не спали зимою. Из пешей рати, шедшей на судах, к весне дружина Ермака

обратилась в отличную конницу. Татары окрестных Сибири юртов стали друзьями казаков, они донесли Ермаку, что Маметкуль с небольшим отрядом татар стал на реке Вагое. Это было весной 1583 года. Ермак отправил против него сотню в 60 человек. Казаки напали ночью на татарский стан. Большинство татар они умертвили сонными, а самого Маметкуля взяли в плен и живым доставили Ермаку. Как только вскрылись реки, опять на судах пошли казачьи отряды, широко раздвигая завоевания Ермака. Не одна казачья голова легла на приступе сибирских городов. Убит был и один из главных соратников Ермака Никита Пан.

В самой Сибири снаряжалось посольство к Строгановым и Московскому царю. Отбирались лучшие меха, 2400 соболей, 20 чернобурых лисиц и 20 бобров, лучшие камни, отсыпалось самородное золото, заворачивались и зашивались в рогожи драгоценные царские шапки и наряды Кучума. Начальником летучей станицы с подарками царю Иоанну IV, которыми бил челом донской казак Ермак Тимофеевич, был назначен лучший дружинник Ермака атаман Иван Кольцо. Ему наказано было, прибыв в Москву, "бить челом царю царством Сибирским"...

Веселую грянули казаки песню, когда по знакомому пути, по рекам сибирским поплыли назад к Каменному поясу. Весла бодро ходили в руках, сознание великого дела, которое они совершили, окрыляло их, и летели острогрудые челны казачьи по холодным волнам широких рек.

Царь радостно принял Ивана Кольцо. Он простил казакам все прежние их разбои на Волге, пожаловал посланных деньгами и сукнами на одежду, разрешил атаману Кольцо набрать в Московской земле охотников для заселения Сибири и повелел отправить Маметкуля в Москву. Ермаку с его товарищами была пожалована царем грамота.

В грамоте царской Иоанн IV милостиво объявлял казакам забвение старых провинностей и вечную благодарность России за важную услугу. Ермак был назван князем Сибирским, ему было поручено устраивать завоеванную землю. Для принятия же сибирских городов из Москвы был послан воевода князь Семен Болховской и голова Иван Глухов с отрядом лучших московских солдат стрельцов.

Ратный крестник Ермака, Маметкуль, оказался и в Москве храбрым воином. Он дослужился в русских войсках до чина воеводы что отвечает нынешнему генералу, — и воювал со шведами, отличаясь мужеством и искусством.

Подаренная Московскому государству донскими казаками Сибирь усилила Московского царя и стала его снабжать и хлебом, и золотом. Но, вместе с тем, Ермак с донцами

подарили русскому народу обширные земли. И когда тесно стало на Руси, потянулись переселенцы в широкие сибирские степи, в дремучую тайгу и нашли там отличные места для жизни.

Теперь Сибирь неразрывная часть Русского государства, богатый край со многими красивыми городками. Бежит через этот край железный путь, на днях пройдет и другой, и земледелец, и скотовод, и горнопромышленник живут в завоеванной триста лет тому назад донскими казаками Сибири припеваючи...

Памятник Ермаку Тимофеевичу

7. Смерть Ермака. 6 августа 1584 года

Правив атамана Кольцо в Москву, Ермак ушел с казаками на север-Сибирю. Во всех городах он объявлял жителям о подчинении их Московскому царю и оставлял казаков для порядка. Так, в походах и трудах, провел он лето и зиму 1582 года и лето 1583 года. Осенью этого года он возвратился в Сибирь, и здесь его встретил прибывший из Москвы атаман Кольцо.

Радостна была встреча атаманов. Собрался круг казачий и с увлечением слушали донцы длинный рассказ посланца о царском приеме. Сибирский князь Ермак надел привезенные от царя тяжелые доспехи, казаки целовались друг с другом, поздравляли один другого с царскими милостями, делили деньги, делили сукна. Гуляли и пели песни, восхваляя своего атамана.

Дружно и ласково приняли они и стрельцов, прибывших с Кольцом, одарили их сибирскими мехами, отвели им дома. Но Сибирь был небольшой город. В нем не было хороших теплых домов. Казаки и татары жили в кибитках, питались чем Бог пошлет. Зима стала ранняя, выпал глубокий снег, реки замерзли. Казаки не могли промышлять ни охотой, ни рыбной ловлей. Скоро в городе стало не хватать съестного. Пришлось плохо питаться. Непривычные к лишениям похода стрельцы начали хворать. От недостатка в овощах в отряде их появилась цынга. Их воевода князь Болховский умер от болезни. С честью похоронили его казаки.

Но вот тяжелая зима стала подходить к концу. Ярче заблестало солнце. Сделалось теплее. Из окрестных деревень потянулись обозы. Ободрилось войско Ермака. Но отряд уменьшился почти наполовину. А летом ему предстояли новые испытания.

Казаки дружили с татарами и остяками и доверяли им во всем. Сами честные и правдивые в дружбе и товариществе, они считали и татар честными, истинными товарищами... Атаманы казачьи ездили в гости к мирзам, пировали с ними и

вели долгие беседы. Татары, между тем, готовили измену. Они льстили казакам, низко кланялись им, пировали с ними, клялись, что они стали их братьями, а сами задумывали жестокую месть. Летом как-то атаман Иван Кольцо гостил с 40 казаками у мирзы Карачи. Как всегда, пили пьяную бузу, слушали, как заунывно пели под звон струн слепые певчие. Смотрели медленный танец татарок. Ночью беспечно легли все спать, без часовых и без оружия. Забыли казачью сноровку... Под утро никто не встал. Всех зарезали, никого не пощадил жестокий Карача.

Не успела рассеяться печаль по этому случаю, как новое несчастье легло на маленький отряд Ермака. Погиб другой атаман его, лихой донец Михайлов. Он погиб на разведке, убитый из засады стрелой.

Гибли казаки. Лучшие воины были убиты. В июне месяце татары вдруг перестали платить дань. У Карачи собралось большое войско, и они обложили им город Сибирь. На этот раз татары были осторожны. Они поставили свои засеки и расположили за ними войско в трех верстах от города. Они решили погубить Ермака и его дружину голодом. Настали тяжелые дни. Ни пушки, ни ружья казачьи не могли достать до татарского лагеря.

И вот, в это тяжелое время снова проснулась доблесть казачья. Атаман Мещеряков вызвал охотников пробиться сквозь стан татарский и напасть на татар сзади. Выбрав безлунную ночь, он тихо вышел из города Сибири и, подкравшись незаметно к главному стану татарскому, бросился резать сонных татар. Оба сына Карачи были убиты. В ужасе татары разбежались, а Мещеряков засел со своим отрядом в татарском обозе. На рассвете Карача собрал татар и атаковал казаков. Но казаки встретили татар дружным огнем из пищалей и отогнали врагов. Мало того, они бросились еще их преследовать и в полдень вернулись в освобожденную от осады Сибирь.

Чтобы наказать врага и обезопасить себя на будущее время, Ермак с 300 казаками отправился в новый поход по Сибирскому царству. К зиме он вернулся с богатой добычей. Все городки были приведены к покорности, на всех наложена дань.

Два года прошло спокойно. Казаки и русские сумели завязать торговлю с соседними народами. Потянулись в Сибирь, а оттуда в Москву из Китая караваны с чаем, из Бухары повезли шелк и хлопок, из далекой Индии благовония и пряности. Богатела Сибирь от торговли.

Узнав об этом, старый Кучум, бродивший в верховьях Иртыша, в 1584 году собрал войско, стал заставою и не пропускал бухарских купцов в Сибирское царство. Об этом

донесли Ермаку. Ермак взял 50 казаков и с ними поплыл на лодках вверх по Иртышу. Несколько дней гребли казаки между лесов и угрюмых скал. Они дошли до застав, но нигде не нашли татар. Ермак, проведя весь день в поисках, к ночи с 5 на 6 августа вернулся к лодкам и расположился на ночлег. Ночь была темная, лил дождь, ветер шумел вершинами деревьев. Усталые казаки заснули крепким сном. Татары, следившие за казачьим отрядом с другого берега Иртыша, переправились через реку и напали на сонных казаков. Только двое проснулись, Ермак и еще один донец. Ермак отчаянно оборонялся, но видя, что он один, что погибла его верная дружина, бросился в Иртыш, в надежде доплыть до лодок. Но тяжелые доспехи, подаренные ему Иоанном, тянули его ко дну, усталость брала свое, обессилили руки, туманилась голова и погиб великий донец, князь Сибирский, не доплыв до стругов.

Другому, простому казаку, удалось пробиться. Он бежал в Сибирь и рассказал там о гибели атамана.

На следующий год в Сибирь из Москвы прибыли воеводы Мансуров, Сукин и Мясной. По Сибирскому царству начали строить городки. В 1585 году поставили Тюмень, а через два года Тобольск, потом Пелым, Березов, Сургут, Тару и Нарым. Сибирское царство, завоеванное донскими казаками, прочно занималось. Остатки Ермаковой дружины положили основание новому казачьему войску Сибирскому.

Умер Ермак, погиб в Иртыше, в отчаянной схватке с татарами, но умерло только брненное тело его. Сам он, великий донской атаман, жив и донине. Жив в песнях казачьих старых и новых. И теперь донцы и сибирские казаки в мощной песне вспоминают бурную ночь с 5 на 6 августа 1584 года. Кто не знает этой песни, составленной из стихотворения известного стихотворца русского К. О. Рыльева?

Ревела буря, дождь шумел;
Во мраке молния блистала;
Бесперывно гром гремел,
И ветры в дебрях бушевали...

К славе страстию дыша,
В стране суровой и угрюмой,
На диком бреге Иртыша
Сидел Ермак, объятый думой.

Товарищи его трудов,
Побед и громозвучной славы
Среди раскинутых шатров
Беспечно спали близ дубравы.

"О, спите, спите, — мнил * герой —
Друзья, под бурею ревущей!

---

* Мнил — старое русское слово; значит думал.

С рассветом глас раздастся мой,
На славу иль на смерть зовущий.

Вам нужен отдых: сладкий сон
И в бурю храбрых успокоить;
В мечтах напомним славу он
И силы ратников удвоить.

Кто жизни не щадил своей,
Опасность в сечах презирая,
Тот думать будет ли о ней,
За Русь святую погибая?

Своей и вражьей кровью смыв
Все прегрешенья буйной жизни
И за победы заслужив
Благословения отчизны?..

Нам смерть не может быть страшна;
Свое мы дело совершили:
Сибирь Царю покорена,
О, мы не праздно в мире жили!"

Ревела буря, дождь шумел;
Во мраке молния блистала;
Беспрерывно гром гремел,
И ветры в дебрях бушевали.

Иртыш кипел в крутых берегах;
Вздымались седые волны
И рассыпались с ревом в прах,
Бня о брег казачьи челны...

С вождем покой в объятьях сна
Дружина храбрая вкушала;
С Кучумом буря лишь одна
На их погибель не дремала.

Страшась вступить с героем в бой,
Кучум к шатрам, как тать * презренный,
Прокрался тайною тропой,
Татар толпами окруженный.

Мечи сверкнули в их руках
И окровавилась долина,
И пала грозная в боях,
Не обнажив мечей, дружина...

Ермак воспрянул ото сна,
И гибель зря **, стремится в волны;
Душа отвагою полна;
Но далеко от берега челны!

Иртыш волнуется сильней...
Ермак все силы напрягает —

---

* Тать — вор.

** Зря — видя, тоже старое русское слово.

И мощною рукой своей
Валы седые рассекает.

Плывет... уж близко челнока:
Но сила року уступила,
И, закипев страшной, река
Героя с шумом поглотила.

Лишивши сил богатыря
Бороться с ярою волною,
Тяжелый панцырь дар Царя —
Стал гибели его виною.

Ревела буря... Вдруг луной
Иртыш на миг осеребрился
И труп, извергнутый волной,
В стальной кольчуге озарился.

Носились тучи, дождь шумел,
Во мраке молния блистала
И гром вдали еще гремел,
Но Ермака уже не стало!..

На смерть Ермака написаны и еще стихи, сочиненные А. А. Д.

За Уральским хребтом, за рекой Иртышом,
На далских отрогах Алтая,
Стоит холм, — и на нем, под кедровым шатром *
Есть могила, совсем забытая.

Много лет уже стоит и курган сторожит
Этот кедр одинокий угрюмо.
Вкруг него ни куста... Вся дорога пуста
И тиха. Нет ни звука, ни шума.

Хищный враг не летит, дикий зверь не бежит
Этим местом: здесь кроется диво.
Заколдован курган. С ним и кедр великан,
Что разросся так пышно, красиво.

Говорят, что под ним великан-исполин,
И в броню и кольчугу одетый,
Беспокойно лежит, потому что зарыт
По обряду отцов не отпетый.

Триста лет, говорят, это было назад,
Рыбаки в Иртыше неводили
И, в мереже одной, здесь, на берег крутой —
Вместо рыб мертвеца притащили.

Был в броне боевой, был в кольчуге стальной,
Роста страшного пойманный в сети.
И дивились ему, великану тому,
Рыбаки простодушные эти.

---

* Кедр — хвойное дерево, похожее видом на ель, но с длинными мягкими иглами. В громадных шишках его, с большой кулак величиною, находятся мелкие кедровые орехи. Растет в Сибири.

Но, не зная, как быть, как покойника сбыть,
Чтоб на грех не затеять бы дела,
Порешили все скрыть и скорее зарыть
Это мертвое, страшное тело.

И с тех пор, только день перейдет в ночь и тень,
Из могилы покойник выходит
И всю ночь напролет, по холму взад вперед
С тяжким стоном задумчиво бродит.

Этот стон гробовой над уснувшей землей
По расщелинам гор раздается.
Ужасая собой даже кедр вековой,
Что от стонов от этих трясется.

Есть в народе молва, что порою слова
Можно слышать, к могиле склонитесь:
"Я донской был казак, по прозванью Ермак,
О покое моем помолитесь" *.

Не забыли Ермака и потомки. В Тобольске, главном городе Западной Сибири, первом, покоренном Ермаком, поставлен ему, по повелению Императора Николая I, в 1838 году памятник с надписью: "Покорителю Сибири Ермаку". Другой памятник поставлен в 1904 году на пожертвования донцов в Новочеркасске, в войске Донском, на родине Ермака. На этом памятнике надпись: "Ермаку донцы". 3-й Донской казачий полк, по повелению ныне благополучно царствующего Государя Императора Николая II Александровича, носит его славное имя. Его же имя носит и 1-й Сибирский казачий Ермака Тимофеевича полк. На Дону есть Ермаковская станица, есть Ермаковы хутора и не один донец носит славное имя Ермаково, как бы в воспоминание, что деды его ходили в славный поход с Ермаком и смелою битвой завоевали родной Руси целое великое Сибирское царство!

---

* Для любителей пения добавим, что на стихи эти есть музыка Д.Э. Добровольского для баса и баритона.

8. Жизнь донских казаков при царе Феодоре Иоанновиче. Появление на Дону "голытьбы"

Грозен, но и велик был царь Московский Иоанн IV. всю жизнь вел он войны с соседями Московского государства, стремясь расширить его. От татар он отнял всю Волгу с городами Казанью и Астраханью; пробивался он к Балтийскому морю, одно время овладел Нарвою и всею Ливонскою землею, нынешним Прибалтийским краем (губерниями Эстляндскою, Лифляндскою и Курляндскою). Долгое время сражались его дружины с поляками, литовцами и шведами. При нем и ему поднес атаман донской Ермак Сибирское царство, и он первый вступил в сношения грамотами с казаками, почитая их за вольное, дружественное России товарищество.

Тридцать семь лет правил царь Иоанн на Руси. Он скончался в 1584 году, в один год с Ермаком. Ермак пережил его всего несколькими месяцами. Ему наследовал, и на престол Московский вступил царь Феодор Иоаннович.

Царь Феодор был государь мягкий и добрый. Не было у него такой твердой руки, какую имел его отец, чтобы держать в порядке громадное Московское царство. Скромный, застенчивый, он не любил заниматься государственными делами и ему не под силу было править таким большим царством, каким уже была тогда Московская земля. Его отец, царь Иоанн, понимал это и назначил ему в помощь совет из пяти бояр. Совет этот назывался Верховною Боярскою Думою и состоял из бояр: Мстиславского, Никиты Романовича Юрьева, Шуйского, Бельского и Бориса Феодоровича Годунова. Годунов, на сестре которого был женат царь Феодор, скоро стал почти самостоятельно править всем государством, а по смерти царя Феодора венчался и царским венцом.

На Дону, с уходом Ермака с товарищами в Сибирь, продолжалась прежняя боевая, охотничья жизнь. Собирались за атаманами станицы удальцов, строили лодки и шли "добывать зипунов": кто на Волгу, кто на Азовское море, кто на Черное, кто на Хвалынское. Задевали удалые партии

всякого и прохожего, и проезжего на Дону, шарили по татарским городкам сильного тогда крымского хана, не раз затрагивали и турецкого султана.

И крымцы и турки обижались на казаков. Считая их подданными русского государя, они писали в Москву жалобы на казаков, но Москва отрекалась от них. Из Москвы на эти жалобы обыкновенно отписывали: "Казаки донские и волжские не наши — люди вольные, живут и ходят без нашего ведома..."

31 августа 1584 года была написана в Москве грамота войску Донскому от царя Феодора Иоанновича.

"От Царя и Великого князя Феодора Иоанновича всея Руси, — писано в этой грамоте, — на Дон, Донским Атаманам и Казакам, старым и новым, которые ныне на Дону, и которые зимуют близ Азова..." Дальше в грамоте своей царь объявляет казакам, что от Москвы к азовскому паше посланы для переговоров Борис Петрович Благово, и чтобы казаки помогли ему доехать до Азова, а сами с азовскими людьми "жили смирно и задору никакого азовским людям не чинили", да мало того, чтобы позволили азовским людям ловить рыбу по Дону, рубить там дрова и, вообще, устраиваться на Дону. Кроме того, запрещалось казакам ходить и на крымцев, и требовалось, чтобы казаки жили с крымским ханом в мире. И за это царь Московский послал казакам свое жалованье: селитру для пороха и свинец. И на будущее время царь Московский обещал дарить казаков своим царским жалованьем.

Приказывал царь Московский еще донским казакам составить список поименно, кто и где атаман, и сколько с ним казаков, и список этот отдать тому же Благово, когда он поедет назад. И за это царь обещал к весне всем атаманам прислать еще жалованье.

Этой грамотой кончалась первобытная вольная жизнь казаков. Не стало им свободы, не могли они больше по своей воле ходить "зипуна добывать", искать добычи. Из вольных людей они обращаются этой грамотой в войско царское, получающее за свою верную службу жалованье. Уже нельзя было, как прежде, любому казаку выйти на площадь, бросить свою шапку оземь и скликать народ "на Волгу-матушку, иль в Сибирь пушных зверей пострелять, на море Черное или Хвалынское". Атаманы были записаны и станицы донских богатырей должны были составлять дружины царские по указу из Москвы. Донские казаки начинали входить в состав московского войска, как постоянные его союзники, верные и храбрые, и за это Московский царь жалует их грамотами, подарками и отличиями...

Но по одной грамоте, по одному царскому указу, не могла измениться вся жизнь донцов. Больше ста лет прошло, пока успокоилось все на Дону, пока казаки донские поняли, что с ростом и увеличением могущества Московского царства им нельзя воевать от себя, составлять партии и охотиться на Волге, Каспии и на Черном море. То тут, то там являлись вольные атаманы, собирали, как и встарь, вокруг себя станицу и шли громить и грабить куда глаза глядят. Только станицы эти стали больше. Уже не 20, не 50, даже не сто человек примыкало к атаману, а собирались целыми тысячами. Одни, по призыву Московского царя, шли к его войску воевать наряду с царскою дружиною, добывать себе зипуна из законной добычи, отнятой от неприятеля; другие шли самовольно, большей частью, за царское же дело, наказывать азовского пашу или татар, но были и такие, которые шли против царского указа и, помня старые времена, занимались разбоями, где придется...

Охотников идти в набеги на Дону все еще было много. Но добычи стало меньше. Меньше стало и богатства на Дону. А людей все прибывало. Селились с казаками беглые крестьяне, прикрепленные к земле при царе Феодоре Иоанновиче 5 марта 1593 года, бежали люди и от казней. Народа становилось больше. Леса редели, зверя и рыбы было труднее добывать. Пастбищ для скота еще было довольно, но не у всех был этот скот. Пахать и сеять никому и в голову не приходило. От этой тяжелой крестьянской работы и бежали, да это на Дону было и запрещено под страхом жестокой смертной казни. Так, наряду с "добрыми", домовитыми казаками, имевшими свои дома-курени, жившими по городкам, имевшими коров, быков, лошадей, получавшими в жалованье из Москвы деньги, сукна, хлеб, порох и свинец, появились на Дону казаки "голутвенные", "голытьба" одинокие бедняки, у которых

Ни кола, ни двора,
Зипун весь пожиток,
Эх, живи, не тужи —
Умрешь! не убыток! *

Этим беднякам все было все равно. Им и после царского указа хотелось на Волгу, на грабежи, за добычей.

— А как попадешься,
пели они, —
— Так сам отвечай
Головушкой бедной своей.

---

* "Песня бобыля". Стихотворение поэта И. С. Никитина.

Одинокие сироты, бродили они по городкам и станицам, ища себе атамана, ища случая получить и добычу. Это про таких "голутвенных" казаков и поется по Дону песня: —

Ты воспой, сирота, песню новую!

— Хорошо песню играть, пообедавши.

А я, сирота, еще не ужинал...

Поутру сироту в допрос повели.

— Ты скажи, сирота, где ночевал?

— У меня, молодца, было три товарища:

Первый товарищ мой конь вороной,

А другой товарищ я сам молодой,

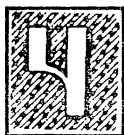
А третий товарищ сабля вострая в руках!

Много беспокойства доставляли эти голутвенные казаки Московскому государю, но, когда соединялись они с атаманами и шли за царское дело, они составляли грозную силу. Скоро с почтением стали произносить в Москве имя великого войска Донского, и благодарностью была полна Москва за услуги донцов. В тяжелые годы смутного времени донцы явились к Москве, готовые или умереть за своего природного Государя Царя Московского, или победить его врагов.

9. Смутное время. Донцы с атаманами Корелом и Межаковым воюют за самозванца

то же это было за время на Руси, которое история назвала смутным? Тяжелое это было время.

У царя Иоанна IV, кроме сына Феодора, был еще сын Димитрий. Они, вместе со своей матерью, Марисей Нагой, были в опале и жили в маленьком городке Угличе. Когда царем Московским сделался Феодор Иоаннович, он хотел вернуть брата в Москву. Но... совершенно неожиданно пришло известие, что Димитрий, который был тогда маленьким мальчиком, в припадке падучей болезни закололся. Младенца Димитрия похоронили, окровавленную рубашечку его привезли в Москву, и, казалось, дело это так и должно было бы кончиться.

Но вскоре в народе стала ходить молва, что царевич Димитрий не закололся, а что его убили по приказу Бориса Годунова. В те далекие времена ни газет, ни книг, ни печатных известий не было. Да и печатать книги на Руси еще не умели. Книги были только рукописными. Это были списки евангелия, жития святых, библия, псалтырь, книги церковно-служебные. Книги стоили очень дорого. Много труда надо было положить, чтобы переписать книгу. Бывали еще летописи, где записывались события в Московском царстве, какая и где война была, был голод или урожай, и где и когда был пожар. Но и эти летописи писались в монастырях и иметь их могли только очень богатые люди. Народ же по маленьким городкам и деревням узнавал о том, что делается на белом свете, только из рассказов прохожих да проезжих людей. Остановится такой прохожий человек в избе на ночлег и рассказывает, что и где он слышал. А его рассказ передадут другим, да мало того, что передадут, еще и приукрасят своими вымыслами, часто и совсем перевернут его.

Таким образом, в начале 1604 года стал ходить в народе слух о том, что сын Иоанна IV и природный, законный наследник царского Московского престола не закололся и не убит, — все это рассказы бояр да Годунова, — а жив. Говорили, что вместо

подлинного царевича убили другого мальчика, а Дмитрия спасли и увезли в Литву, там он вырос и скоро явится в Московское государство и потребует отчета от Годунова. Передавали это тайно, запершись в избе, по секрету: боялись Годунова, но, известно, чем больше тайна, чем больше секрет, тем охотнее об этом болтают люди и тем скорее это становится известным.

Годунова на Руси не любили. При царе Феодоре Иоанновиче, но по его уговору, прикрепили крестьян к земле и уничтожили свободу перехода от одного помещика к другому, при Борисе в Москве был голод и люди умирали от недостатка хлеба. Пожар истребил Москву. Конечно, все это было не виною Годунова, напротив, Годунов помогал пострадавшим от голода и огня, но народ во всем обвинил Годунова и охотно поверил сказке о том, что царевич Дмитрий жив.

Дошла эта сказка и до Дона. И туда приходившие из русской земли люди принесли таинственную молву народную о подмене в Угличе младенца и о том, что природный государь жив и скоро придет в Москву. И на Дону этому поверили. Там тоже не любили Годунова. Хотя грамота, воспрещавшая казакам ходить под Азов, и была писана царем Феодором Иоанновичем, но и на Дону знали, что составлял и задумывал ее всеильный Годунов. Недовольны были казаки Годуновым и за то, что он запретил казакам продавать в России добычу и построил на Дону городок-заставу, Царев-Борисов на р. Донце, чтобы не пускать донцов на Русь. От нового же молодого царя ожидали только милостей...

Этими слухами воспользовались наглые люди. Они добыли молодого человека, Григория Отрепьева, годами подходившего к возрасту убиенного Дмитрия, тайно отправили его в Литву и выдали там за подлинного сына царя Иоанна IV. Явился ложный царевич-Лжедмитрий, явился самозванец. В нем принял участие исконный враг Московского царства, король польский Сигизмунд. Лжедмитрия окружили католические священники и монахи-иезуиты, мечтавшие обратить всю православную Русь, при помощи самозванца, в польскую, католическую веру. Поляки обещали Лжедмитрию поддержку войском, и 15 августа 1604 года Лжедмитрий тронулся на Москву.

Еще раньше Лжедмитрий послал на Дон литвина Свирского со своею грамотой. В грамоте этой самозванец писал, что он — сын царя Белого, которому "вы, казаки, вольные христианские рыцари, присягнули на верность"; самозванец звал донцов "свергнуть раба и злодея с престола Иоаннова"...

Как было разобраться казакам в таком темном деле? Писал им такие же грамоты и Борис Годунов. Кому верить? Помутилась вся Русская земля, замутился и тихий Дон. Решили, по случаю приезда Свирского, собрать войсковой круг и на нем обсудить, где правда.

Круг порешил: послать выборных на разведку, и указал на атаманов: Андрея Корела и Филата Межакова. Живо снарядились атаманы в далекий путь и поехали посмотреть, подлинно ли самозванец — царский сын, и на чьей стороне правда. Донские атаманы были приветливо приняты поляками в стане Лжедмитрия. Все им понравилось у поляков. И хорошие кони, и отличное оружие, и парчевые и шелковые наряды. Всюду видели они богатство и блеск. А когда вышел к ним Лжедмитрий, окруженный знатными польскими панями и вельможами, вышел в золотой одежде, с конвоем из блестяще одетых в золотые доспехи молодых людей, атаманы донские поверили, что он подлинно, точно их природный сын государев.

С такою вестью прибыли они и на Дон.

Внимательно слушали их рассказ на кругу казаки. Многим в приглашении Лжедмитрия виделось славное дело: защита царя русского; другим хотелось похода, добычи. И когда объявили Корел и Межаков, что казаков зовет истинный государь, многие собрались в поход. Вся "голытьба" заволновалась. Добыли коней, добыли оружие и пошли с атаманами в Литву к городку Самбору, где собиралось ополчение Лжедмитрия.

Когда царь Борис Годунов узнал об этом, он послал на Дон дворянина Хрущова для того, чтобы отговорить казаков от помощи самозванцу. Но казаки не поверили Хрущову. Они заковали его и повезли в Сокольники, где в то время находился со своим войском самозванец. 3-го сентября 1604 года они прибыли с ним к палатке Лжедмитрия. Увидев самозванца, Хрущов залился слезами, упал на колени и воскликнул:

— Вижу Иоанна в лице твоём: я твой слуга навеки...

Никто из казаков не видел Иоанна, и потому свидетельство дворянина русского укрепило их в том, что они делают правое дело, и они, с полной готовностью умереть за Лжедмитрия, пошли с ним на Русь. Тогда же послали они на Дон гонцов сзывать еще людей на защиту истинного царя Московского.

Пестрый и буйный был стан Лжедмитрия. И это нравилось казакам. Поляки, литовцы, беглые русские крестьяне, запорожские казаки, татары, попы православные, польские священники или ксендзы, все это гуляло и браталось с донскими казаками, играло в зернь, шумело, пело песни,

ссорилось и мирилось. По душе была такая жизнь гулебщикам-казакам. То, что царь Борис собирает громадное войско, что впереди их ожидает кровавый бой, их не пугало. На то и родились они казаками, чтобы смерти не бояться.

Первая битва Лжедмитрия с царскими войсками произошла 21 января 1605 года у села Добрынич. Царским войском командовал воевода Мстиславский. Донцы в этой битве участия не принимали. Царское войско, опрокинутое сначала польской конницей и запорожскими казаками, скоро устроилось и встретило полки самозванца залпом из 12000 ружей. Запорожская конница отступила, оставив без помощи свою пехоту, и пехота запорожцев вся была истреблена.

Победа Мстиславского с царскими войсками была полная. Лжедмитрий на раненном в ногу коне бежал и едва не попался в плен. Полки его разбежались и, казалось, дело самозванца было проиграно. Но в это время к нему на подмогу явилось 4000 донских казаков, прибывших с Дона, чтобы постоять за настоящего государя.

Это была громадная сила, и самозванец начал новое наступление к Москве.

Донцы, в числе 4000 человек, под начальством атамана Андрея Корелы, и небольшая русская дружина Григория Акинфиева заняли город Кромы. Царский воевода Мстиславский, считавший самой опасной силою в стане самозванца донцов, решил взять Кромы. С огромным, 100-тысячным войском подошел он к этому городу. Царские войска поставили кругом города валы и батареи, установили на них тяжелые пушки и мортиры и начали громить город. Но донцы, ходившие не раз под Азов, видали, как нужно строить и оборонять крепости. Смышленным казачьим взглядом Корела скоро увидал, что не устоять деревянным стенам крепости против артиллерийского огня Мстиславского, и сейчас же снарядил казаков на работы. Казаки и солдаты Акинфиева по ночам копали рвы, насыпали валы и окружали крепость высокой земляной насыпью. В ней донской атаман приказал сделать землянки, насыпал поперечные валы (траверсы), мало того, стал делать валы и впереди главного вала, подаваться земляными работами навстречу врагу и тревожить его в его траншеях.

4000 донцов храбро держались против 100-тысячного войска. Осада затягивалась. Наконец, Мстиславскому удалось зажечь дерсвятный город. Казаки бросились тушить его, царские дружины заняли было земляные валы, но и в них была измена. Неизвестно по чьему приказу, они вдруг были сведены с валов, казаки снова заняли их место, и осада продолжалась...

Тяжело было донцам, стоявшим за Лжедмитрия, но еще тяжелее было царскому войску. Донцы верили в то, что служат настоящему государю, они не сознавали своей ошибки, верили правоте своего дела и им легко было умирать. Не то было у Мстиславского. Там все колебались. Никто не знал, кто истинный царь. Борис, который венчался в Москве царским венцом, или Лжедмитрий, который называл себя настоящим сыном Иоанновым.

И оттого не могли царские войска сражаться спокойно, оттого болезни и колебания губили их стан. 13 апреля 1605 года в Москве скончался царь Борис. Москва спокойно присягнула сыну его Феодору, но в стане русских войск, стоявших под Кромами, присягу дали неохотно. Новые воеводы, прибывшие на смену Мстиславскому, изменили Феодору, признали Лжедмитрия своим царем, и отсидевшийся в Кромах донской атаман отпер перед ними двери, как перед друзьями.

Царь Феодор, совсем еще мальчик, и мать его царица Мария Годунова — были убиты в Москве 20 июня 1605 года. Самозванец торжественно вступил в столицу Московского царства. Вошли с ним в Москву и донские казаки, остававшиеся все время верными ему и считавшие его настоящим государем.

Около года Григорий Отрепьев — он же и Лжедмитрий — был царем на Руси. Сначала он был милостив и справедлив к народу, щедро награждал казаков и солдат, бывших с ним, но вскоре стал окружать себя поляками. К нему явилась его невеста, польская княжна Марина Мнишек, а с нею и польские ксендзы и паны. С русскими стали обращаться жестоко и высокомерно.

В народе пронесся слух, что русских будут крестить в католическую веру... Народ московский возмутился и под предводительством любимого своего боярина Василия Шуйского 17 мая 1606 года ворвался во дворец и растерзал Лжедмитрия.

Царем Московским народом был избран князь Василий Иванович Шуйский.

Можно ли обвинять донцов в их ошибке? Они служили верою и правдой Лжедмитрию потому, что для них он был не Лжедмитрий, а царь Дмитрий Иоаннович. Он был для них настоящий государь. Они не бросились к нему по первому призыву, но подробно разведали раньше о нем. Они увидели, что Лжедмитрию отдавали должную честь и паны, и вельможи, и сам король Польский смотрел на него, как на равного. Могли ли они, простые люди, честные и прямые, как истинные воины, догадаться, что это обман? Притом же

Димитрий их обласкал и принял как честных людей, а из Москвы в это время нехорошие шли вести: "Теперь,— говорили проезжие люди,— везде казаков сыскивают, вспают и побивают". И казакам не верилось, чтобы царь истинный так наказывал казаков за их верную службу. И все-таки донцы еще колебались. Но когда Хрущов, знатный московский боярин, засвидетельствовал перед ними, что Лжедимитрий настоящий природный государь — все сомнения их кончились. Они присягнули Димитрию, как сыну Иоаннову. Когда же увидали они его во главе войска, молодого, ловкого наездника, хорошего стрелка, смелого и доброго, они полюбили его и как начальника. Горячо сражаясь за Лжедимитрия, казаки показали, как умеют они воевать за своего государя, а государем своим в то тяжелое, смутное время они почитали, и не без основания, Димитрия Иоанновича, а не Бориса Годунова.

10. Смутное время на Руси. Донцы с атаманом Епифанцем на службе у второго самозванца

Донские казаки недолго оставались в Москве. Большая часть их, вместе с атаманом Корелой, получивши еще от Лжедмитрия хорошую награду за мужество, отправилась обратно на Дон охранять свои вольные юрты от азовцев, крымцев и ногайцев. Осталось человек 500 настоящих гулебщиков, казаков голутвенных, с атаманами Межаковым, Епифанцем, Коломной, Романовым и Козловым. Они жили около Москвы в своем казачьем стане, проживая полученное жалованье, чуя своим разведчичьим чутьем, что тут, под самой Москвой, теперь опасней, чем под Азовом, что Русь замутилась окончательно. Под самой Москвою бродили отряды поляков, стоял большой стан запорожских казаков и, хотя войны Москва ни с кем не вела, всюду были ратные люди, всюду шумели и волновались вооруженные толпы народа.

Народ был празден. В это смутное время мало кто занимался обработкой полей. Боялись похода неприятеля, боялись, что солдаты отберут и потопчут поля. От праздности, от голода целые шайки крестьян бродили под Москвою, занимаясь воровством, а при случае, и грабежами. Страшно было жить на Руси. Но эта-то напряженная, опасная жизнь и нравилась донцам, в ней они были, как рыбы в воде.

Царь Шуйский не мог навести порядок на Русской земле. Он был слаб. Главное же, ему не на кого было положиться. Кругом была измена. Бояре завидовали ему, подкапывались под него, готовили новый мятеж.

Уже 17 мая 1606 года в народе появились новые, нелепые слухи. Боярин князь Григорий Шаховской стал распускать слух о том, что царь Димитрий жив, что в Москве убили не его, а какого-то немца, и что он укрывается пока, готовит силы, чтобы свергнуть царя Василия. Нашли и человека, похожего на Лжедмитрия. Вокруг него собрались вооруженные толпы беглых крестьян, поляки, примкнули к ним и некоторые отряды запорожских казаков. Так появился на Руси второй

самозванец — Лжедмитрий II. Снова начались бои и осады городов русских русскими же войсками. Не довольствуясь одним самозванцем, в взбунтовавшихся толпах выдумали еще и третьего — Лжепетра, рассказывая о том, что будто бы у царя Феодора Иоанновича был сын Петр. Каждая шайка выставляла своего самозванца. Беглые крестьяне, городская гольтьба, воры и мошенники составляли шайки, выбирали себе предводителя и грабили усадьбы, жгли деревни, сжигали хлеба. В минуту опасности они являлись к какому-либо из самозванцев и становились в ряды его дружин, называя себя казаками.

Но какие же это были казаки?

Настоящие казаки ожидали прояснения в этом смутном деле. Первые же слухи о появлении Лжедмитрия II их взволновали. Ведь они ему присягали, они считали его прирожденным государем, они любили его, как своего царя! — значит, они должны были бы и умереть за него. Но так же, как и первый раз, они не торопились идти по первому слуху. Они послали разведать, что за новый Димитрий появился на Руси. Теперь это было легче сделать. Большинство казаков видело и знало Димитрия. Разведчики вернулись с неутешительными вестями. Они не видели Димитрия. Он скрывался где-то в Литве, он не появлялся к своим войскам, за него воевали и управляли князья и воеводы. Это не походило на Лжедмитрия. Тот был храбр. И казаки решили выждать, что будет дальше. Их сманивали богатыми дарами, прельщали большим жалованьем — они ждали, где будет правда. И только тогда, когда польские войска, воевавшие от имени самозванца под начальством гетмана Рожинского, подошли к самой Москве и укрепились в Тушино, часть донцов, увлеченных атаманом Епифанцем, явились к нему и обещала участвовать в осаде Троице-Сергиевской лавры.

Но, давши это обещание, казаки были неискренни. Им, настоящим русским людям, трудно было быть заодно с поляками. Рука не поднималась бросать ядра в стены, за которыми сверкали православные кресты и хранились мощи преподобного Сергия, весьма чтимого донскими казаками. Совесть мучила донцов. Тревожили их сонные видения.

Одному из казаков явился ночью Св. Сергей и говорил ему: "Не даст вам Бог жезла на жребий свой".

Он рассказал про это видение товарищам, и призадумались донцы. Доложили о видении атаману. Епифанец отправился к польским воеводам Сапеге и Лисовскому и рассказал им о смущении своих товарищей.

— Эти знамения, — сказал донской атаман, — не на добро нам: будет великая гибель!

Польские паны сочли Елифанца человеком опасным, могущим погубить все дело, и решили убить его. Но донцы узнали об этом. Страшное возмущение произошло в их стане. Живо собрались они при оружии на круг, вынесли иконы, помолились и все, как один, поклялись преподобным Сергию и Николаю "не делать зла царствующему городу Москве и стоять с православными заодно на иноверных".

В ту же ночь поседлали они коней и пошли из стана польского на юг, к себе, на Дон. Поляки сейчас же снарядили за ними погоню из литовской конницы. Литовцы догнали донцов на р. Клязьме у деревни Вохны. Начались переговоры. Литовцы увещевали донцов вернуться к полякам и продолжать осаду монастыря, но казаки были непреклонны. Литовцы хотели взять донцов силою, но казаки не дались и спокойно вернулись на Дон, в свой Смагин юрт.

С уходом донцов легче стало монастырю. Иноки лавры составили об этом писание и отметили на память потомству глубокое усердие донцов к вере.

11. Смутное время на Руси. Донцы прогоняют поляков из Москвы. Избрание на царство царя Михаила Феодоровича

атаман Межаков с остальными донцами, не увлекшимися соблазнами Сапеги и Лисовского, оставался в бездеятельности. Во Лжедмитрия II не верилось, царь же Василий Шуйский возбудил казаков против себя тем, что преследовал казаков, считая и донцов заодно с ворами и беглыми крестьянами.

10 декабря 1610 года Лжедмитрий II был убит, и всякие сомнения у казаков должны были исчезнуть.

Спасать уже приходилось не царей, которых было двое и которые воевали один против другого, а нужно было думать о спасении Руси православной от поляков. Польские полки короля Сигизмунда занимали все города русские к западу от Москвы, сам король с большим войском шел в Москву, намереваясь посадить на престол Московских государей своего сына, королевича Владислава.

В эту пору порабощения Руси поляками и жидами, когда все русское угнеталось, давилось и топталось в грязь, когда над русскими людьми смеялись, а сами русские легкомысленно вставали друг на друга, помогая врагам, в эту пору нищеты и несчастья, со страшной силой вспыхнул на Руси патриотизм, то чувство сильной, все преодолевающей любви к родине, которое таится в груди каждого человека и составляет самое святое и драгоценное его души. Не зря говорится: "Чем ночь темней — тем ярче звезды..." Чем тяжелее было русским людям в это ужасное время смуты, тем на большее самопожертвование оказались они способны. Из Троице-Сергиевской лавры на Русь шли воззвания о помощи. Монах Авраамий Палицын красноречиво описывал бедствия Русской земли: "Отечество, — писал он, — терзали более свои, нежели иноземцы: наставниками и предводителями ляхов были наши изменники. С оружием в руках ляхи только глядели на безумное междоусобие и смеялись. Оберегая их в опасности превосходным числом своим, русские умирали за тех, которые обходились с ними как с рабами. Вся добыча

принадлежала ляхам и, избирая себе лучших юношей и девиц, они отдавали на выкуп ближним и снова отнимали их... Многие гибли уже не за отечество, а за свои семейства: муж за жену, брат за сестру, отец за дочь. Милосердие исчезло: верные царю люди, взятые в плен, иногда находили в ляхах жалость и уважение; но русские изменники, считая их противниками царя Тушинского (Лжедмитрия), подвергали жестокой смерти: кидали в реки, расстреливали из луков, перед родителями жгли детей, носили их головы на саблях и копьях, младенцев разбивали о камни. Смотря на это, сами ляхи содрогались и говорили: "Что же будет нам от россиян, когда они и друг друга губят с такой лютостью". В этом омрачении умов все хотели быть выше своего звания: рабы — господами, чернь — дворянством, дворяне — вельможами. Не только простые простых, но и знатные знатных обольщали изменой. Вместе с отечеством гибла и церковь: храмы были разоряемы: скот и псы жили в алтарях, воздухами и пеленами украшали коней, из чаш со Св. Дарами пили, на дискос клали мясо, на иконах играли в кости... Священников и иноков жгли огнем, допытываясь сокровищ. Города пустели. Могилы, как горы, везде возвышались. Граждане и земледельцы укрывались в делях, в лесах или болотах. Грабители, чего не могли взять с собою, сжигали дома и все, превращая Россию в пустыню!"

По всем городам читали эту печальную повесть. И со слезами на глазах говорили русские люди: "Да, это правда!" И вот, из среды русских людей выдвинулись сильные духом граждане. Нижегородский купец Козьма Минин собирал пожертвования на устройство сильной рати, чтобы изгнать поляков. Во главе этого нового ополчения становился старый, но искусный воевода князь Димитрий Пожарский. Царю Василию и Москве шло на помощь одушевленное любовью к родине войско.

В Рязани против Сигизмунда и поляков восстал дворянин Прокопий Ляпунов. Его пылкие, страстные речи увлекли донцов, и Межаков с казаками примкнул к его ополчению и стал уже не за царя, про которого он не знал, кто истинный царь, а за Русь и за веру православную. Своё содействие Ляпунову в спасении Руси предложили и бывшие изменники, сторонники Лжедмитрия, Заруцкий и Трубецкой, бывшие начальниками всякой московской сволочи и беглых людей и называвшие себя "казацкими" атаманами. И Ляпунов, горячий и честный, принял и их в свое войско.

В начале марта 1611 года Ляпунов уже шел к Москве.

В Москве стояли поляки. По всем углам, площадям и улицам были расставлены сильные конские отряды. Народ

был возбужден. Поляки опасались открытого бунта в самой Москве. И, действительно, 19 марта поляки начали избивать москвичей сначала в Китай-городе, в торговых рядах. Из Китай-города они пошли к Тверским воротам и здесь разыгралась жестокая битва на улицах Москвы. Народу, стрельцам и ополчению князя Пожарского удалось загнать поляков обратно в Кремль, но подожженная ими Москва горела в разных местах. Три дня длился пожар, и большая часть Москвы выгорела...

И в стане Прокопия Ляпунова было неблагополучно. И это неблагополучие больше всего чувствовали казаки. Свободные, вольные у себя дома, казаки в походе сковывали себя железной дисциплиной. В дисциплине, в порядке, в беспрекословном подчинении воле атамана они видели главный залог успеха, чуяли победу. В отряде же Ляпунова не было дисциплины. Воеводы его не слушались, каждый делал что хотел, чернь и беглые крестьяне, самовольно называвшие себя казаками, пьянствовали и бесчинствовали. Они тянулись к своему вождю, Заруцкому, которого называли атаманом. Ляпунов пытался ввести порядок в этой дикой и пьяной толпе, которая окружала Заруцкого. Однажды двадцать негодяев Заруцкого, именовавших себя казаками, были пойманы на месте преступления, в грабеже крестьянского имущества. Ляпунов приказал казнить их по казачьему обычаю: в куль, да в воду. Во всем стане казачьем поднялась тревога. Полки Заруцкого схватили оружие и кинулись частью к ставке Ляпунова, частью в донской лагерь.

Живо собрались донцы в круг. Атаманы Заруцкого с волнением стали передавать донцам будто бы изданный Ляпуновым приказ: перевешать всех казаков.

— Так и указал, — кричали они: — Где поймут казака — бить и топить. Идите под Заруцкого или Трубецкого!

В это время прибежали и еще люди и сообщили, что Ляпунов убит чернью Заруцкого, и что теперь войском будет командовать Трубецкой.

Межаков с товарищами согласились стать под начало Трубецкого и Заруцкого.

Но эти люди оказались недостойными предводителями. Они переписывались тайно со вновь появившимся самозванцем и поляками и со всею своею ордой стояли, ничего не делая, в то время, как вся Русь поднималась против врагов отечества как один человек.

Не только поляки, но и прежние враги России — шведы, думая, что Руси пришел конец, послали свои войска и предлагали своего королевича в цари Московские.

Но не погибла Русь. Из Троице-Сергиевской лавры шли от архимандрита Дионисия и келаря Авраамия Палицына грамоты и увещания всем подниматься за Русь и идти под знамена князя Пожарского. Грамоты эти приходили и в стан Трубецкого и Заруцкого. Читали их и наши донцы и ждали прихода князя, надеясь, что он введет порядок в лагере и поведет их спасти Москву.

20 августа 1612 года войско князя Пожарского подошло к Москве и остановилось в 5-ти верстах от нее, на р. Яузе. Трубецкой, стоявший под Москвой, звал князя стать вместе с ним, но из стана кн. Пожарского и Козьмы Минина получил ответ:

— Отнюдь не бывать тому, чтобы нам стать вместе с ворами-казаками.

Трубецкой и казаки обиделись. Обиделся и Межаков с донцами, и хотя и понимали они, что ворами-казаками в ополчении Пожарского называли, действительно, воров, самозванных казаков Заруцкого, но обида осталась в сердце донцов, и они не пошли от Трубецкого.

Пожарский приступил к правильной осаде Москвы, прочно занятой поляками. На выручку Москве пошло польское войско гетмана Ходкевича. Вечером 21 августа Ходкевич уже занял Поклонную гору. На рассвете 22 августа Ходкевич перешел через Москву-реку и напал на войска князя Пожарского. С восходом солнца, в продолжение 7 часов, бились поляки с русскими и, наконец, начали одолевать. Уже полки Пожарского отступили к городским стенам, уже разбитая отличными польскими конными латниками мужицкая конница Пожарского стала спешиваться и, не умея сражаться в спешном порядке, побивалась поляками, уже гибло дело защитников Руси! Но явилась в тяжелую минуту гибели помощь — и помощь эта была — донцы.

Они давно стояли на краю лагеря Трубецкого и ждали, когда же они пойдут в бой. Но наглая, распущенная чернь Заруцкого, он сам и Трубецкой спокойно смотрели, как под ударами поляков гибли русские люди. Они смеялись над неудачами рати Пожарского и ругали несчастных ополченных мужиков.

Донские казаки атаманов Межакова, Коломны, Романова и Козлова были готовы к бою. Они держали лошадей в поводу, и скорбели их простые казачьи сердца при этой гибели русского народа. Но больше всех возмущался сам Межаков. Уже давно чуял он измену в Трубецком и Заруцком, давно догадывался, что не о государственном, не о русском деле хлопчут они. И теперь, при виде победы поляков над русскими, они сказали Трубецкому открыто:

— От вашей нелюбви Московскому государству пагуба становится!

А потом, обернувшись к своим донцам, крикнул: "На коней!" — и помчался стремительной лавою на польские войска. Поляки дрогнули и побежали. Многие из них были порублены казаками, остальные отступили в свой лагерь на Поклонную гору.

25 августа гетман Ходкевич отошел совсем от Москвы. Перед войском Пожарского был только небольшой отряд, прочно укрепившийся в Москве.

После победы над поляками у Поклонной горы Пожарский примирился с Трубецким и только чернь Заруцкого мучила всех, ссорилась с ополченцами, требовала жалованья и грозила уйти и перебить начальников. Но к ним явился архимандрит Дионисий и обещал им выдать все сокровища Лавры, и тем успокоил их.

Донские казаки с атаманом Межаковым заняли видное место в войске Пожарского. Да, можно сказать, только они одни и были настоящим, обученным, дисциплинированным, стойким войском. Остальные были толпою, вооруженным народом. Помощь донцов сказалась в бою 25 августа, когда донцы взяли приступом польское укрепление, близ церкви св. Климента, а потом, севши на коней, врубилась в польскую конницу, сражавшуюся с нижегородской конницей Минина, и так храбро накинулась на поляков, что прогнали их. Во время осады Москвы, 22 октября, донцы взяли приступом Китай-город.

Наконец, 22 ноября 1612 года последние остатки поляков, запершиеся в Кремле, доведенные голодом до отчаяния, сдались. Вся Москва была освобождена от поляков.

Русский народ не забыл помощи донских казаков в это тяжелое смутное время. В те поры зародилась на Руси и пословица "пришли казаки с Дону — погнали ляхов к дому".

27 ноября 1612 года все ополчения сошлись на Красной площади у Лобного места. Здесь архимандрит Дионисий начал служить торжественный молебен. После молебна войско и народ двинулись в Кремль. Там, в Успенском соборе, отслужена была обедня и второе молебствие по случаю освобождения Москвы от поляков.

Под Москвою же архимандрит Дионисий и келарь Авраамий прислали атаману Межакову богатую церковную утварь взамен награды за помощь, оказанную в войне с поляками. Но донской атаман вернул эти вещи Дионисию, сказавши, что казаки считали своею обязанностью и долгом помочь Москве, что они очень тронуты этим подарком, видят в нем признание своих заслуг, но вещей не возьмут, что они и

так поклялись — не взявши Москвы, не идти на Дон. И исполнили клятву.

Король Сигизмунд лично спешил к Москве с большим войском, но его встретило ополчение Пожарского и донские казаки с атаманами Марковым и Епанчиным, которые пришли с Дона. Король был разбит у Волоколамска и бежал, преследуемый воеводой Иваном Карамышевым и донскими казаками до самой границы своего королевства.

Подлинно: пришли казаки с Дона — погнали ляхов к дому!..

21 февраля 1613 года в Москве, для выбора царя, собрались выборные люди со всей России — Земский Собор. На соборе царем был избран Михаил Феодорович, по прямой линии происходивший от Рюрика и близкий родственник царя Иоанна IV.

На земском соборе этом, подобном Государственной Думе, обсуждались между прочим и действия казаков. Смешивая чернь и беглых негодяев, окружавших Заруцкого, с казаками, московские люди всячески поносили имя казачье. Другого названия, как "воры-казаки", им не было. Спокойно выслушал все эти обвинения и брань представитель донских казаков, а потом с достоинством объяснил, что донские казаки не могут принять на себя этих обвинений, что они работали только на пользу Москвы, никого не грабили и такими же бедняками и нищими возвращаются домой, какими и пришли с Дона. Он просил не смешивать казаков, пришедших с Дона, с теми негодьями, которые самовольно назвали себя казаками. И там же, на соборе, было постановлено — казаками этих воров не называть, чтобы прямым атаманам, которые служат, бесчестья не было. На соборе при выборе царя вышло разногласие между боярами. Первым за Михаила Феодоровича подал голос Галицкий дворянин. Это раздражало многих. Раздались сердитые голоса: "Кто принес? Откуда?" В это время из рядов выборных выделился донской атаман и, подошедши к столу, также положил свое писание. "Какое это писание ты подал, атаман?" — спросил его кн. Д. М. Пожарский. "О природном Царе Михаиле Феодоровиче", — отвечал атаман. Этот атаман решил дело. "Прочтя писание атаманское, был у всех согласен и единомыслен совет", — пишет летописец. Михаила провозгласили царем.

Так кончилось смутное время междуцарствия на Руси. Донские казаки, участвовавшие во всей этой тяжелой боевой работе, в решительную минуту явились спасителями Москвы. Их чисто русское сердце подсказало им, что нужно делать, и помогло им разобраться в таких сложных делах, где и русские князья и воеводы теряли головы.

12. Запрещение казакам заниматься набегами по Волге и ходить под Азов

В день 15 июня 1614 года от царя Михаила Феодоровича приехал на Дон, в Смагин юрт, царский посланник Иван Опухтин с грамотой от царя и царским жалованьем. Весть о прибытии его быстро разнеслась по юртам казачьим, и казаки съехались к нему и собрались на круг. Иван Опухтин, по наказу царскому, спросил их, от имени государя, об их здравии.

Атаманы и казаки на это приветствие встали на колени и били головой до земли, а потом поднялись, и атаман от имени казаков отвечал:

— Дай, Господи, чтобы Государь, Царь и великий князь Михаил Феодорович всяя Руси был здоров и счастлив и многолетен в своих государствах, а мы, слыша к себе Его Царского Величества неизреченную милость, чего от прежних государей нам не было, о его многолетнем здоровье Бога молим и милосердному Господу хвалу воздаем!

После этого Иван Опухтин подал атаману царскую грамоту и передал государево жалованье: деньги, сукна, порох, свинец, селитру, серу и припасы, и сказал им, что государь приказал, чтобы они ему служили, о его государевых делах радели и промышляли так, как государь укажет им в своих грамотах.

Атаман на это отвечал, что казаки рады Его Царскому Величеству служить и кровь свою в борьбе против его государевых недругов и изменников проливать, пока они живы, готовы и до смерти биться, сколько Бог поможет.

После этого казаки служили молебен, стреляли из ружей и из пушек, а потом читали царскую грамоту и слушали ее, сняв шапки. Затем судили одного казака за то, что во время смуты он, в пьяном виде, смеялся над атаманами и казаками и говорил, что они делают вздор, воюя за государевы дела, что все равно всех их покорит Заруцкий. Товарища его за такие же дерзкие слова уже повесили и этого тоже хотели казнить,

но просили Опухтина помиловать, потому что говорил он это спьяна и по глупости, а не с умыслом.

Казака помиловали, и атаман перед всем кругом войсковым прочел ему выговор за то, что он своими воровскими словами смущал казаков и порочил их.

После этого круг разошелся, принесли на площадь доски, устроили столы и стали делить царское жалованье, а потом пировали до утра...

И часто стали ездить так бояре через Донскую землю. То привезут жалованье, то доставят грамоту, то едут к султану турецкому, то к азовскому паше, то к крымцам. Всех этих людей казаки обязаны были встречать и провожать через войско для того, чтобы никто их не обидел.

Московское государство, которое было раньше далеким и маленьким, вдруг приблизилось, усилилось и устроилось. Раньше оно отрекалось от казаков. "Казаки-де, — писали из Москвы, — люди вольные, нам не подчиненные"; теперь, после того как в Москве убедились, какая большая сила Донское войско, от него не отрекались, но просили донцов не трогать ни татар, ни турок, пока Москва с ними в мире. Приглядывались донцы и к московским людям, узнавали, что делается на Москве, и старые атаманы и казаки начинали понимать, что настает конец вольной, гулебной, охотничьей жизни.

Грамота за грамотой напоминали нашим предкам об этом.

Но остановить казаков от набегов еще нельзя было. Это была их жизнь. Набегами да охотою они существовали. Для этого дела шли на Дон новые люди, жаждавшие удачных поисков. Притом же, постоянно жаловавшиеся на казаков азовцы сами задирали донцов, брали пленных, мешали ловить рыбу. Тут, в гирлах Дона, на Азовском море, война продолжалась по-прежнему, и набеги казачьи доходили и до больших черноморских городов — Синопа и Трапезонта.

И вот, 22 октября 1625 года пришла от царя Михаила Феодоровича грамота. В грамоте этой царь писал казакам о том, что посланным от него в Крым Осипу Прончищеву и Болдыреву в Крыму было много неприятностей от царя крымского. Грозилась крымцы идти войною на Москву и жаловались на донцов за то, что они взяли Трапезонт, подходили к Азову, на р. Каланче взяли башню, сняли с нее пушки, а караул убили. Кроме того, жаловался султан Махмет Гирей на казаков и за то, что они взяли у него город Старый Крым. Просил крымский хан запретить казакам ходить по Черному морю и нападать на турецкие корабли.

"Мы уже приказывали вам об этом, — писал государь, — и вы то наше повеление поставили ни во что, и нашего повеления не слушаете, и нам то в великое удивление!"

Напоминал царь казакам о том, как скверно им жилось раньше: "И вам, — было писано в грамоте, — было бы пригоже помнить, какая вам неволя была при прежних царях Московских, а особенно при царе Борисе. Вы не могли не только приехать в Москву, но даже и в пограничные города к своим родным придти; всюду вам было запрещено покупать и продавать. Во всех городах вас хватали, сажали в тюрьмы, многих казнили, вешали и в воду сажали... Мы же все ваши прежние вины забыли и приняли вас, как своих верных слуг".

Напоминал царь казакам и о том, что он их жалует за их верную службу своим жалованьем. Упрекал государь казаков и за их дружбу с запорожскими казаками, которые в смутное время много насилия и беспорядка производили в Московской земле и стояли за ляхов.

Длинная была грамота, на двенадцати листах. Долго читал ее войсковой дьяк на кругу. В конце царь грозил лишить казаков своего жалованья, запретить им ездить в русские города. "И в том, — заканчивал царь свое послание, — вы будете сами виноваты, а не я".

Приздумались казаки. А тут еще пришло известие, что ездившая с Дона в Москву на зиму за жалованьем, так называемая, зимовая станица, четверо казаков с атаманом Алексеем Старовым, схвачена в Москве и сослана в монастырь на Белое озеро. Нужно было смириться и слушать царское повеление.

Два года спустя казаки собрали по этому случаю войсковой круг. На кругу атаман Елифан Радилов по общему уговору учинил следующий крепкий наказ: "От сего времени, впредь и навсегда, чтобы никто с Дона не ходил для воровства на Волгу; а ежели кто объявится на Дону, и тому быть казнену смертью".

Мало того, казаки отписали и волжским казакам, чтобы и они не ходили для добычи по Волге.

Это был первый приказ о том, что набег почитается за преступление. Раньше тоже на "воров-казаков", ходивших на Волгу, смотрели нехорошо, но гулебщиков не преследовали, теперь же, "от сего времени и навсегда" казаки преследовали за набеги, позорили тех, кто не слушался, били на кругу кнутами, а иных, по казачьему обычаю, сажали "в куль, да в воду", а предводителей выдавали Москве для казни при всем народе.

Многие казаки считали виновным во всех этих несчастьях турецкого султана и крымского хана. Они-де жаловались

царю и настраивали государя против казаков. В 1630 году в Москву приехал от турецкого султана посол, грек Фома Кантакузен. Он опять жаловался на казачьи разбои и передавал отцу царя, патриарху Филарету, что султан, если царь не уговорит казаков, возьмет Дон себе и разрешит казакам грабить Московскую землю.

Казаков, сопровождавших Кантакузена, сослали в ссылку, а на Дон не было послано жалованья. Для увещания же казаков, вместе с ехавшим обратно Кантакузеном, был послан посол Савин с воеводою Иваном Карамышевым с 700 стрельцами. Прибытие на Дон, неизвестно для чего, русского войска смутило казаков. Карамышев благополучно на лодках доплыл до устья р. Маныча и здесь остановился у Орехова ярка, недалеко от Монастырского городка. Посол Савин потребовал атаманов и казаков в стан свой для выслушивания царской грамоты. Но казаки и раньше принимали царских послов и знали порядок, как это делается. Посол должен сам придти и говорить речь по наказу царскому, и войсковою дьяк в его присутствии должен был читать грамоту на кругу перед атаманами и казаками. Войсковою атаман пригласил Савина на круг. Савин пришел и при нем прочли царскую грамоту, в которой казаков опять обвиняли в набегах на Азов, на Крым и на турецкие земли. Царь приказывал казакам, чтобы загладить свою вину, учинить крепкий мир с азовцами и под начальством турецких пашей идти на войну с поляками.

— Пока же вины не исправите, — жалованья вам не будет!.. — так закончил свою речь царский посол.

Молча, опустив головы, выслушал круг войсковою царское послание. Все стояли, покорно обнажив головы. Когда кончилось чтение, атаман надел шапку и зашумели, как рой пчел, казаки. Приехавшие с послом из Москвы казаки рассказали, что по просьбе Фомы Кантакузена 60 казаков сослано в ссылку. И еще шумнее стало на кругу. Но, вот, атаман, выслушав ответы старшин, взялся за шапку.

— Помолчи, честная станица! — звонким голосом возгласил есаул, — атаман трухменку гнет...

Смолк круг войсковою. Атаман начал держать речь царскому послу.

— Войско Донское, — сказал он, — молить Бога о многолетнем здравии Царя и Патриарха не перестанет! С воеводами царскими, но не с пашами басурманскими против всякого врага мы готовы идти поголовно. И головы свои за Царя сложим. По воле Государя с азовцами помиримся и послов до Азова с честью проводим!

— А на море ходить перестанете? — спросил Савин.

— Не ходить на море нам нельзя,— отвечал атаман.— Казаки на море против басурман ходят потому, что им иначе кормиться нечем. Без добычи казаки будут наги и босы. Царского жалованья мы давно не получаем, и сейчас его с вами не прислано. Азовцы сами виноваты, что казаки ходят против них. Они сами задирают казаков, грабят нашу границу.

— Аминь! — раздались голоса из круга.

Наступало время кончить переговоры и расходиться, но тут из круга начали раздаваться отдельные буйные и гневные голоса. Сверкнули обнаженные шашки над головами.

— Фому (Кантакузена) — в воду!.. — кричали казаки.— Его вина, что 60 провожавших его товарищей наших томятся в ссылке! В воду предателя!

— И Карамышева в воду! Он сам вызвался идти на Дон и похвалялся, что без царского указа напоит казаков допьяна и всех перевешает.

— Глянь, какой приткий!

— Он Царя не чтит!

— Он и когда грамоту царскую читали, стоял в шапке, закуся бороду!

Часть казаков бросилась на Карамышева, отбила его у перепуганных стрельцов и бросила в воду, изрубив саблями.

Ни атаман, ни Савин не могли остановить буйных казаков. Совершив свое злодейство, они разбежались.

Атаман обещал взыскать виновных, назначил большой конвой для проводов Кантакузена и Савина и распустил круг.

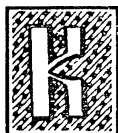
Про этот случай у казаков сложилась песня:

Подымался с Москвы большой боярин,
Он на тихий Дон гуляти.
Не доехавши тиха Дона становился,
Похвалялся всех казаков перевешать;
Казаки-братцы тотчас догадались,
Во единый круг они собирались,
Среди круга становился Царев боярин,
Он стал читать Государевы указы.
Дочитался он до Царского титула,
Казаки все шапки снимали,
А большой Царев боярин шляпы не снял,
Оттого казаки взволновались,
На боярина они бросались,
Буйну голову его срубили,
А бело тело в тихий Дон бросили,
И, убивши, телу говорили:
Почитай ты, боярин, Государя,
Не гордись ты перед ним и не славься,
К Царю они с повинной приходили.
Ты гой еси, батюшка, православный Царь!
Ты суди нас праведной расправою,
Повели над нами делать, что изволишь:
Ты волен над нашими буйными головами!

13. Взятие Азова

18 июня 1637 г.

Как было казакам исполнить повеление государя и не воевать с азовцами, когда у азовцев томились в жестокой неволе молодые казаки и казачки?!

И теперь еще можно слышать, как поют донские казаки следующую песню:

Ах талант ли мой талант такой *
Или участь моя горькая!
Ты звезда моя злосчастная!
Высоко звезда восходила,
Выше светла млада месяца,
Что затмило солнце красное!
На роду ли мне написано,
На делу ли ** мне досталось,
Что со младости и до старости,
До седого бела волоса,
Во весь век мне горе мыкать,
Что до самой гробовой доски?
В Азове славном городе,
В стане ли белокаменном,
Как была тут темная темница
Без дверей и без окошечек;
В той ли темной темнице
Сидел там добрый молодец,
Добрый молодец донской казак,
В заключении ровно двадцать лет,
Ровно двадцать лет и два года;
Случилось тут мимо ехать
Самому царю турецкому.
Как возговорит добрый молодец:
"Ой ты, гой еси, турецкий царь!
Прикажи меня поить, кормить,
Прикажи меня скорей казнить,
Не прикажешь ты скорей казнить —
Прикажи на волю выпустить,
Не прикажешь ты на волю выпустить —

* Талант — судьба.

** На делу — значит на дележе.

Напишу я скоро грамотку
К товарищам на тихий Дон:
Славный, тихий Дон взволнуется,
Весь казачий круг взбунтуется,
Разобьют силу турецкую
И тебя, царя, в полон возьмут!"
Как возговорит турецкий царь:
"Выпускайте добра молодца,
Удалого казака донского
Во его ли землю русскую
Ко его ли Царю белому".

И действительно, как в песне поется, писали из Азова донские пленники о тяжелой неволе. Мutilось сердце казачье тоской, злобой загорались очи, когда читали они эти письма. Бельмом на глазу сидел в устье Дона Азов. Из-за него нельзя было казакам выбраться на синее Азовское море, пройти за Керчь к берегам Крыма, где люди не знают зимы. И далекой мечтой донцов было: взять Азов.

Знали про это азовцы. Знали через своих разведчиков, под видом купцов приходивших на Дон, знали и от перебежчиков. Старая песня донская поет про эти думы казачьи, поет и про изменника-туму* Сеньку Маноцкова.

У нас, братцы, на Дону, во Черкасском городу
Проявилась у нас, братцы, прироженная тума.
Он из тумы, братцы, тума, Сенька Маноцков злодей;
Крепкой думушки со стариками он не думывал,
Думывал крепкую он думушку с ярыжками,
Перекинулся, собака, к азовскому паше,
А азовский-то паша стал его спрашивать:

"Ты скажи, скажи, приятель, правду истинную,
Что-то думают у вас, в Черкасском городу?"

"Старики-то пьют, гуляют, по беседушкам сидят,

По беседушкам сидят, про Азов ваш говорят:

"Ой, не дай Боже азовцам ума-разума того.

Не поставили б они башенки на устье речки Каланчи,

Не перекинули бы цепи через славный тихий Дон,

Не подвели бы они струны ко звонким колоколам!" **

Уж нельзя нам, братцы, будет в сине море пройти,

По синю морю гулять, зипунов-то доставать! —

Как у нас было, на Дону, во Черкасском городу

Войсковой наш атаман во всю ночушку не спал,

Как с вечеру, сокол наш, Роговый проплывал,

По белу свету, сокол наш, по синю морю гулял,

По синю морю гулял, кораблики разбивал!"

Убедившись в том, что Московский царь не в силах удержать казаков от набегов на море, азовцы стали укреплять

---

* Тума — не казак, пришелец татарского племени или казак, родившийся от татарки.

** Азовцы подводили струны к колоколам и привязывали их у ограды, чтобы ночью, если стража заснет, а враг пойдет — колокола зазвонили.

Азов. Каменные стены города были обновлены, прокопаны новые рвы и заполнены водой, насыпаны валы, построены башни. За крепостной оградой турки выстроили еще прочный замок, где бы мог спастись гарнизон в случае, если бы казаки одолели стены. На берегах Дона поставили они передовые крепости. Отборный четырехтысячный отряд янычар был назначен для охраны Азова.

На правом берегу Дона, ниже теперешней Старо-Черкасской станицы, находится Монастырское урочище. На месте этом, еще с 1610 года, стоял Монастырский городок и в нем собиралось "главное Донское войско" для совета и для похода. Здесь собирался войсковой круг, здесь принимали послов и царское жалованье. Зимой 1637 года по всему Дону были посланы гонцы с приказом — к весне быть на Монастырском яру для решения общего войскового дела. Весною собрался круг. На круг этот прибыли запорожские казаки, возвращавшиеся с набегов.

Собравшиеся на кругу атаманы предложили "Главному войску — атаманам и казакам" совершить великий подвиг: смыть вины свои перед государем, сделать то же, что сделал Ермак; открыть Москве свободный доступ к морю, дать ей возможность торговать со странами всего света — пойти "посечь басурман, взять город Азов и утвердить в нем православную веру!"

— Аминь! — сказали казаки.

Атаманы обратились к запорожцам со следующей речью:

— Путь ваш далек и опасен, вряд ли доедете. У нас же запасов много и в союзе с нами вы найдете богатую добычу. Возьмем Азов, откроем свободный путь в моря Азовское и Черное и найдем за морями все, чего только можно пожелать!

Запорожцы поклялись идти заодно с донцами и до смерти воевать против басурман.

Тогда же послали казаки атамана Ивана Каторжного * в Москву с донесением царю о своем намерении взять Азов и подарить его государю!..

Походным атаманом был избран Михаил Иванович Татаринов. Не было у казаков стенобитных тяжелых пушек, и всю артиллерию тогдашнего войска Донского составляли четыре легкие пушки — фальконеты.

Отпели молебны, поклонились старым образам, попрощались с родителями и часть казаков пошла на лодках

---

* Иван Каторжный получил свое прозвище за смелые морские набеги, которые он делал на каторгах. Каторгами же назывались большие гребные суда. Каторжный в своих морских поисках доходил до самого Константинополя.

по Дону, другая — на конях вдоль берега. Вскоре увидели казаки высокие сероватые стены Азова, увидели и башни. Отцы их не раз бывали там, не раз брали и сам Азов, но тогда это была небольшая деревянная крепость, теперь же перед казаками возвышалась каменная громада со многими башнями. Войско казачье разделилось на 4 части. На Дону стала судовая стража, зашли казаки и к самому морю и отрезали все сообщения Азова.

Разбить стены азовские казаки не могли. И вот они решили взять Азов открытой силою, подкатить к стенам плетневые туры, насыпанные землей, забросать турок камнями, а потом ворваться в крепость и взять защитников ее в шашки!

Три недели вели земляные работы казаки. Турки смеялись над ними. Им, вооруженным отличными, по тому времени, пушками, смешными казались действия казаков. Они толпами выходили на стены и кричали: "Сколько вам под Азовом не стоять, а его, как ушей своих, не видать!"

Пробные штурмы все были отбиты. Уже немало полегло казаков под стенами Азова, не хватало и пороха, а ничего не произошло нового в стане казачьем.

В это время у казаков находился тот самый посол турецкий Кантакузен, при котором убит был воевода Карамышев. Он ехал от турецкого султана в Москву и для сопровождения его из Москвы прибыл воевода Чириков, привезший казакам жалованье.

Кантакузен, увидав, что делается под Азовом, послал тайно одного грека к турецкому султану с письмом о помощи азовцам. Казачьи разъезды поймали этого грека, обыскали его, нашли письмо и сейчас же донесли атаманам. На кругу порешили арестовать Кантакузена. Его заковали в цепи и посадили под стражу.

Напрасно воевода Чириков доказывал атаманам, что они не имели права этого делать, что посол — лицо неприкосновенное, казаки говорили, что посол не смел ничего отписывать султану о том, что он видел, и что он уже больше не посол, а лазутчик и предатель.

Во время этих переговоров прискакал с южных казачьих постов казак с донесением о том, что от Кагальника идет к Азову подмога. Это были наскоро собранные в Керчи, Темрюке и Тамани турецкие отряды. Конные казаки бросились на них. Произошел быстрый конный бой. Казаки рассеяли турецкие полки. Часть турок была переколота, часть прогнана. Ни один не дошел до Азова, но немало пало и казаков при этой атаке.

Весело вернулись победители в свой стан. Собрался круг войсковой; ходившие в атаку атаманы рассказывали о победе, о бегстве турок.

— А все его дело, — добавляли они, — Фомкино. Тогда через него 60 казаков по монастырям разослали. Теперь мы стоим под Азовом, голодной смертью помираем, а он, собака, греков к азовским людям с вестями посылает! В куль его, да в воду!

— Через него тогда и Карамышева убили! Государю ответ из-за него держать должны!.. — раздавались голоса. — Жалованья и милости царской лишились!

И порешил весь круг войсковой казнить Кантакузена и все его посольство.

Сейчас же бросились к нему и убили турецкого посла и всех людей, которые были с ним...

И снова принялись за осаду. С казаками был немец Иван Арадов, приставший к казачьему отряду еще в России во время смуты Московской. Немец этот знал окопное дело. Под его руководством казаки начали рыть подкоп под стены азовские.

Неутомимо принялись они за работу. Турки смотрели на них, смеялись и кричали:

— Стойте под Азовом, сколько хотите, — города ничем не возьмете! Сколько в стене каменье, столько голов ваших ляжет под ним.

Молча продолжали донцы свою кропотливую работу. 17 июня подкоп был закончен. Вкатили в узкую галерею бочки с порохом, приготовили фитили. Тихо было в стане казачьем в этот день. Постом и молитвой готовились казаки к кровавому штурму. Они исповедывались у священников, бывших при войске, прощались друг с другом и со слезами говорили: "Поддержим, братья, честь нашего оружия, стоим за православную веру! Умрем, но не посрадим себя!.."

В 4 часа ночи затлели фитили. Побежала искра пороховая по нитке, и грянул гром страшного взрыва. Затряслись азовские стены, переломились, взлетели на воздух и грудой камней упали на землю. Полетели на землю и люди, державшие стражу и спавшие на стенах.

Атаман Михаил Татаринов первым, с молодецкой дружиной, с саблями наголо, бросился в пролом. Кругом, пользуясь суматохой, по сотням тайно заготовленных легких лестниц лезли на стены казаки. Опомившиеся янычары встретили их частой стрельбой из ружей и луков. Они сталкивали тех казаков, которые не успели еще влезть, сыпали им в глаза песок, лили на голову кипяток и расплавленное олово. Но уже много донцов было в городе. За пешими в пролом по грудам камней устремлялись конные полки, и на улицах шел кровавый бой. Уже не гремели пушки, не трещали ружья, и при первых лучах восходящего солнца шел страшный рукопашный бой. Весь день борьба на улицах не прекращалась. Везде валялись убитые казаки и янычары,

от пролитой крови скользкой стала земля. К вечеру, кто успел — заперся в замке, остальные через стены, по приставным лестницам, бросились в бегство, в степь. Конные казачьи станицы понеслись за ними. Турки у каждого ерика, у каждой балки устраивали оборону, но казаки стремительными атаками опрокидывали их и уничтожали. Наконец, все были рассеяны.

Оставалось взять замок — последнюю надежду турок. Три дня, побиваемые со стен замка камнями, осаждали его казаки. Наконец, и он пал и храбрые защитники его были перерезаны.

Азов был взят. Сбылась давняя мечта казаков. Свободным стало море, а с ним и набеги, и торговля, и богатство.

Но казакам предстояла новая, еще более трудная работа — удержать Азов в своих руках.

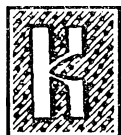

Казак

14. Азовское сиденье

Июнь—сентябрь 1641 г.

Как только весть о подвиге, совершенном донскими казаками, о взятии Азова, дошла до Монастырского городка, перешло в Азов из своего городка и главное войско Донское. Приехали жены казачьи, и казаки прочно стали устраиваться в крепости. Прежде всего, они восстановили уцелевшие с древних времен греческие храмы св. славного пророка, Предтечи и Крестителя Иоанна и святителя Николая Чудотворца. Затем снарядили в Москву атамана Потапа Петрова с четырьмя казаками для отвоза царю донесения о взятии Азова и с повинной в неисполнении царского указа и убийстве турецкого посла.

"Отпусти нам, Государь, вины наши,— писали казаки,— мы без твоего повеления взяли Азов и убили изменника, турецкого посла. Еще до получения грамот твоих, с Чириковым посланных, мы всем войском сделали приговор промышлять над басурманами, сколько попустит Бог. Государь! — мы, сыны России, могли ли без сокрушения смотреть, как в глазах наших лилась кровь христианская, как влеклись на позор и рабство старцы, жены с младенцами и девы? Не имея сил далее терпеть азовцам, мы начали войну правую, с Божьей помощью овладели городом, побили неверных за их неправды и православных освободили из плена".

Убитых казаков с честью похоронили; трупы янычар побросали в реку Дон, и течением их унесло в море и там расклевали их птицы.

Четыре года устраивались казаки в Азове. Несколько раз турки пытались отнять его у казаков, но казаки всякий раз мужественно отражали их. Из Азова часто ходила "зимовая станица" в Москву. То казаки просили Московского государя прислать иконы, утварь и книги во вновь отстроенные церкви, то доносили о своих работах по укреплению Азова.

Казаки понимали, какое важное значение имеет Азов — этот ключ к морю — и для них, и для всего русского

государства. Атаман Наум Васильев, получивший в 1640 году от царя Михаила Феодоровича грамоту и жалованье — шесть тысяч рублей, не отдал этих денег казакам, как то обыкновенно делалось, а с общего войскового решения употребил их на работы по укреплению Азова.

В городе многие места строились очень давно, камень клали без извести, и от дождей стены начали осыпаться. И вот, Васильев починил эти стены, сделал их шириною в три сажени, насыпал их щебнем, поправил и пушки. Пушек в Азове было взято казаками всего 296. На оставшиеся деньги накупили запасов и решили обороняться от врага до смерти, но Азова не сдавать.

В Азове стояло тогда 5000 казаков и 800 жен казачьих, приехавших из войска на свидание с мужьями. Атаманами были Наум Васильев и Осип Петров.

Между тем пленные татары рассказывали, что прежний султан турецкий Амурат умер, на его место вступил султан Ибрагим, который собирает громадное войско и поклялся взять у казаков Азов. Жутко стало казакам. Были они храбрые воины, но войну вели больше полсую. Не было у них опытных пушкарей, которые могли бы обращаться с большими пушками, не было литейщиков, чтобы лить ядра, не знали они хорошо и инженерного дела — все делали "самоуком".

Посоветовались на кругу и решили просить царя Михаила Феодоровича принять от казаков Азов в подарок, взять его под свою высокую руку, как предки его брали от донских казаков и раньше немало городов, как принята была и Сибирь царем Иоанном от атамана Ермака.

"Бьем челом тебе", писали казаки, "праведному великому Государю, Царю и великому князю Михаилу Феодоровичу, всея Руси Самодержцу... городом Азовом со всем градским строением и с пушками, а пушек в нем, Государь, двести девяносто шесть. А мы, Государь, холопы ваши, не горододержцы; в прошедшие лета, при прежних царях и великих князьях прежние наши братья, донские казаки, многие города у иноверных поганных народов брали и сами этими городами не владели, все вам, Государь, земли прибавляли и кровь свою проливали за вас, государей, и за святые Божьи церкви и за веру христианскую... Если же ты не примешь города, то брести нам с голода и наготы всем врознь. А если примешь, то повели нам вернуться в свои юрты и жить по-прежнему"...

Но царь не принял Азова от казаков. Как ни заманчив был донской гостинец, быть может, важнее и самой Сибири, потому что открывал путь в чужие земли, но Русь не могла принять Азова. Истерзанная и своими и чужими врагами в

смутное время, она еще не оправилась. Не было в ней порядка. Шайки разбойников бродили по Руси и грабили имения, поляки и шведы сообща воевали с Россией. Старые русские города были в руках поляков. Войско еще не было собрано. Русь только-только устраивалась.

Принять Азов, это значило бы начать кровопролитную войну с турками, а это было Руси не под силу! И царь отказал в помощи казакам и наказывал им оставить Азов.

Но казаки решили оборонять город, купленный кровью их братьев. Они дали крестное целованье в том, что Азова не сдадут.

Весною 1641 года громадная рать, состоявшая из разных народов, подвластных султану, отправилась морем из Царьграда и сухим путем из Крыма для обложения Азова. Командовал ею сераскир-паша Гуссейн. В войске этом было 6000 наемных мастеров осадного дела. Были венецианские кораблестроители, — в то время Венеция славилась своими кораблями не меньше, чем теперь Англия; были немецкие мастера подкопного дела, знатоки как братья города, были французские планщики, или землемеры, искусные снимать местность на бумагу, были греки и шведы. Целые толпы безоружных землекопов, молдаван и валахов, гнали с собою турки. Боевого войска считалось более ста тысяч. Осадных пушек, стрелявших ядрами в полпуда, было привезено на судах 129, да мелких полевых пушек 674 и мортир для перебрасывания снарядов через стены подвезли 32. С моря Азов обложили 45 больших кораблей и множество мелких лодок — галет, чаек и других.

24 июня войско подошло к Азову. Пестрою и шумною толпою окружило оно крепость. От знамен и от значков, от пестрых чалм и плащей казалось, что степь снова зацвела. Целый день гомонили на всех языках и кричали в стане турецком, целый день слышалось ржание коней, крик ослов и рев верблюдов и скотины. Точно буря шумела на синем море и волны ревели, разбиваясь о берег. Никогда еще казаки не видали такой большой рати. А ночью, на много верст, светились огни бесчисленных костров, зарево поднималось от них на небе и тишину уснувшего стана нарушали протяжные крики часовых да редкий рев ослов.

Но не смутились донские атаманы Наум Васильев и Осип Петров, засевшие в Азове с 5000 казаков.

Как только установили лагерь, сейчас же к стенам Азова подъехало три богато одетых всадника. Это были: Магомет-Али, янычарский начальник, — от турецкого главнокомандующего, Курт-Ага — от начальника турецкого флота и Чехом-Ага — от Крымского хана. Они явились для

переговоров, с предложением сдать Азов. "Помощи и защиты ждать вам от Московского государя нечего, сопротивляться бесполезно, силы наши громадны,— молвили переговорщики,— сдадите Азов и получите за то 12000 червонцев сейчас же и 30000 по выступлении..."

Но не прельстился речами соблазнительей войсковой атаман. Отогнав переговорщиков от стен, он обещал прислать свой ответ.

Всю ночь в станичной избе атаманы составляли ответ, писарь записывал их речи, а переводчик переписывал на турецкий язык. Под утро длинное письмо было послано с пленным татаринном сераскиру Гуссейну-паше.

Вот что писали донцы:

"Мы вас отлично знаем, и силу вашу знаем тоже. Не раз бились мы с вами на суше и на море. Давно мы вас к себе поджидали, да вы что-то мешкали. Вы говорите, что турецкий султан прислал четырех пашей, да адмирала, да полковников, да триста тысяч солдат, не считая мужиков, и нанял против нас еще 6000 мудрых немцев... Что ж, не велика будет ему честь, если он нас возьмет такими громадными силами и умом, и разумом, и промыслом немецким. Он такой победой не изведет нашей старинной славы, и не запустеет от того Дон головами нашими!

И на взыскание наше (отомстить за нас) будут молодцы с Дона.

"Если же мы отсидимся от вас, со своими малыми силами, всего 5000, то великая срамота будет царю вашему от всех государств и земель.

Город Азов — строение великих царей греческих, православной христианской веры, а не вашего басурмана царя турецкого, и он завладел им напрасно. Мы — Божьи люди. Вся надежда наша на Его милость и на Пречистую Богородицу, и на всех святых Его угодников, и на своих братьев-товарищей, которые живут на Дону, по городкам. Те нас выручат.

Имя нам — вечное казачество донское вольное, бесстрашное! И нас не так-то легко побить.

Город Азов мы у вас взяли в 7145 году * у вашего царя турецкого, не как разбойники, или воры, а своею силою и умом, дрались с вами, поганцами, лицом к лицу, не боясь и не страшась вашей великой силы. Теперь мы сидим в Азове малыми силами нарочно, чтобы посмотреть ваш турский ум и промысел.

Помощи мы от Руси не ждем.

---

* В 1637 году. В те времена летоисчисление на Дону и на Руси было от сотворения мира.

Будто такие люди, как мы, Руси надобны и дороги?

Мы в Московском государстве никому не нужны и не годны и это знаем отлично.

Государство Московское великое и пространное и многолюдное: сияет оно посреди всех государств и земель и орд басурманских, и греческих, и персидских, как солнце.

Нас, бедных, на Руси не любят, ненавидят нас, как псов смрадных, потому что ушли мы от государства Московского и из разных городов от неволи и налога, из работы и из холопства вечного и от неволи великой; от его государевых князей и бояр, и дворян, и детей боярских московских и всяких городовых приказных людей. Поселились мы здесь в непроходимой пустыне и надеемся только на Бога и на святых Его угодников!

Кому о нас, бедных, в Московском государстве потужить или порадеть? Все князья, бояре и дворяне, и дети боярские, и московские приказные концы, и смерти, и погибели нашей рады. Ничего нам с Руси никогда не посылают, кормит нас Бог в поле своей милостью; зверьми дикими, да морской рыбой питаемся, как птицы небесные не сеем, не орем, ни житницы собираем, а сыты бываем. Так мы, бедные, питаемся подле синего моря.

А серебро и золото мы берем у вас, за морем. То вы и сами знаете.

А жен себе выбираем у вас же, уводим из Царьграда и живем с ними.

И город Азов мы взяли у вас своей волей, а не государевым повелением, для добычи, и за это на нас, холопов своих дальних, великий Государь, Царь и великий князь Михаил Феодорович весьма разгневался и мы за взятие Азова боимся от Государя смертной казни.

Вы хотите, чтобы мы служили царю вашему турецкому, но нам это никак невозможно. Вот, если отсидимся в Азове от таких его великих сил, тогда побываем у него и за морем под его Царь-городом и посмотрим его город. Там с ним, царем турецким, уже обо всем переговорим.

Лишь бы ему наша казачья речь полюбилась!

Теперь нам с вами говорить не о чем.

Мириться нам с вами и верить вам нельзя. Разве может быть мир между христианином и басурманином? Христианин побожится душой христианской и на том стоит, а ваш брат, басурманин, побожится верою басурманской и все-таки солжет.

К нам больше со своєю глупой речью не ездите. Сманывать вам нас — это только время терять понапрасну. Кто придет — мы того убьем. Делайте то, для чего вы к нам под Азов-город

присланы. Мы у вас же взяли Азов малыми силами, так и вы добывайте его своими многими тысячами. Только знайте, что не видать вам его из рук наших, казачьих, как ушей своих.

Вот разве примет его от нас Царь всея Руси, Михаил Феодорович, да вас им пожалует — тогда уже будет на то его государская воля!..”

Так писали казаки турецкому сераскиру-паше. Они нарочно писали о том, что царь их не жалует и в Москве их ненавидят, и что Азов взяли они самовольно, чтобы турки не напали на Москву. Пороча себя, они обеляли, выгораживали обожаемого своего монарха и отвлекали от России новую войну...

Все брали они на себя, на свои малые силы, надеясь только на Господа Бога!

25 июня, ночью, затрубили в турецком стане в трубы и видно было, что все полки стали собираться и строиться. Потом забили в большие барабаны, затрещали в маленькие янычарские барабанчики, и жалобно заиграла свирель. И поняли казаки, что турки готовятся на приступ. И так всю ночь били барабаны и трубили трубы, и копошился и гомонил стан турецкий.

На рассвете стало видно казакам, что турки выступают из лагерей. Загорелись на солнце золотые полумесяцы над знаменами. Там краснели, точно маков цвет, алые фески турок, там — как снег или стадо гусей — белела янычарская пехота. Наездники на дорогих конях в богатых уборах джигитовали впереди, выхваляясь своею удалью. На далеком пространстве видны были только войска. От треска и грохота больших барабанов, называвшихся набатами, от резкого завывания труб и гомона сотен тысяч людей шум был такой, какого казаки еще никогда не слышали.

Окруживши стены азовские, турки бросились на приступ. Первыми пошли немецкие полки со стенобитными машинами, а за ними — лучшее войско турецкое — янычары. Одни стреляли по стенам, другие старались топорами и железными ломami сломать ворота, третьи приставили лестницы и лезли на стены. Турки, надеясь на свои громадные силы, хотели взять Азов сразу. Прикрывая полки, заговорила турецкая артиллерия...

И в ответ загремели казачьи пушки. Белый дым густыми клубами подымался над крепостью, молнией сверкал огонь из пушек — точно над Азовом стала грозная туча с громом и молниями.

Казаки заранее подрыли землю у стен и навели на подрывные места пушки, заряженные дробью и железными мелкими

осколками. Толпы турок, попав на эти места, провалились и, пока они вылезали, казаки били их из пушек.

Страшен был этот день для турок! Уже громадное алое знамя с золотым полумесяцем было поднято янычарами на стены и за ним со всех сторон, как муравьи на гору, лезли турки, уже паши турецкие скликали людей ворваться в город. Казаки бросились к этому месту, отняли знамя и погнали янычар. Женщины готовили кипяток, плавили олово, раскаляли песок и носили все это на стены. Пока казаки огнем и копьями, а местами и в рукопашную, сталкивали турок со стен азовских, жены казачьи кидали на подходивших песок, лили кипяток и олово.

Уже солнце опускалось за холмами, уже краснела вечерняя заря и сумерки спускались на землю, а штурмы турецкие все не прекращались. На место убитых шли новые, и атака шла за атакой до самой темноты. Ночью турки отхлынули. Бой прекратился.

Утренняя заря осветила место боя. Везде убитые и раненые. Казаки убили в этот день шесть янычарских командиров, двух наемных немецких полковников и шесть тысяч наемных немцев. Трупы убитых турок лежали валом выше пояса вокруг города. Тучи черных воронов реяли над ними и солнце пекло их мертвые белые лица.

Под вечер к Азову прибыл переговорщик с переводчиком, просил разрешения убрать трупы убитых и предлагал за каждого убитого янычара по золотому, за начальников и полковников по сто серебряных рублей...

Но казаки отказались от денег.

— Мы не продаем убитых и не торгуем мертвыми, — сказал от войска атаман. — Не дорого нам серебро ваше и золото, дорога нам слава вечная. Это вам, собакам, из Азова от нас, донских казаков и молодцов — первая игрушка. Это мы только оружие свое прочистили, дальше вам хуже будет!

Два дня турки хоронили убитых. Тихо было в их пестром и горделивом лагере.

На третий день турки приступили к правильной осаде Азова. В продолжение трех дней тысячи рабочих копали землю и насыпали валы. На глазах у казаков вал поднимался все выше и выше и стал уже выше стен азовских.

Тогда казаки горячо помолились и, попросившись друг с другом, вышли всем отрядом, под начальством атамана, и силою в пять тысяч бросились на трехсоттысячное турецкое войско.

— С нами Бог! — кричали казаки, — разумеете языцы и покоряйтесь, как с нами Бог!

Атака казачья была так стремительна, что турецкие полки побежали. В эту вылазку казаки отняли несколько знамен и

побили множество турок. Кроме того, взяли 28 бочек пороха, которым тут же подорвали турецкий вал.

Турки отошли дальше и принялись насыпать валы еще больше первого. На пять верст тянулся новый вал. Целые горы воздвигались вокруг Азова, на горы эти ввозили тяжелые пушки и устанавливали их против города.

Началась бомбардировка. Шестнадцать дней и шестнадцать ночей длилась она. Страшный грохот громадных пушек потрясал землю и — как записали об этом казаки — "дым топился до небес".

Турецкие ядра разрушали стены, ломали дома, валили башни. Разбита была ими церковь Иоанна Предтечи, все постройки были снесены до основания и только уцелела церковь Св. Николая Чудотворца, уцелела потому, что стояла внизу горы и снаряды до нее не долетали.

Но, по мере того, как валились стены азовские, казаки рыли землю и устраивали подземные жилища. Все зарылись под землю и хоронились там от пушечного боя. Затем казаки провели под турецкий лагерь 28 подземных ходов и начали по ночам делать подземные вылазки и нападать на турок. За разрушенными стенами насыпали земляные валы и так за время осады построили четыре вала!

Турки тоже прокопали подземные ходы, и началась страшная подземная война!

Тогда стали осыпать Азов всякими хитростями немецкими, бросали чиненные порохом ядра, раскаленные камни, наконец, вдруг перестали стрелять и 24 дня подряд кидались на штурм. Но казаки всякий раз отбивали турецкие атаки. Жены опять помогали своим мужьям сбрасывать турок с валов азовских.

Тяжело было казакам. Но не легче было и туркам. Турки ничего не знали о том, что делается в крепости. Перебежчиков у казаков не было, а от пленных ни обещаниями, ни пытками турки не могли дознаться в каком положении находятся казаки. В турецком стане не хватало продовольствия. Трупы убитых, плохо закопанные, лошадиные остовы разлагались в летнюю жару, и страшный смрад стоял над лагерем сераскира-паши. Начались болезни. Раненые и больные умирали без помощи и без ухода. Наконец, паша, чувствуя, что не взять ему Азова открытой силой, отписал турецкому султану грамоту и просил его отложить взятие Азова до весны.

— Паша! возьми Азов, или отдай свою голову! — отвечал ему султан.

В сентябре месяце сераскир решил взять казаков измором. В продолжение двух недель он каждый день посылал по 10000 человек на штурм, сменяя штурмующих каждый день. И днем и ночью вели непрерывную стрельбу по крепости.

Последние силы истощались у казаков. От смрада, стоявшего над городом от трупов, которые не успевали погребать, казаки стали болеть цингой, "поцинжели". От бессонных ночей и дневной работы при отбитии штурмов измучились.

"Ноги под нами подогнулись, — описывали казаки это тяжелое время, — и руки наши обороненные уже служить замертвели. А уста наши и не глаголят от беспрестанной стрельбы пушечной и пищальной. Глаза наши, по ним, поганым, стреляючи, порохом выжгло. Язык наш в устах наших на них, поганых басурман, закричать не может".

С трудом держали казаки в руках оружие и сами считали, что уже нет у них сил оборонять Азов. И вот они решили выйти из разрушенного турками города и пасть всем до одного, чтобы не было срама им, что они Азов сдали.

Ночью, 26 сентября, начали прощаться донцы с Азовом, который отстаивали четыре месяца. Тени, а не люди ходили по обломкам Азова и спускались к храму Николая Чудотворца.

— Прости ты нас, грешных и непотребных рабов своих, Великий Государь и великий князь всея России Михаил Феодорович, и вели помянуть нас, грешных, — говорили казаки.

— Простите все, православные христиане, и помяните души наши грешные со всеми нашими родителями. Не позор мы, бедные, учинили всему государству Московскому.

— Простите нас, леса темные и дубравы зеленые, простите нас, поля чистые и тихие заводы.

— Простите нас, море синее и тихий Дон Иванович. Уже нам по тебе, атаману нашему с грозным своим войском, не ездить и дикого зверя в чистом поле не стрелять. И в тихом Дону Ивановиче рыбы не ловить!..

Так простившись, на рассвете 27 сентября, истомленные, скорбные, раненые и больные люди вышли из лагеря и, выйдя, почувствовали в себе былую бодрость и силу. Встрепенулись сердца, и эти несчастные готовились дорогой ценой продать свою жизнь...

Но в передовых укреплениях турецких царила мертвая тишина. В утреннем тумане медленно продвигалась горсть защитников Азова. Но вот повеял с моря легкий ветерок, и казаки увидели пустой лагерь и турок, поспешно грузящихся на суда.

Господь услышал молитвы казачьи. Сераскир не счел возможным, в виду болезней в сего лагере, продолжать осаду, и отступил.

Казаки, из последних сил, побежали за турками и открыли по уходящим беглый огонь, а потом атаковали и отняли одно большое знамя и семь малых знамен.

Так кончилась знаменитая оборона казаками Азова. Из пяти тысяч казаки потеряли 3000 убитыми, да и те две тысячи, которые остались с атаманами Наумом Васильевым и Осипом Петровым — все были переранены...

Уже Азов давно не крепость, а маленький торговый городок. Области Войска Донского, уже от стен его остались одни развалины, а кости защитников его давно погнили в земле. От Монастырского городка, где собиралось под Азов главное войско Донское, ничего не осталось. Его сожгли в 1643 году турки, мстившие казакам за доблестную оборону города, а память об азовских удальцах осталась и до нашего времени.

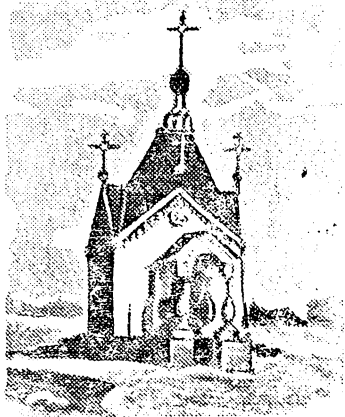
Ежегодно на Монастырском урочище совершается панихида по донским воинам, живот свой за веру, царя и отечество положившим.

В 1867 году на месте Монастырского городка сооружен на средства всего войска Донского памятник "в честь и вечную славу" донских героев, покорителей и защитников Азова. Памятник этот имеет вид часовни. Внутри поставлены иконы и сделаны надписи. Подле памятника стоят старые азовские пушки. В числе икон находится и точный список иконы св. Пророка и Крестителя Иоанна. Эта икона, быть может, одна из тех, перед которыми так трогательно молились израненные казаки перед уходом из Азова.

Панихида совершается в субботу, предшествующую 1-му октября. На панихиде этой бывають войска и представители соседних со Старочеркасском станиц, и начальствующие лица. Перед панихидой прочитывается грамота царя и великого князя Михаила Феодоровича от 2-го декабря 1641 года, присланная на Дон в похвалу службы и крепкостоятельства при защите Азова. После панихиды, при пении вечной памяти, войска отдають воинскую честь залпами из орудий и ружей, а музыка играет "Коль славен".

Затем все присутствующие, депутации и войска отправляются в Старочеркасск, где от станичного общества им предлагается, по древнему обычаю, поминальная хлеб-соль.

Так поминають донцы своих удальцов-героев.

Часовня на Монастырском урочище

15. Оставление казаками Азова по царскому указу в 1643 году

В день 28 октября 1641 года храбрый атаман Осип Петров отправил в Москву атамана Наума Васильева, есаула Федора Порошина с 24 казаками и с подробным донесением об осаде Азова турками и о том, как казаки его отстояли. Вместе с тем, казаки просили Московского государя взять Азов себе.

— Мы готовы, — говорили казаки, — стоять верою и правдой за государя, но без царских войск Азов нам не удержать. От сидения в Азове много славы добыли мы своему войску, но добычи не получили никакой. От нужды и истомы оголодали и обнищали так, что не на что нам снарядиться в морские поиски за добычей. Азов лежит в развалинах. Много нужно денег и труда для того, чтобы восстановить его.

Царь пожаловал казаков похвальной грамотой, послал жалованья 5000 рублей, а весною обещал с водою прислать хлеб, съестные припасы, порох, свинец и сукно. Из Москвы послали людей для осмотра азовских укреплений.

Когда на Дону узнали, что в Москве еще не решили: брать Азов или не брать, второй раз послали атаманов уговаривать взять Азов.

3 января 1642 года был собран Великий Земский Собор из разного звания людей. Собору было предложено решить — принимать от казаков Азов и вести из-за него войну с турками, или отдать Азов назад туркам.

Высшие московские чиновники советовали отдать Азов казакам. Пусть сами его обороняют.

Дворяне говорили, что оборонять Азов следует поручить одним казакам, да охочим людям. Но, если государь повелит, они готовы идти воевать за царя, но при этом добавляли, что государь знает, как они теперь обеднели.

Но тут встали представители Новгорода, Костромы и Смоленска и городовые дворяне и боярские дети.

— Грех будет на нас, если мы отдадим христианский город

басурманам. Нужно всю землю крепко стать за Азов! — говорили они.

То же говорили и купцы и разного звания мелкие люди.

Долго спорили в соборе. Московские люди понимали, что решался важный вопрос — быть Руси при море, или нет...

А между тем, султан турецкий уже собрал сильное войско, чтобы идти на Русскую землю. Новыми бедами грозила эта война опустошенной самозванцами России. В таких тяжелых обстоятельствах собор не решился оставить Азов за собою, и 30 апреля 1643 года спешно выехал из Москвы есаул Родионов с царским наказом: "Всевеликому Войску Донскому Азов оставить, возвратиться по своим куреням, или отойти на Дон, кому куда пригодно будет.."

Казачи вывезли из Азова 80 пушек, крепостные железные ворота с петлями, железные калитки, городские железные весы со стрелою. Из церкви Иоанна Предтечи взяли медное пятиярусное паникадило, чудотворную икону Иоанна Предтечи и всю церковную утварь. Теперь паникадило это находится в Старочеркасском соборе, там же хранятся и серебряное кадило и икона св. Иоанна Предтечи.

С молитвами выкопали казаки и кости своих товарищей; "...да не оставит их братство в басурманской земле" и похоронили на Монастырском урочище.

Запорожцы

Остатки азовских стен были взорваны казаками, и само место башен сравнено с землею...

Турки вскоре явились в гирла Дона с большим флотом и войском и начали ставить на месте старой крепости новую, с громадными стенами, недоступную никакой осаде без сильной артиллерии.

Взятие и оборона Азова были последним делом, совершенным войском самовольно. С этого времени войско окончательно становится в покорность русскому царю, живет охотою, рыбной ловлей и царским жалованьем. Все реже и реже ходят ладьи казачьи для разорения турецких берегов.

На Волгу же идут лишь отчаянные головы, лишь голытьба, которая не боится и головой ответить за свою гульбу и охотничанье.

На свободных атаманов этих шаек само войско смотрит уже как на разбойников.

Посмотрим, как жили у себя дома в эту пору донские казаки.

16. Основание города Черкаска

1644 г.

Не могли турки простить казакам взятия Азова. В 1643 году большое турецкое войско неожиданно подошло к Монастырскому городку. Закипел кровавый бой в улицах, и скоро огненные языки начали лизать плетневые крыши бедного казачьего городка. На беду, гулял по степи ветер. Алое зарево вспыхнуло на небе и отразило страшный пожар. Нечего было и думать что-либо тушить. Приходилось только спасаться. В часовне Монастырского городка сгорело царское знамя, погорели и драгоценные иконы... К вечеру на том месте, где кипела жизнь казачья, где собирався круг войсковой, где в маленьких хижинах укрывались от непогоды удалые донцы тлели уголья, да на черной земле там и там виднелась груда камней — следы казачьих очагов. Скоро строились в те времена казачьи городки, но и скоро исчезали с лица земли.

Уцелевшие в страшном кровавом бою казаки ушли в Раздоры и оттуда начали хлопотать об устройстве нового городка. Сейчас же войсковой дьяк отписал государю Московскому грамотку от войска:

"В прошлом, Государь,— писали донцы,— в 151 (1643) году, как грех учинился над нами, холопами твоими, на Монастырском островку от турецких людей приходу и в то, Государь, время твоего Царского Величества знамя, каково к нам, холопам твоим, на Дон в прошлых летах прислано, в часовне с образами сгорело... Вели, Государь, своим государевым иконникам образ Иоанна Предтечи и другие написать. Из обрывка же пушечной меди и двух поврежденных колоколов слить на пушечном дворе два колокола.."

В Раздорах шумели на кругу казаки, решали важный вопрос, где заложить новый городок.

— Строить город, строить его так, чтобы несладко от него было туркам,— говорили казаки.

— Нет лучше места,— сказал атаман Павел Федоров,— как на Черкасском острове.

— Дело говоришь, атаман. Там и до Азова недалече,— подтвердили старые донцы.

— Там турок у нас на виду будет. Там мы, с Божьей помощью, и с Азовом управимся,— подбивали донцов запорожские казаки, пришедшие с Черкасского острова.

— Быть по сему!

— Дело! Верное дело!

— Аминь!— раздавались голоса.

Круг порешил идти на те места, где жили пришедшие на Дон днепровские казаки, которых донцы называли черкасами.

Как по Дону селилась вольная община удалых людей ради смелых набегов и войны, так же точно поселились лихие молодцы и по Днепру. Они ставили свои хижины, строили городки на том месте, где Днепр, разбившись о пороги, широко и плавно течет по степи, ставили свое войско за порогами и получили потому название запорожских казаков, а так как они были малороссами, то их и называли малороссийскими казаками. Запорожцы не раз соединялись с донцами в походах на Крым и на турецкого султана. Были они и под Азовом, и часть их жила по Дону и место, занятое ими, носило название Черкасского юрта. К ним и решили на кругу в Раздорах идти ставить новый городок вместо сожженного турками Монастырского городка.

24 апреля 1644 года на многих лодках вниз по Дону пошло все войско Донское. Казаки подошли к тому месту, где стоял Черкасский городок запорожцев, также сожженный турками, и деятельно принялись за работу. Земляным валом и деревянным забором окружили город, поставили на валу пушки, а внутри разбили место под станицы. Шесть станиц образовало новый городок, получивший название Черкасского: две было Черкасских, запорожских, станицы, потом четыре донских: Средняя, Павловская, названная в честь атамана Павла Федорова, Прибылянская и Дурновская. Потом стали прибывать к Черкасску и еще люди, места стало мало на острове, стали ставить новые станицы. За протокой прибылые люди поставили новую Прибылянскую станицу, потом поставили Скородумовскую, Тютереvскую станицы, за ними стало три Рыковских станицы, да еще татары, покоровшиеся казакам, образовали татарскую, или Базовую станицу.

Так возник на пожарище старого запорожского Черкасского городка новый донской Черкасский городок. Туда перешло из Раздор войско Донское, там стал собираться главный войсковой круг, и там поселился и атаман. Сто шестьдесят один год, до самого основания Новочеркасска, Черкасский городок был главным городом всего войска Донского.

Туда было прислано царем Михаилом Феодоровичем новое знамя на место сгоревшего, и туда же в часовни поставили и подаренные Московским царем иконы.

30 апреля 1644 года, в сопровождении большой охраны, "с великим бережением" перевезли казаки из Раздор в Черкасск царских послов Илью Милославского, дьяка Леонтия Лаврентьева и турецкого посланника. Они прожили в Черкасске до 11 июня, а 11-го июня в сопровождении атамана Осипа Петрова со станицей на судах отправлены в Воронеж.

По стенам Черкаска стали пушки, частью присланные от Московского царя, частью взятые в Азове. Для хранения пороха были устроены пороховые погреба.

В Черкасске казаки решали и свои походы. Сильными становились турки и татары. Маленькими партиями казаки не могли одолеть их. В поход должны были собираться уже не десятки удальцов, а сотни. И вот, каждую весну к Черкасску стали съезжаться казаки всем товариществом. Здесь, в степи, у берегов широко разлившегося Дона, располагались они громадным станом и отсюда начинали они и свои походы. Услышат казаки о движении татар, о нашествии их на свою землю — и вот, избранный ими войсковой или походный атаман собирает сотни и ведет их навстречу врагу. А иногда станица смельчаков, человек 50 или 100, неслась на юг, на лодках к Крыму или на конях на Кубань. Они врываются в татарские земли, и в то время, как главное войско татарское шло на Русь, они нападали на улусы татарские и уничтожали их, беря добычу. И гнали, возвращаясь с такого набега, казаки табуны коней, везли добычу. Радостно, с ружейной пальбой входили они в Черкасск, их приветствовали громом выстрелов черкасские пушки, и гуляли молодцы во всю после кровавого набега. Тут играли в кости или зерна, там менялись товарами, там пили и гуляли, пропивая нередко все до последнего платья. Только оружие было священно у донца. И оттого на печати войсковой изображен был обнаженный казак с ружьем верхом на бочке.

Не было тогда ни телеграфа, ни почты, ни газет, но казаки знали все, что происходило в степи, знали все, что делается и на Руси. Шумной и веселой, боевою жизнью жил тогда Черкасск.

17. Жизнь и обычаи донских казаков во время борьбы за Азов

это время смелых походов под Азов на Дону никто не занимался хлебопашеством и степь лежала целинная, не распаханная. Народа было еще немного. Все войско насчитывало около десяти тысяч человек. Жили охотою, рыбной ловлей; старики занимались пчеловодством. Были у казаков лошади, волы и другой рогатый скот. Хлеб и всякий товар получали в жалованье от государей Московских или покупали на московской границе у купцов. Немало вещей получали и из добычи, за которой нет-нет да и пускались казаки.

В походах казаки жили весьма дружно, отличаясь товариществом. Но у себя, на Дону, каждое общество казаков желало иметь для себя свои земли для охоты и рыбной ловли. И за границу своих угодий уже не пускали соседей. Такая земля, занятая для охоты и пастьбы скота обществом казаков, называлась станичным юртом. На Задонской стороне, по которой бродили ногайские татары, границу проводили от берега на таком расстоянии, на какое хватало тогдашнее ружье, то есть шагов на четыреста.

В юрту селились казаки одного общества, избравшие себе атамана. Обыкновенно человек 80—100 селилось вместе, ставило свой стан, отсюда и пошло наименование поселений казачьих — станицами; в станицах дома окружали плетеной и земляной огородей, откуда и пошло название поселений казачьих городками. В каждом городке был один общий дом, называвшийся становой или станичной избой. Многис бездомовные казаки зимовали в ней, имея человек на десять общий запас, один котел и одну суму. Отсюда и продолжилось древнее название односумов. На охоте и на ловле каждый казак оставлял себе добычи только на один обед. Остальное заготавливалось и складывалось в суму для всех односумов. В свободное время казаки собирались в станичной избе. Приходили сюда и женатые, оставляя своих жен по домам. Старики вязали сети, вентеры, тенета, делали рассохи. Играли

песни, иногда тут же их и складывали про удалых атаманов. Песни эти запоминались молодежью. Так дошли они и до нас. Велись тут бесконечные разговоры о битвах, о ловле диких зверей, птиц и рыбы, и молодые учились у опытных охотников этому делу. Говорили о том, кто намерен что делать завтра и что послезавтра. И если кто-нибудь на охоте заметил стадо сайгаков, или выводок диких гусей или дроф, не скрывал этого, а приглашал товарищей, чтобы на завтра вместе сообщить.

В это время по станицам уже много было женатых казаков. Венчались, по большей части, без священника. Достать его было трудно. Да и церкви тогда только начинали на Дону строить. Обряд оглашения о том, что казак женится, мало чем изменился от прежнего. Достав девушку, нареченный жених с невестой приходили на сбор в станичную избу. Перед образами молились Богу, кланялись на четыре стороны, и жених, кланяясь невесте, говорил:

— Ты, скить *, Настасья, будь мне жена!

Невеста кланялась жениху в ноги и говорила:

— А ты, скить, Гаврила, будь мне мужем!

После этого жених целовался с невестой и все их поздравляли.

Если в семье жили неладно, то муж выводил жену опять на сбор и говорил:

— Вот, скить, честная станица, она мне не жена, а я ей не муж!

Отказанную кто-либо прикрывал полой и брал себе тут же в жены. Если в станицу приезжал священник, то те, кто не был обвенчан, венчались уже по-церковному.

Первое время при царе Иоанне IV, во времена Ермака Тимофеевича, охотников жениться было мало. Об этом и в песне казачьей поется:

Как со славной, с восточной со сторонушки
Протекала быстрая речушка, славный тихий Дон;
Он прорыл, прокопал, младенец, горы крутые,
А по правую по сторонушку — леса темные,
Как да по левую сторонушку — луга зеленые.
По Дону-то все живут, братцы, донские казаки,
Донские казаки живут, братцы, все охотнички.
Собирались казаки-други во единый круг,
Они стали меж собой, да все давай делить.
Как на первый-то пай они клали пятьсот рублей,
На другой-то пай они клали всю тысячу,

---

* Скнуть — от русского сказать. Его употребляли казаки, как приговорку, подобно тому, как теперь многие казаки начинают свою речь словом "так-что".

А на третий ставили красную девицу.
Доставалась красная девица доброму молодцу.
Как растужится, расплачется добрый молодец:
— Голова ли ты, моя головушка, несчастливая!
Ко бою ли, ко баталице ты не первая,
На паю-то, на дуван ты последняя.
Как возговорит красная девица доброму молодцу:
— Ах, не плач ты, не тужи, удаль, добрый молодец:
Я сотку тебе шелков ковер в пятьсот рублей,
А другой ковер я сотку тебе во всю тысячу,
А третий я сотку ковер, что и сметы нет.

Но потом холостая жизнь стала скучной многим, и казаки начали охотно жениться. Жен брали или по-добровольному согласию в пограничных русских деревнях, или у казаков же в соседних юртах, или уводили у турок, у татар или черкесов. Но в некоторых станицах не женились до самого Азовского сидения. В Верхне-Курмоярской, например, станице помнят, кто была вторая женщина. Это была Чебачиха. Первого младенца, родившегося в этой станице, нянчили всею станицей, а первый зубок у него все с особенным восторгом и радостью смотрели. Горда была им молодая мать! Как же! Растет молодой казак, первый не пришлый, а настоящий гражданин станицы!

В свободное время, зимними вечерами, играли казаки в станичной избе в шахматы, а летом играли на дворе воловьими, овечьими и свинными шашками в айданчики. Этим занимались не только дети, но и взрослые казаки, упражняя меткость глаза. Дети до 15 лет кроме этой игры, обыкновенно, ничего не делали. По домам казаки водки не пили. А пили или на общий счет в станичной избе, или на собственный — в кабаке. Собирались компаниями "с носка по алтынцу" пропить, а за кем жена придет звать из кабака домой, с того брали водки на два алтына.

Торжественные гульбы бывали по большим праздникам. В каждой станице были свои для этого дни. В Верхне-Курмоярской станице, например, общая гульба бывала на Троицын день и на масленицу. Соседние станицы при своих атаманах и стариках, со знаменами, съезжались верхом на рубеж с общественной водкой. На рубеже устраивали упражнения в джигитовке, стрельбе из ружья и лука, примерные бои, что называлось тогда шермициями, и дрались на кулачках. Часто до смерти. В четверг на масленице все собирались на сбор, и станичный атаман отдавал приказ о том, чтобы во время гулянья не было бесчинств. Затем станица разделялась на несколько компаний. Каждая компания выбирала себе ватажного атамана, двух судей и квартермистра. Во всякую компанию выдавали знамена и

хоругви. Гулянье шло по домам и улицам до воскресенья; ходили пешком и на конях при оружии. При встречах компаний салютовали и устраивали примерные бои, кидаясь друг на друга в дротики. В воскресенье вечером выносили на станичную площадь столы и скамейки, устанавливали их в круг и ставили напитки и закуску. Со всех сторон, имея впереди ватажных атаманов, сходились и съезжались компании. Приходили атаманы при наске и старики ставили знамена кругом. Ватажные атаманы садились подле станичного атамана, затем есаулы и старики. Пили за здоровье Царя и Великого князя Московского, потом за войскового Атамана, всего великого войска Донского и честной станицы. Каждая здравица сопровождалась ружейной пальбой. Все жители станицы, и женщины и дети, сбегались на площадь. Окончивши питье за здравие, все вставали и всем народом молились на восток и прощались друг с другом, целуясь:

— Прости, Христа ради,— говорили при этом,— в чем согрешил.

— Бог простит,— отвечали.

Затем знамена относили в атаманский дом для сдачи, а народ расходился по домам.

Лавок и торговых людей тогда по станицам не бывало. Воровства друг у друга никогда не было. Оставленные где-либо вещи никто не трогал. Потерянные вещи нашедший приносил на сбор и там отыскивали потерявшего.

Когда казак старился и чувствовал близость смерти, он, как и раньше, очень часто отправлялся в монастырь. Долгое время таким прибежищем для казаков был Борщевский монастырь, построенный в 1613 году, на правом берегу Дона, в нынешнем Коротоякском уезде Воронежской губернии. Монастырь этот служил перепутьем казакам, ездившим по разным делам в Москву, и казаки его хорошо знали.

На Дону первые православные церкви были в Азове, где они ставились еще греками, в те времена, когда по Дону были их города. Казаки при занятии Азова только возобновили их.

Сами же казаками первые церкви начали строиться уже после Азовского сидения. В 1650 году казаки построили в городе Черкасске, вместо часовни, деревянный собор во имя Воскресения Христова, с четырьмя приделами. В 1652 году был основан Усть-Медведицкий монастырь. Ко времени царствования Петра Великого на Дону было: 1 собор, 2 монастырские церкви, 11 церквей в станицах и 3 часовни.

Исстари казаки исповедовали православную веру, были очень набожны и, хотя церквей не было, посты соблюдали

очень строго. Без молитвы, горячей и усердной, казаки не принимались ни за какое дело.

Одевались казаки или в своей работы зипуны, или в одежду турецкую и татарскую, взятую в добычу. Большею частью носили дома и на походе одежду домодельную, а в праздники наряжались в богатые азиатские или польские уборы, взятые в походах. Сукна получали из России в царское жалованье. Потом и сами казачки научились ткать из овечьей шерсти тонкие сукна.

Вот, для примера, что имел простой казак в 1630 году. Список вещей взят у казака Павла Рябинина, бывшего в зимовой станице в Москве. В сундуке у него при обыске нашли: пицаль — то есть ружье — с ремнем, голубой плащ (спанча), серый зипун, белый зипун, полосатый пояс, бурку (спанча полстяная), попону черкесскую, войлок из коровьей шерсти, подушку, шляпу, 2 рубахи, 9 пертов, сермяжные перчатки, старые красные штаны, кожаные сапоги и пучок ремней. У атамана зимовой станицы имущества было гораздо больше. У него нашли серебряные: чашу, чарку, ковшик, винную чарку, медный позолоченный ящичек и в нем жемчужное ожерелье, золотые серьги с жемчугами (низано по-казацки), золотые перстни с камнями, золотой кафтан с серебряными пуговицами, несколько атласных и шелковых кафтанов, теплую шубу на куньем меху, несколько образов и печатных книг, евангелие, часослов, тревник, четьи-миней и апостол. Книги и церковные ризы атаман припасал для войска.

Донская казачка, жена старшины в праздничном платье

Шапки носили из курпея с суконным шлыком. Обувь была разная — были лапти, поршни и сапоги.

Женщины одевались по-азиатски. Обычный женский сарафан, или кубелек, был суконный и не очень длинный. Красили сукно в пестрые цвета. Шубы носили длинные, азиатского покроя. Пояса из материй, а кто побогаче, то из серебра. На руках носили браслеты, называвшиеся белезеками, или обручиками. Девушки носили на голове перевязки с медными вызолоченными гвоздиками и золотой бахромой кругом; волосы заплетали в косы, и в косы вплетали яркие ленты и мохры. Замужние женщины носили кички с высокими рогами. Против лба надевался вышитый круг и от лба до ушей были подвески. Сзади был подзатыльник, весь убранный золотом, серебром и бисерными нитками. На висках были такие же нитки, называемые чикилеками. На шее носили ожерельники из монет и монисты. На ногах были красные сапожки с железными подковками в вершок, под каблуком.

18. Как управлялось войско во времена Азовских походов

В семи делах в станице или городке ведал выборный на год станичный атаман. Важные же вопросы решались на кругу, в общем сборе, на площади, а зимою — в станичной избе. Казаки неохотно шли в атаманы. Обыкновенно, избранный долго отпрашивался и откланивался перед кругом, иногда даже в землю кланялся, чтобы его "ослобонили" от этой чести.

В каждой станице был свой день для выбора атамана.

В Верхне-Курмоярской станице, например, выборы бывали в Богоявление, в Есауловском — в четверг на масленице и т.д. В день выборов, после утрени, вся станица скликалась в станичную избу. Атаман вставал, молился перед иконами, кланялся на все стороны и говорил:

— Простите, атаманы молодцы, в чем кому согрешил!

Станица отвечала:

— Благодарим, Зиновий Михайлович, что потрудились.

Атаман клал шапку на стол, поверх клал насеку. Насека в старые времена приготавливалась так: на терновом стволе, сще на корне делали ножом насечки. Насечки во время роста заплывали кожицей и образовывали наплывы, получалась пестрая палка. Палку украшали серебряной булавой. Название "насека" получала именно от этих насечек.

Севши на место, атаман приказывал есаулу доложить:

— Кому, честная станица, прикажете насеку взять?

В станичной избе поднимался шум. Каждый кричал своего выборного.

— Софрону Самойловичу! Софрону Самойловичу! — наконец, согласятся все.

Тогда еще и еще раз — обыкновенно до трех раз, а если голоса разделятся, то и больше, докладывал есаул.

Наконец, согласятся на Софрона Самойловича.

Софрон Самойлович, старик, наиболее уважаемый и почитаемый в станице, принимал насеку и становился на место атамана. По его приказу есаул опять докладывал:

— Вот, честная станица Курмоярская! Старый атаман свои годы отходил, а вам без атамана быть нельзя, так на кого, честная станица, покажете?

Тут уже поднимался невообразимый шум. Каждый кричал своего выборного.

— Макия, Макия, Макия Яковлевича! — кричат одни.

— Якова, Якова Матвеевича! — вопят другие, третьи еще кого-нибудь. Нужно было иметь есаулу очень хорошее ухо, чтобы уловить, за кого больше голосов подают. Есаул докладывает это имя старику, старик спрашивает еще раз:

— Так на Якова Матвеевича порешили?

Опять крики. Но уже ясно становится, что большинство за него. Старик спрашивает и в третий раз и потом вручает Якову Матвеевичу насеку. Яков Матвеевич, перекрестившись, принимает насеку. Старики, в знак поздравления, накрывают его шапками и он садится к старому атаману на главное место. К атаману в подписные старики, то есть в судьи, выбирали еще десять лучших людей из станицы.

На их обязанности было, в случае опасности от неприятеля, бежать по полям со знаменами, скликать народ в станицу в осаду, мирить ссорящихся, по общим делам брать штрафы на выпивку, знать очередь в нарядах на службу, объявлять кругу о преступлениях и ждать от него приговора.

Суд творился на кругу или на сборе. Сбор происходил по закличке в станичной избе. Закличка делалась так: по улицам ходил есаул и резким протяжным, станичным, есаульским голосом кричал: "Атаманы-молодцы, вся честная станица Курмоярская! Сходитесь на беседу ради станичного дела! А кто не придет, на том станичный приговор — осьмуха!"

Когда казаки соберутся, к ним выходил атаман с есаулом и атаман приказывал жалобщику доложить свое дело.

Проситель выходил на середину, кланялся на все стороны и рассказывал, о чем он просит. Старики-судьи слушали внимательно. Но на сборе казаки обыкновенно разговаривали о своих делах, так что часто и не слышали о чем идет речь. Атаман, выслушавши жалобщика, говорил есаулу:

— Есаул, доложи!

Есаул кричал станичным голосом:

— Атаманы-молодцы, вся честная станица Курмоярская! Помолчите!

Но казаки не сразу умолкали. Есаул бил тростью о пол и опять кричал:

— Помолчите-ста, атаманы-молодцы, помолчите-ста!

Говор и крик переходит в шепот. Тогда вставал уже сам атаман и говорил:

— Помолчите, атаманы-молодцы!

Наконец, наступала тишина полная, и атаман говорил:

— Вот, Аксен Пахомович просит о том-то. Что скажете? Дать или не дать?

И казаки отвечали или: "Не дать? За что?", или: "В добрый час!".

Потом вызывали обвиняемого в каком-либо проступке. Он тоже кланялся казакам, и есаул докладывал его дело.

— Вот, честная станица! — говорил атаман, — старики присудили наказать его плетьюми за то-то! Как прикажете? Простить ли его или выстегать?

И тогда, как часто и теперь, казаки невнимательно слушали на сборе, о чем идет речь.

Так, иной раз сын, не расслышав о ком и о чем дело, на вопрос атамана: "Простить его или выстегать?" крикнул: "В добрый час!". Когда же растолковали ему, что хотят бить его отца, он тут уже закричал иным голосом: "За что батюшку сечь! Не надо!".

Но если казаки находили, что какое-нибудь дело не стоит внимания, то атаман о нем и доклада сбору не делал. Отсюда на Дону и идет пословица: атаман не волен и в докладе.

Грамотных или, как тогда говорили — письменных людей было мало. В Черкасске и в некоторых верховых станицах, поближе к русским монастырям, бывали грамотные казаки. Их знали за десятки верст и к ним ездили по всякому письменному делу. Вместо расписок в получении грамот выдавали деревянные палочки с нарубкой на них, а для прочтения выписывали грамотного человека.

От всего войска в Черкасском городе выбирался войсковой атаман. Он выбирался также на один год. В помощь ему назначали старшин. Если атаман был не угоден войску, то его могли сменить и избрать другого атамана. Атаман всегда оставался в Черкасске. Если его посылали куда-либо или он сам уходил, на его место круг сейчас же избирал другого казака. Одного и того же атамана могли избрать и второй и третий раз.

Для решения войсковых дел, касающихся всего войска, собирался войсковой круг. Для собрания круга посылали от войска по станицам грамоту.

Так как на кругу решались многие дела по старому обычаю, — писаных законов на Дону не было, — то нужно было, чтобы у атамана были люди знающие эти обычаи, знающие, как раньше было. Такими людьми были бывшие атаманы, приобретшие опыт во время своего атаманства. Они и оставались при атамане, как его советники, и получали название старшин.

Помощником у войскового атамана был войсковой есаул. Кроме того, был войсковой дьяк, писавший войсковые

грамоты и отписки, читавший на кругу царские грамоты, так как атаманы тогдашние, по большей части, были неграмотны.

В походах казаки собирались в сотни. В сотне бывало по два сотника. Сотни делились на курени, куреней было в сотне по десяти. Курень имел своего атамана и есаула.

Кроме походов, набегов и поисков, у казаков была еще и внутренняя служба. Служба эта состояла в охране проезжающих через войско московских чиновников, в отвозе грамот и отписок от войска в Москву и привоз из Москвы царских грамот и жалованья. Люди, посылаемые в Москву за жалованьем, назывались "зимовой станицей". Зимовыми они назывались потому, что отправлялись в Москву зимой, оставались в Москве три месяца, а весной, по первой полою воде, возвращались обратно на Дон. В зимовую станицу назначалось от 4 до 100 человек. Начальником зимовой станицы был назначенный за старшего атаман и в помощь ему, если станица была большая, назначался и есаул. С жалованьем, хлебом, порохом и иными припасами зимовая станица шла рекой Доном на бударах (барках). Каждая станица на рубеже своего юрта встречала зимовую станицу ружейною и пушечною пальбой. В Москве зимовая станица пользовалась почетом. Все казаки являлись к самому царю и приглашались на обед к царскому столу. При приезде и при отъезде казаки получали от царя подарки: камки, тафту и хорошее сукно. Станица в Москве жила за царский счет.

Проезд в Москву и обратно далеко не был безопасен для казаков. Редкая станица проходила благополучно через степь. На казаков нападали татары, и им приходилось отбиваться от них. Путь на Москву станицы был подобен движению разезда в неприятельской стране. Зоркими, чуткими и внимательными должны были быть казаки, опасаясь на каждом ночлеге ночного нападения, в каждом овраге или лесу — засады.

Но эта-то жизнь, сопряженная с вечной опасностью, вечной близостью к смерти, и создала из казаков людей спокойных перед опасностью, решительных в бою, чутких и сторожких в походе. Вся их жизнь была вечным воинским упражнением. Мальчиком казак играл в айданчики на станичной улице, наматывая себе глаза, или, прыгая и бегая, гонял кубарь. Едва хватало у него силы, он уже брал пищаль и шел стрелять чутких дроф, или скакал по степи, загоняя сорвавшийся в метель табун. Он ползал на животе, подкрадываясь к зверю, он переплывал Дон, спасаясь от татар, он знал, что промах из ружья для него — часто смерть или плен. Он делал сам все то, чему теперь мы учим казака на случай войны, и учителем его

была жестокая смертельная опасность, а это учитель суровый!..

И оттого, в последующих боевых действиях, которые казаки имели уже наряду с русскими войсками, они выделялись своим искусством в военном ремесле, заслуживали себе большие награды, славу великую, ставились в пример всему свету.

Донской войсковой атаман в парадном кафтане

19. Пожалование войску Донскому первого царского знамени в 1645 году

1645 году на престол Московских государей вступил сын Михаила Феодоровича, царь Алексей Михайлович. Он принял государство от отца успокоенным. Войско было приведено в порядок и хорошо вооружено. Много иностранных людей было призвано при нем на службу на Русь для обучения солдат; мало того, строился военный корабль на Волге для того, чтобы можно было на нем ходить в Каспийское море к Персии. Царь понимал значение моря и очень желал, чтобы русские имели при море хотя бы один город. Ради такого города, как Азов, он не прочь был начать войну и с Турцией. Чувствовал достаточно силы для этого. Не боялся войны.

Иные грамоты стали получаться на Дону. Царь не только не запрещал ходить под Азов, но он предлагал казакам подробно о нем разведывать и, если возможно, взять башни, стоявшие у р. Каланчи. Царь прислал еще и русское войско для того, чтобы вместе с казаками воевать против крымцев. Но Азов уже был не тот. Венецианские, итальянские и немецкие мастера воздвигли в устье Дона такую крепость, которую казакам уже и думать нечего было взять.

В июле месяце 1645 года крымцы сделали набег на Черкасск, но казаки их отбили. Атаман, вместе с находившимся в Черкасске царским воеводой князем Семеном Пожарским, 5 августа тайно перешел через Дон, настиг отходивших к Крыму татар, разбил их, взял большую добычу и стал отходить к Черкасску. Татары собрали свою конницу и большими силами преследовали казаков. Казаки отбили все атаки, благополучно вернулись в Черкасск, прогнали татар, а мелкие разведочные партии казачьи взяли в плен пять человек.

В этом бою шестьсот человек вольных охотников из мужиков и несколько стрельцов не выдержали татарской атаки, бежали с поля сражения.

Донесения об этих делах повез в Москву атаман Васильев. Царь щедро наградил его и отправил 25 сентября 1645 года похвальную грамоту войску Донскому и знамя.

"За мужество и храбрость бившихся честно, жалуем и милостиво похваляем, — писал государь казакам, — и посылаем вам, нашему Донскому войску, атаманам и казакам, Нашего Царского Величества знамя, да впредь на нашу царскую милость будьте надежны. Тех же вольных людей и шацких стрельцов, всего 600 человек, которые на отходе разбрелись, и струги у вас вверх по Дону порастаскали и порубили, велели мы бить кнутом, чтобы такое воровство другим было не в повадку. Крымцев и ногаев воевать, а с турецкими людьми под Азовом жить мирно повелеваем!"

Знамя было малинового цвета с зеленой каймой, сверху знамя было длинной 2 1/4 аршина, а внизу 4 1/4 аршина и шириною 3 1/4 аршина. На знамени был вышит герб Русского государства — большой черный орел с гербом Московского княжества Георгием Победоносцем посередине. На знамени была сделана надпись:

"Повелением Великого государя Царя и Великого князя Алексея Михайловича, всея Руси Самодержца и многих государств государя и обладателя послано сие знамя на Дон. Донским атаманам и казакам, лета 7154 августа".

Это было уже не первое знамя, пожалованное государем Московским донским казакам. Знамя есть воинская святыня, под которой собираются верные долгу воины и с которой они идут в бой с врагом. Знамя должно напоминать воину, что он присягал служить честно и верно своему государю.

И раньше у казаков были знамена. На знаменах казачьих изображены были иконы. Так, на дошедшем до нас знамени донского атамана Ермака Тимофеевича изображена икона св. Димитрия; были знамена с изображением Спасителя и Божьей Матери; это были знамена казачьи — казачьей вольницы. Вновь пожалованное знамя Донское имело посередине русский герб. Под ним должно было собираться с этого времени войско Донское и ему присягать. Победным кличем донцов становилось уже не "С нами Бог! За веру православную, за царя!", а "С нами Бог! За веру православную, за царя и за Русь!". Этим знаменем с русским гербом как бы само войско Донское приводилось к присяге на верность России и ее законам.

Русскому царю войско Донское было верно всегда. За него и ради него оно воевало в Сибири, ради его царской пользы дралось с турками и татарами, за царя Димитрия казаки сражались даже против русского народа, за царя брали Азов и Его Царскому Величеству подносили ключи его!

Знаменем с русским гербом царь как бы приглашал донских казаков начать служить не только ему лично, как служили его отцу и дедам, но служить и России, и русскому народу. Быть заодно с нею. Повиноваться русским законам. И донцы поняли это. Они поняли, что кончилось время их вольности, что теперь они — нераздельная, неотъемлемая часть Московского государства, его Донское войско. С этих пор сотни казачьи участвуют наряду с русскими полками. Уже в царствование Алексея Михайловича казаки воевали с поляками в составе русских войск. И раньше они воевали вместе с русскими войсками. С этих пор сотни казачьи участвуют наряду с русскими полками. С полками князя Курбского сражались донцы под стенами города Казани, побивая царевича Япанчу, но там они воевали как союзники, по своей охоте. Хотели — воевали, а не хотели — и ушли. Они не были обязаны, они шли на бой не по приказу, а по своей вольной волюшке. С этого времени на Дон уже посылается от царя наказ: послать столько-то казаков, такому-то воеводе, воевать с таким-то против поляков, идти на турок или на татар. Вольность казачья кончилась. Войско Донское становилось не самостоятельной, никому не подвластной, почитающей русского царя вольницей, а частью Русского государства, подчиненной царю.

И поняли это казаки. Поняли, что им против царя и родины их России — не быть.

Поняли, но не все!

Еще долго, в продолжение целых ста лет, нет-нет, да появлялись на Дону казаки-гулсбщики, которые шли на разбой, на убийство ради добычи, ради не войсковой, не общественной, а личной славы. И первым таким был на Дону Степан Тимофеевич Разин.

20. Разин

У нас то было, братцы, на тихом Дону,
На тихом Дону, во Черкасском городе
Народился удалой, добрый молодец
По имени Степан Разин Тимофеевич.
Во казачий круг Степанушка не хаживал,
Он с нами, казаками, думы не думывал,
Ходил, гулял Степанушка во царев кабаке,
Он думал крепкую думушка с голутвою:
Судари мои, братцы, голь кабацкая!
Поедем мы, братцы, на сине море гулять,
Разобьем, братцы, басурмански корабли,
Возьмем мы, братцы, казны, сколько надобно,
Поедем, братцы, в каменну Москву,
Покупим мы, братцы, платье цветное,
Покупивши цветно платье, да на низ поплывем.

В 1667 году по Дону, на площадях и улицах, в самом Черкасском городке раздался давно забытый клич: "На Волгу-матушку рыбку ловить, на Черное море за ясырями, на Хвалынское за добычей! Атаманы-молодцы, послушайте!"

То кричал статный и видный казак с русой окладистой бородой и длинными вьющимися вокруг лба кудрями — Черкасской станицы казак Степан Разин. Его знала вся голь кабацкая. Все бездомовные, голутвенные казаки знали и любили его. С ними проводил он все время, мечтая быть на Дону атаманом. Да не вышло. Степенные, домовитые казаки на сборе одержали верх и в атаманы попал храбрый, разумный, благонравный казак Корнилий Яковлев.

И тогда в отчаянной голове Разина зародилась смелая мысль: добыть атаманство славою, добыть атаманство силою. Стать, как Ермак, князем. Царить и властвовать над людьми безгранично. Он думал только о себе. На тех, кто шел к нему, он смотрел как на рабов, глубоко презирая их...

Если бы голытьба знала, на какую тяжелую работу, в какое слепое рабское повиновение Разину она шла, никто бы не кинул оземь рваной шапчонки своей и никто не примкнул бы

к воровскому атаману. Но Разина знали пока только как смелого и отчаянного человека, как человека, играть с которым и опасно и выгодно. У него одна ставка была — голова, другая — богатая добыча, мешки золота.

И, несмотря на запрещение атамана, повалила к смелому казаку гольтьба черкасская и соседних станиц. Домовитые, степенные казаки тайно помогали им, выговаривая себе часть добычи. Силен еще в народе был старый обычай и помнили старики, что привозили отцы их с Волги, Каспия и Сибири.

Опять, как сто лет тому назад, появились на Волге черные каюки казачьи, опять

Из-за острова в тумане,
На простор речной волны,
Выплывают острогруды
Стеньки Разина челны.

Укрепившись на реке Камышенке, Разин стал грозой русских и персидских судов и смеялся над самими восводами царскими!

Поднявшись вверх по реке Уралу, Разин укрепился в городке Гурьеве и там зимовал, готовя суда для набегов на Персию.

В 1668 году смелый атаман пригрязнул к персидским берегам. У Разина было около 2000 казаков, великолепно вооруженных. На 40 стругах, с богатой добычей, набранной в разграбленных казаками деревнях близ Дербента, Шемахи и Баку, Разин подошел к персидскому городу Ферабату и здесь высадился. Казаки вошли в город, говоря, что они купцы, привезли кавказские товары и хотят обменять их на персидские. Персы охотно покупали у казаков их добычу, тем более, что казаки продавали все по очень дешевой цене. Шесть дней торговали так на базаре казаки. Разин гулял между ними, и казаки зорко поглядывали на своего атамана. На шестой день Разин стал так, чтобы его было видно со всех концов площади, обернулся и вдруг взял шапку и сдвинул ее набок. Это было условным знаком для казаков. Казаки бросились на персов, убивали купцов и отнимали у них и проданные и их собственные товары. В Ферабате был дворец шаха, наполненный разными драгоценностями. Казаки разграбили этот дворец, взяли пленников, и Разин забрал себе красавицу персидскую княжну.

С удалыми песнями бросились казаки опять на море. Успех вдохновил атамана.

Его войско усилилось русскими пленниками, которых он освободил в Ферабате и других персидских городах. Он решил провести зиму в тепле, высадился близ Ферабата и укрепился на длинной косе, далеко уходящей в море. Здесь он построил

городок. Пленные персы день и ночь работали, возводя по плану Разина валы и засеки.

Персидский шах собрал большое войско и напал на Разина. Казаки бились долго. Много удалых казаков полегло в этом бою. В конце концов Разину пришлось сесть на лодки и уйти дальше на косу и зимовать между морем и болотом. Голод и болезни унесли многих казаков у Разина. Хлеба не было. Казаки резали своих лошадей и ели конское мясо. На весну они снарядили струги и опять ходили в море за добычей.

В июне месяце 50 персидских судов с 3700 войска напали на легкую флотилию Разина. Произошло настоящее морское сражение. У персов были на судах пушки, но Разин атаковал их, под жестоким огнем порубил днища персидских судов, потопил большинство. Только небольшая часть персидского войска на трех судах спаслась к берегам. Но и казаки в этом страшном деле потеряли около 500 человек.

Тогда Разин решил со своей громадной добычей, награбленной им в течение двух лет, уйти назад на Дон.

В августе месяце 1669 года, изнуренный тяжелым переходом по морю, со многими больными казаками, но с богатейшей добычей, подошел Разин к Астрахани.

В Астрахани уже находился присланный царем Алексеем Михайловичем воевода князь Прозоровский с большим войском. Казаки, узнав об этом, остановили свои суда и не входили в Астрахань. Тогда к Разину пошел на 50 стругах с 3000 стрельцов князь Львов и объявил, что казакам есть милостивая грамота. Казаки были измучены двухлетней непрерывной войною, они мечтали об отдыхе. Они приняли князя Львова и обещали полную покорность, но когда речь зашла об отдаче добычи и пленных, то казаки ничего почти не отдали. Они выдали только недавно взятую ими баржу, груженную персидскими лошадьми, и за то получили пропуск в Астрахань.

В Астрахани в это время стоял первый русский корабль "Орел", построенный нарочно выписанными из Голландии мастерами.

22 августа Разин входил в Астрахань. Богато обставил свой вход воровской атаман! Все паруса на его судах были сделаны из дорогой шелковой материи и все канаты были шелковые. Борты разбойничьих лодок были увешаны коврами и уставлены золотыми и серебряными сосудами. Казаки были одеты в шелка и золотом тканые одежды. И только голодные, худые, измученные, обветренные морской непогодой лица их говорили о том, что недешево досталась им добыча.

Яркое солнце играло зеленой волною моря; отражались в мелких волнах искрами золото и пестрые ткани. С "Орла" и со

стен Астрахани пушки приветствовали Разина салютом, и на казачьих судах им отвечали казачьи пушки. Толпы народа, стрельцы, весь город высыпал на стены астраханские, чтобы посмотреть, как входил донской атаман с казацкой вольницей.

— Поистине, — говорили астраханцы, — богат Стенька приехал! На судах его веревки и канаты все шелковые и паруса также все из материи персидской, шелковой учинены.

Казакам было запрещено ходить в город, но удерживать их было некому. Стрельцы и народ с увлечением слушали хвастливые рассказы казаков об их набегах. Открытый торг добычей шел по всей Астрахани. А когда Разин, богато одетый, окруженный такими же нарядными казаками, прошел в приказную палату и отдал бунчук, десять знамен персидских и целые толпы пленных персиян, народ окончательно преклонился перед ним, как перед великим полководцем. Из имевшихся у Разина пушек, отбитых им на персидских судах, он сдал только пять медных и 16 железных, лучшие же 4 медные и 16 железных удержал у себя, говоря, что отдаст их тогда, когда вернется домой на Дон. Без пушек-де ему опасно идти мимо Царицына.

Успех вскружил голову Разину. Он стал считать себя равным Ермаку. Деньги давали возможность гулять, а в деньгах недостатка не было. Сам хмельной, с хмельными казаками, в роскошно убранных ладьях, с музыкой и песнями гулял разбойничий атаман по Волге. С ним сидела на лодке и персидская княжна, полюбившая всею душой дикаря-казака. И Разин ее любил. И вот, однажды, в хмельном угаре, Разин взял ее, прекрасную, убранную в парчевые наряды, увешанную золотом и камнями самоцветными, на руки, поднял над водой и воскликнул: "Волга! Ты славная река, ты доставила мне много богатств, злата и серебра. Ты мать моей славы! Я ничем еще не подарил тебя! Но я не останусь более благодарным!"

И Разин бросил персиянку в глубокие волны Волги-реки.

Пьянствуя и гуляя с несколькими приближенными ему казаками, которых он называл есаулами, Разин в то же время жестоко наказывал казаков за малейшую провинность. За пьянство, за грубый ответ, за ничтожное промедление в исполнении приказа Разин приказывал завязать руки над головой, насыпать за пазуху песка, наложить камней и бросать в воду.

Наконец, Прозоровскому удалось выпроводить разбойников из Астрахани. Буйной, пьяной ватагой поплыли они вверх по Волге; в Царицыне они убили стрелецкого сотника, насмеялись и издевались над дьяком в палате, раскрыли тюрьмы и выпустили преступников.

В пьяном чаду, в упоении своею славой, дошли казаки Разина до Пятиизбянской станицы и отсюда на лодках спустились до Кагальника*.

Шайка устроилась на острове и стала рыть землянки на зиму. Никто не смел остановить, образумить или в чем-либо препятствовать Разину. Свою дружину он держал в строгой дисциплине, к родным в станицы пускал не иначе, как не надолго и на поруки. К себе из Черкаска выписал свою жену и брата. Всех приходящих к нему казаков щедро одарял одеждой, оружием и деньгами.

Шли к нему голутвенные казаки, шла голь кабацкая. Они называли его отцом своим. Разин останавливал хлебные барки, барки с товаром, высаживал их на острове и приказывал купцам торговать в его стане. И от этого еще больше народа стало в его ватаге. На Кагальник Разин прибыл с 1500 казаков, осенью уже у него было 2000, а к весне его шайка дошла до 4000 казаков.

На вопросы атамана, что он делает на Кагальнике, Разин отвечал, что им посланы гонцы к царю и, если они возвратятся к нему с милостивой грамотой, он пойдет воевать за царя на Крым или на Азов, или "где повеление великого государя им будет, и покроет вину свою своему государю службой". А если милостивой грамоты не будет, то он пойдет к запорожцам и будет с ними воевать против поляков.

Но на уме у Разина было другое. Уже стоя в Астрахани, несмотря на хмельной угар, он увидел, что народ, живущий по Волге, темен, что он ненавидит бояр, жаден и способен на всякое злодейство, и Разин задумал потряхнуть Москвою и ее боярами, от которых ему достаточно попадало во время его первых воровских набегов.

В мае месяце 1670 года на Дон, в Черкасск, приехал посол царский Евдокимов. Был круг; на кругу прочли царскую грамоту и разошлись. На другой день в Черкасск явился Разин со своею ватагой. В Черкасске в этот день был круг для передачи ответной грамоты Евдокимову. Вдруг, расталкивая казаков, окруженный вооруженными людьми, богато одетый явился на круг Разин. Все так и ахнули. Давно слава о его воровских подвигах гремела по Дону, но никто не ожидал, что он посмеет явиться на круг.

— Это почему круг? — властным голосом спросил Разин.

Ему объяснили, что снаряжается станица для отвоза ответной царю грамоты.

— Кто привез грамоту? — продолжал допрос Разин.

— Евдокимов.

---

* Кагальницкий городок находился тогда в верховьях Дона у р. Донца.

Разин потребовал Евдокимова на круг.

— Кто тебя послал на Дон? Государь или бояре? — спросил Разин.

— Я приехал с царскою грамотой, — отвечал Евдокимов.

— Врешь! Ты не грамоту привез, а приехал лазутчиком. В воду его!

Разинские казаки сейчас же бросились на посла, убили его и бросили в воду.

Войсковые старшины начали уговаривать Разина не буйствовать, но Разин прикрикнул на них, и они замолчали. Войсковой атаман выступил было с увещаниями, но Разин ответил:

— Ты владей своим войском, а я владею своим. В мои дела не мешайся!

Все притихли в Черкасске, и Разин пробыл несколько времени в нем важнее самого атамана. Сбылись его мечты. Самолюбие его было удовлетворено. Но он уже не знал себе меры и спешил исполнить все, что хотел.

Увеличив свой отряд, Разин ушел из Войска и пошел опять на Волгу.

Как только он выступил из Черкаска, войсковой круг снарядил станицу с атаманом Михаилом Самаренином, с отпиской царю обо всем случившемся и с выражением полной покорности государю.

Между тем Разин подошел к Царицыну и приказал своему есаулу Василию Усу осадить город, где заперся воевода Тургенев со стрельцами. Жители Царицына продержались не долго. Как только начался у них недостаток в воде — они отворили ворота Усу, и казаки заняли город. Воевода Тургенев заперся с несколькими верными стрельцами в замке. Казаки осадили замок, перебили стрельцов, а Тургенева привели на веревке в стан Разина. Долго мучил его и издевался над ним Разин. Воеводу били, кололи копьями и, наконец, утопили.

Занимая города по Волге, буйным победителем шел на ладьях вниз по реке Разин. Он шел брать Астрахань. Астрахань при первых слухах о его приближении была отлично укреплена иностранными офицерами и могла бы противостоять пьяной ватаге, не имевшей тяжелых пушек. Но измена уже проникла в сердца астраханских жителей и стрельцов. Они помнили Разина в светлую пору его жизни, помнили, как пришел он из Персидского набега на шелковых парусах, помнили, как поил и одаривал он чернь и гулял с нею по Волге.

22 июля 1670 года Разин подошел к Астрахани и приступил к осаде.

В этот день вечером боярин и воевода князь Иван Прозоровский, дьяки и головы (начальники) стрельцкие,

принявши от митрополита Иосифа благословение, изготовились к бою. Разин со своими 300 судами подошел к городу и высадился у виноградных садов подле стен городских. Казаки приготовили лестницы для приступа.

Наступила ночь, и воевода приказал зажечь лежащую у стен города слободку, чтобы помешать казакам ворваться в темноте. Запылал пожар и стало светло, как днем. Воевода и стрелецкие полки всю ночь стояли под ружьем.

Но вот, в три часа ночи полки Разина тронулись от Вознесенского монастыря к Вознесенским воротам. Загремели пушки и сейчас же стихли. Изменники не только не стреляли, но помогали казакам приставлять лестницы и входить на стены. Все начальники были перебиты. Израненного пиками князя Прозоровского на ковре отнесли в собор. Туда же пришел митрополит и сбежались немногие верные стрельцы. Там же спасался и народ.

Светало. Казаки подступили к собору, ворвались в него и вывели Прозоровского к Разину. Разин, измучив его, бросил с башни в ров...

Началось безумное пьянство и резня по городу. Разин все позабыл. Пьяный, он ездил по городу, бил и рубил всякого, кто почему-либо ему не понравился. Так же вели себя и казаки. Они надругались над иконами, шатались по городу с чернью, пьянствовали и резали людей ни за что.

Слава Разина, как воровского атамана, быстро падала. Он и казаки его стали подобны зверям. Из обыкновенного разбойника и грабителя он обратился в изменника. Он распустил слух, что молодой царевич Алексей, умерший 17 января 1670 года, жив и вместе с опальным патриархом Никоном укрылся от мести бояр и находится в его стане. Черни показывали какого-то юношу в черкесском наряде, выдавая его за царевича. И чернь верила слуху.

По всей Руси были пущены Разиным письма, призывавшие чернь к мятежу и убийству помещиков и бояр. Страшная беда надвигалась на Русь. Отовсюду к Разину стекались крестьяне и стан его кровавой волною перекатывался по Руси.

Это уже не был Разин с казаками. Это был взбунтовавшийся народ. Царю Алексею Михайловичу пришлось напрячь все силы, чтобы подавить мятеж, волною докатившийся до самой Москвы. Воеводы его с отрядами стрельцов усмиряли мятежные города и села. Разин потрянул Москвою!

Разин рискнул под Симбирском сразиться с воеводой Милославским. С Разиным уже были не верные его казаки, а всякая пьяная сволочь из деревень, умевшая бить только безоружных, женщин и детей; да и Разин был не тот.

Спившийся, опустившийся атаман был разбит. Пробовал он снова взять Симбирск, но и тут потерпел неудачу.

Тогда Разин бросился на Дон, в Кагальник. Но и казаки не приняли его. Это пришел не удалец, атаман вольной ватаги, как год тому назад, а мятежник против царя. Из века в век преданное государю войско Донское возмутилось. 14 апреля казаки с атаманом Яковлевым взяли приступом Кагальник, связали Разина и привезли в Черкасск. Здесь, до отправления в Москву, приковали Разина цепями у дверей Войскового собора.

Войсковой круг приговорил сообщников Разина к смертной казни. Самого его атаман Яковлев лично отвез в Москву.

Отрезвевший во время длинного пути Разин снова стал казаком. Он умер честно. Перед смертью Разина жестоко пытали. Он молчал. Молчал, когда били его кнутом, подвешивали за ребро к потолку, жгли угольями и раскаленным железом. Сотни убитых и замученных им людей должны были быть искуплены этими пытками. Наконец, Разину выбрили макушку и стали капать на нее холодной водой. Разин ни слова не проронил.

Настал день казни. 6 июня 1671 года Разина привезли в Кремль, ввели на возвышение, где ожидал его палач, и прочли ему приговор. Молча, опустив голову, выслушал его воровской атаман, потом низко поклонился собравшемуся кругом места казни народу. Палач подошел к нему. Разин перекрестился несколько раз, обращаясь лицом к церкви Казанской Божией Матери, три раза поклонился народу, говоря "прости". Его положили между двух бревен и отрубили ему правую руку по локоть и левую ногу по колено. Потом отсекли голову. Палач торопился. Разин ни одним стоном не выдал себя.

Таков был конец Разина. Его сообщники еще некоторое время бесчинствовали на Волге, но вскоре Милославский окончательно подавил страшное возмущение, поднятое донским атаманом.

Как ни велики были преступления Разина после того, как он пошел против царя и стал пьянствовать, но первая слава его, как победителя персов, слава старинного донского охотничьего атамана и смелого начальника, оказалась выше этого. Дон простил его. Казаки, присудившие Разина к смертной казни, сложили о нем немало песен. Смелая кончина его, то, как по-казачьи глядел он в очи смерти, была рассказана на Дону атаманом Яковлевым.

Ах, туманы, вы мои туманушки,

поют казаки про Разина —

Вы туманы мои непроглядные!
Как печаль, тоска ненавистные!
Не подняться вам, туманушки,
С синя моря долой!
Не отстать тебе, кручинушка,
От ретива сердца прочь.
Ты возмой, возмой, туча грозная,
Ты пролей, пролей част крупен дождичек,
Ты размой, размой земляну тюрьму,
Чтоб тюремщички, братцы, разбежались,
В темном бы лесу собиралися!
Во дубравушке, во зелененькой
Ночевали тут добры молодцы,
Под березонькой они становилися,
На восходе Богу молилися,
Красну солнышку поклонилися:
"Ты взойди, взойди, красно солнышко,
Над горой взойди над высокою,
Над дубравушкой, над зеленою,
Над урочищем добра молодца,
Что Степана, свет Тимофеевича,
По прозванью Стеньки Разина!
Ты взойди, взойди, красно солнышко,
Обогрей ты нас, людей бедных,
Добрых молодцев, людей беглых:
Мы не воры, не разбойнички,
Стеньки Разина работнички,
Есауловы все помощнички!"

Помянул добрым словом "атамана-казака" и Петр Великий.
Вот как это было.

Когда Петр Великий осаждал Азов и "во взятии его нашел препятствия", известился царь, что Стенька Разин бывал под ним трижды. Потребовал государь найти в Донском войске такого казака, который бы больше всего бывал с Разиным в походах. Такой казак оказался Морковкин. Он испугался, что его ведут к царю. Он думал, что для казни. Государь, заметивши, что казак в смятении, приказал дать ему водки, а потом расспрашивал его о походах и действии Стеньки Разина. Морковкин рассказал о всем подробно, как очевидец и участник. Государь, выслушав его рассказ, сказал: "Жалко, что не умели тогда из Степана Разина сделать великую государству пользу, и жалко, что он не в мое время."

21. Казаки присягают Московскому царю

1676 г.

После разинской смуты на Дону было спокойно. Казаки, по приказу царскому, ходили на Азовское море и подробно разведывали об Азове. Кроме того, не раз приходилось им уходить и в Задонье для борьбы с калмыцким ханом Аюком. Московское государство окончило в 1670 году войну с Польшей и заключило с поляками, воевавшими в это время с турками, союз. Русские обещали полякам тревожить турок на Азовском море и отвлекать их силы к Азову. На Дон пришло русское войско для того, чтобы воевать вместе с казаками. Одно время хотели против Азова построить небольшие крепости и посадить в них казаков, но казаки сидеть по крепостям отказались, сказавши, что они умеют сражаться лишь в полевом бою.

Так, почти в непрерывных походах казаков против азовцев, прошло шесть лет. В 1676 году царь Алексей Михайлович скончался, и на престол Московских государей вступил сын его, Феодор Алексеевич.

Он первый из царей Московских взял присягу от донцов на верную службу. Сначала присягнула находившаяся в Москве зимовая станица с войсковым атаманом Корнилием Яковлевым и станичным атаманом Иваном Семеновым. Потом, посланный на Москву от царя Семен Колтовской привел к присяге и все войско Донское.

Царь Феодор Алексеевич заключил мир с турками и строго запретил казакам ходить под Азов.

"Никто с азовцами и калмыками чтобы не ссорился, — писал государь казакам, — на море и на Волгу для воровства и добычи не ходил; если же кто ослушается, то казаков того городка выбить вон и с реки Дона сослать, чтобы им нигде пристанища не было, городок же сжечь, а заводчиков вешать и рубить".

Но, несмотря на это запрещение, казаки ходили и на Перекоп, и в Крым, а на угрозы крымского хана отвечали дерзкими письмами: "Зачем тебе ходить к нам и так далеко

забиваться, мы люди небогатые, стад конских и животных у нас мало, городки наши не корыстны, оплетены плетнями, обвешанными терном; а добывать их надобно твердыми головами, на посещение которых, как тебе ведомо, у нас есть сильные руки, острые сабли и меткие пищали. Побереги свое здоровье, не ходи!" — писали казаки.

В набегах и борьбе с татарами отличался донской атаман Фрол Минаев. Но особенно выделился он своею храбростью и распорядительностью при брате Феодора Алексеевича, Петре I Алексеевиче.

22. Царь Петр на Дону

1695 г.

Петру шел четвертый год, когда скончался царь Алексей Михайлович и он со своею матерью-царицей жил недалеко от Москвы в селе Преображенском. Первым учителем молодого царя был дьяк Никита Зотов. Ребенок рос, не по годам любознательный и пытливый. Все хотелось ему знать, обо всем он расспрашивал своего учителя. Зотов был человек, по тогдашнему времени, сведущий и начитанный, но и он скоро не мог уже отвечать на вопросы царевича: знаний не хватало. В селе Преображенском жило много мальчиков, детей придворных чинов, приближенных царицы. Молодой царевич играл с ними, но любимой игрой его была игра в солдатики. Он устанавливал их в шеренги; проделывал ружейные приемы, маршировал, строил земляные укрепления, а потом брал их. Мальчик рос, увеличивалась числом и его мальчишеская рать, призванная для потехи царевича и потому называемая потешными. Вскоре потешных стало так много, что они не могли уже помещаться в Преображенском и часть их персели в другое село, лежащее недалеко от Москвы, Семеновское.

Составилось два потешных полка — Преображенский и Семеновский. От детских игр и шалостей в потешных полках скоро перешли к настоящим учениям и потешным боям, или маневрам. При полках была устроена артиллерия, и лучшие тогдашние мастера подкопного дела обучали эти полки, как строить и брать укрепления. Так из детской игры молодого царя зародились на Руси первые, обученные правильному, регулярному строю, русские полки — Преображенский и Семеновский, составившие гвардию царя Петра.

Однажды, осматривая в селе Измайлово дворцовые сараи, Петр увидал там небольшую лодку, непохожую на те челноки, которые он видел раньше на реках и озерах.

— Это что за лодка? — спросил он у сопровождавшего его боярина Стрешнева.

Но Стрешнев и сам не знал, откуда она.

— Не ведаю, что это за лодка, — сказал он.

— А как бы узнать, почему она такая? — допрашивал царь.

— Может быть, кто из немцев знает, — проговорил Стрешнев. — Не послать ли за Тиммерманом?

Франц Тиммерман был придворным лекарем и большим другом молодого царя, он обучал его математике. Послали за Тиммерманом. Тиммерман пришел и объяснил царю, что это — английский бот.

— Почему же он так устроен? — допрашивал Петр. — В чем отличие его от наших лодок?

— Он может ходить и по ветру и против ветра на парусах.

Петр еще более удивился. Он просил Тиммермана показать это, но Тиммерман этого не знал и обещал привести к Петру своего земляка Бранда.

Бранд был родом из Голландии и знал морское дело. Он починил лодку, спустил ее торжественно на реку Язу и показал Петру, как править парусами. Как хорошо выезженный конь, лодка послушно пошла вперед, боком к ветру, пошла против ветра, по ветру. Петр был в восторге. С этого дня любимой его забавой стало ходить под парусами на этой лодке. Но на реке Язуе было тесно. Лодка то и дело прижималась то к одному, то к другому берегу; перенесли ее на пруд, но и там нельзя было развернуться, тогда Петр поехал на Переславльское озеро. Там лодка оказалась мала, и Бранд взялся за топор и стал строить молодому царю два небольших корабля.

Эта морская забава сблизила Петра с иностранцами. Он увидел, что там, в чужих землях, за пределами России, живут иначе, больше имеют знаний, и захотелось Петру лучше познакомиться с этими чужими землями, сделать и русских такими же образованными, как иноземцы.

Царю уже шел семнадцатый год, он занимался потешными, да прогулками по озеру под парусами, а царством правила его сестра, царевна Софья Алексеевна. И вот, самолюбивая и властолюбивая царевна задумала устранить Петра совсем от царства и править одна, не стесняясь царицей-матерью и Петром. К этому убеждали ее приближенные и начальники старинных русских стрелецких полков. Стрельцы боялись, что их место займут новые петровские солдаты — потешные и иностранные, наемные офицеры. 1 сентября 1689 года молодая царевна в Москве говорила с народом, убеждала его не покидать ее и защитить от брата, молодого царя Петра. Но народ остался верен своему природному государю. Полки ушли из Москвы к Петру и вскоре явились вместе с ним и на Москву. Начались новые порядки. Виновные в заговоре

против Петра стрельцы были казнены, а царевна Софья отправлена в Новодевичий монастырь.

Твердой рукой взялся молодой царь за управление. Он поставил в Москве много новых начальствующих лиц, указал им, что делать, а сам продолжал усердно учиться разным наукам, для чего, не стесняясь, ходил к немцам, жившим в Москве в особой немецкой слободке.

И видел в этой слободке Петр то, чего не видел он у себя в русских домах. Видел особые инструменты, видел картины, книги не только духовные, но и о разных предметах, видел сукна тонкие, полотно прочное — все привозное. И захотелось ему посмотреть на те края, где все это умеют делать, научиться самому и передать эту драгоценную науку и своим подданным русским. "Как проехать туда, к этим искусникам-немцам, голландцам, французам и итальянцам?" — спрашивал царь. "Можно сушей через земли короля шведского или короля польского, и можно морем," — отвечали ему. "Каким морем?..." Но море у русских было тогда только одно — Белое. Далеко на севере, у угрюмого, покрытого льдом большую часть года, со страшными громадными плавучими ледяными горами Северного Ледовитого океана, и в те времена был у русских приморский город Архангельск. Там жили смелые русские поморы, занимавшиеся рыбной ловлей и торговлей со шведами и норвежцами. Туда задумал поехать молодой государь. Далекий был путь. Более тысячи двухсот верст отделяло Архангельск от Москвы, дорога пролегла по пустынному, суровому и дикому краю. Но это не остановило Петра. Летом 1693 года он отправился в далекое путешествие. И вот, наконец, он увидел открытое море. Далеко перед ним, закрытое дымкой тумана, сливалось серое небо с серым, холодным, волнующимся морем. Берегов не видно. Далеки берега. И эта даль, эти гряды бегущих откуда-то, одна за другой, волн манили Петра изведать новые страны. Петр ездил на пришедшие с моря корабли, беседовал часами с моряками, выпивал кружку простого пива с капитаном и все более и более задумывался.

На следующий год он явился в Архангельск, но уже во главе целой стаи вновь построенных судов. Русский флот зародился на Белом море. Доволен был царь, но недолго. Скоро он увидел, что море, выбранное им, неудобно для торговли. Три четверти года оно стоит подо льдом, лежит оно в глухом краю, в котором можно торговать только лесом и льном. И Петр стал внимательно разглядывать карту России и изучать направление рек. Волга впадает в Каспийское море, — море, закрытое со всех сторон. По Волге можно вести торговлю только с персами; с ними и так давно ведут русские торговлю,

но научились не многому. Дон впадает в Азовское море, а из Азовского моря можно пройти в Черное и дальше в Средиземное. Там, по словам иностранцев, лежат богатейшие страны, откуда идет во всю Европу просвещение. Но выход в Азовское море находится во власти турок, там лежит сильная крепость Азов. Крым — во власти крымского хана, подчиненного турецкому султану. Еще сестра Петра, царевна Софья, два раза пыталась завоевать Крым, но оба раза русское войско терпело неудачи. Чтобы овладеть Крымом и Азовским морем, прежде всего, нужно было отнять у турок Азов.

И стал царь Петр расспрашивать знающих людей про Азов. И тут услышал он, что Азов не один раз был в руках смелых донских казаков, что и теперь донские казаки умеют обмануть бдительность турецких часовых и смелыми станицами на лодках ходят по Черному морю.

Петр решил поехать к донским казакам, осмотреть Азовское море с ними и там устроиться прочно, оттуда завести торговлю с чужими землями.

16 марта 1695 года донской атаман Фрол Минаев получил от царя тайную грамоту. Царь сообщил ему, что в Тамбове собирается царское войско под начальством наемного немецкого генерала Гордона и отправится на реку Хопер, а с Хопра на Дон, в Черкасск. Войску Донскому царь приказывал тайно изготовиться для завоевания Азова. Царь напоминал атаману Фролу Минаеву, чтобы указ его оставался тайной и никто, кроме атамана и войсковых старшин, о нем ничего не знал, и чтобы войско собралось тихо и о приходе русских полков на Дон в Азове "прежде времени не уведали".

Одновременно с этим старые московские войска, огромное конное войско, под начальством боярина Шереметьева пошло на Днепр, чтобы восвать против турок вместе с малороссийскими казаками.

На Дон пошли новые, обученные Петром по немецким уставам, полки: Преображенский, Семеновский, Бутырский и Лефортов, шли московские стрельцы, городовые солдаты и царские слуги. Всего шла 31 тысяча человек. Войсками командовали воеводы, названные уже по-иностранному генералами: Головин, Лефорт и Гордон. При войске был сам царь, принявший на себя звание командира артиллерийской роты и называвший себя "бомбардир Петр Алексеев".

Армия эта шла сначала на судах по Волге до Царицына. От Царицына сухим путем прошли до городка Паншина на Дону. За этот путь молодые солдаты царя Петра сильно устали. Им, утомленным долгой греблей на судах на Волге, пришлось весь этот путь на руках тащить тяжелые пушки. В Паншине не хватило запасов. Молодому войску царскому пришлось поголодать.

От Паншина по Дону пошли на казачьих стругах.

Первый раз Московский царь появился на Дону. Первый раз увидал он приволье Задонья и крутой правый берег, покрытый лесистыми балками. Все занимало молодого царя. Он долго беседовал с казаками-гребцами, слушал их песни, любовался их умением стрелять. Во время ночлега в Верхне-Курмоярской станице царь остановился у казачки Чебачихи. Но не сиделось ему в душной избс. Он вышел на берег Дона и любовался привольной степью. Заметив на другом берегу утку, царь приказал ее застрелить одному из сопровождавших его молодых московских людей. Тот выстрелил и промахнулся. Царь спросил: "Нет ли казака, который мог бы это сделать". Вызвался молодой казак Пядух. Он взял свою пищаль и, не целясь, на вскидку убил утку.

— Исполать, казак, — сказал ему государь. — Хотя и я убью, но только поцелуюсь!

26 июня 1695 г. царь Петр прибыл в Черкасск. Здесь войска отдыхали три дня. 29 июня русское войско, подкрепленное 7000 казаков атамана Фрола Минаева, подошло к Азову.

Но, как ни тайно собиралось под Азов царское войско, турки узнали об этом. 6 июня они получили подкрепление и большой запас. Без кораблей царское войско не могло подойти к Азову. Турки устроили по обоим берегам Дона башни — каланчи, прочно построенные и снабженные артиллерией. Между каланчами были забиты по Дону сваи и протянуты цепи. Не взявши каланчей, нельзя было подойти и к Азову.

Кликнули клич охотникам из донских казаков и обещали по 10 рублей каждому охотнику. Донцы вместе с одним из гвардейских полков окружили одну из башен; артиллерия ядрами своими снесла вершину ее и часть стены. На рассвете 14 июня двести казаков, вызвавшихся на приступ охотою, вскочили в каланчу, расположенную на левом берегу реки. На другой день турки сделали вылазку, напали на пехотную дивизию генерала Гордона, находившуюся в середине русской позиции, во время полуденного отдыха захватили у русских 7 орудий, загвоздили большую часть остальных и перебили, и переранили около тысячи сонных молодых русских солдат. Но на другой день казаки отомстили за русских и заняли и вторую каланчу.

Русские войска начали теснее облегать крепость. После жаркого дела Петр устроил сильный окоп, или, как тогда называли, шанец на правом берегу Дона и вооружил его пушками и мортирами.

К августу осадные валы наши подошли к самым азовским стенам, и на 5-е августа был назначен штурм крепости. Но турки отбили этот штурм, и наши войска потеряли полторы

тысячи человек. Подорвать крепостные стены порохом, как то сделали в 1637 году казаки, не пришлось. Только к 25 сентября Гордону удалось взорвать мину и разрушить городские стены на протяжении 20 саженьей. Войска ворвались в город, но русские полки, не привыкшие сражаться на улицах с турками, наступавшими с необыкновенной пылкостью, были откинута, и Гордон приказал отступить.

Как раз в это время атаман Фрол Минаев с 1000 донцов на каюках, а за ним посаженные на лодки полки гвардии: Преображенский и Семеновский, под начальством Апраксина, подошли к Азову с моря, овладели укреплениями и тоже ворвались в город; но их не поддержали, и они принуждены были отступить... Здесь донские казаки явились учителями морского дела молодых потешных полков Петра.

Эти отбитые штурмы, надвигавшаяся осень с ветрами и непогодами заставили Петра отложить взятие Азова. 28 сентября осада была снята, царское войско отошло сначала к Черкасску, а потом ушло на зимовку к Валуйкам. Донские сотни разошлись по станицам. Во взятых казаками каланчах азовских было оставлено 3000 человек солдат.

По всему Дону пошли рассказы о молодом царе. Сильное впечатление произвел он на казаков. Царь был громадного роста, без 2-х вершков сажень, широкий в плечах, с круглым открытым лицом и большими ясными, смелыми глазами. Он носил немецкую одежду, говорил властно и в то же время приветливо. "Орел, настоящий орел!" — в восторге говорили казаки и готовы были отдать за своего государя все. И сама собою сложилась на Дону песня про первый приезд на Дон государя:

Не ясен сокол летал по поднебесью,
Донской есаул бегал по Дону,
Казаков-то он речью приветствовал:
"Вы вставайте, добры молодцы,
Господу Богу помолитесь,
Да не пусти Господь руки варвара
На Петра, Царя Белого, православного.
Вы вставайте, други, пробудитесь.
Борзых коней, други, вы седлайте,
Под Азов город, други, поезжайте.
Сам сизый орел пробуждается,
Сам Петр Царь подымается
Со своими князьями, боярами,
Со своими донцами,
Со своими запорожцами!"

23. Первая морская победа Петра

1696 г.

о молодой царь после этой неудачи не пришел в отчаяние. Он решительно начал готовиться к новому походу. На первый поход он смотрел лишь как на школу. Он понял теперь, что морскую крепость без кораблей взять нельзя. По всем местам пошли его приказы. 8 января 1696 года царь послал донцам наказ занять каланчи и поддерживать солдат до подхода всего войска. Но это уже исполнено было донцами еще до получения царской грамоты. 600 казаков стояло в каланчах.

В то же время вызваны были из Италии искусные "подкопные" мастера. В Воронеже строили верфь, то есть корабельный завод, заготавливали лес и делали корабли. Петр сам писал морской устав. Снаряжалось сильное войско. Главным начальником его был назначен боярин Шеин.

В конце апреля донские казаки с удивлением увидели целый караван больших морских кораблей на Дону. Впереди шло восемь гребных лодок, или галер, управляемых преображенцами и семеновцами. На одной из них, называемой "Принципиум", находился под видом капитана, командира роты Преображенского полка Петра Алексева, царь.

По прибытии в Черкасск Петра войсковой атаман Фрол Минаев доложил государю, что посланный на разведку походный атаман Поздеев с 250 казаками 3 мая увидел в море два турецких корабля. Он обступил их своими легкими лодками, обстрелял ружейным огнем и хотел с одними только саблями взять суда. Но борта кораблей были высоки, казаки пытались прорубить их днища, но турки бросали в казаков камни и заставили их отступить.

Разгорелось сердце у молодого царя. Присутствие турецкого флота у стен Азова возбуждало Петра. Хотелось ему померяться со смелым врагом силами. 12 мая царь со своими судами подошел к Каланчинским башням и хотел выйти в

море. Но дул северо-восточный ветер и согнал воду с Дона, а суда царские сидели глубоко и не могли пройти через мелкое устье. Тогда царь оставил галеры в Кутюрминском рукаве и со ста донскими легкими лодками, на которых было 6000 казаков с атаманом Фролом Минасвым, обошел все гирла и вышел в море.

Широкий водный простор представился глазам Петра. Первый раз вышел он в южное море. Зеленовато-синие волны играли под налетами вечернего ветерка и звучно плескались о казачьи челны. Русский царь был один со своими казаками, и легко и привольно ему было на сердце с этими природными моряками. В каждом взмахе их весел, в том, как уверенно показывал и называл мысы и острова стоявший рядом с ним атаман, Петр видел, что на синем море казаки как у себя дома.

— Вот здесь, — скажет кто-либо из казаков, — убит мой дед.

— У этого мыска потонул мой отец!

Скажут и смолкнут. Все лица серьезные. Враг кругом. Заходящее солнце бросает кровавые отблески на стены и башни Азова. И море играет белопенным прибоем возле них.

На море видны паруса. Это турецкий флот идет на выручку Азову; зоркий казачий глаз насчитал уже девять больших кораблей и несколько гребных галер.

И жутко, и страшно, и хорошо ночевать царю на казачьей лодке между турецкими кораблями и турецкой крепостью, под охраной донских казаков. Безмолвные стоят казаки-часовые на судах. Тихо спят гребцы и казаки. И только стало светлее и лиловые сумерки побежали над водой — проснулись казаки. Никто их не будил, зарева труба не играла. Сели на весла и ждут. На турецких кораблях слышен стук и крики. Поют грузовую песню турки, и слышны по ветру, Бог весть на чьем языке придуманные слова: "вира!" и "майна!"... Идет погрузка припасов для Азовской крепости. И вот, 24 тяжелые плоскодонные судна, называемые тумбасами, отвалили от кораблей и медленно пошли к крепости. Вихрем налетели на них казаки. Каждому хотелось отличиться на глазах у царя, гребли так, что весла трещали и белая пена, шипя, расходилась от лодок. 11 тумбасов были живо захвачены казаками... После этой победы царь указал казакам на корабли. Длинной лентой вышли каюки из Дона и пустились в море на подвиг. Турки рубили якорные канаты, быстро ставили паруса и, пользуясь ветром, уходили в море. Но ветер был слаб, и тихо шли корабли; казачьи лодки их настигали. Два самых больших корабля были догнаны казаками. Их борта окутались дымом. Картечь засвистела над казаками и брызнула по воде. Но ничто не могло остановить разбега казачьих лодок. Выхватив сабли из ножен, с бешеной

отвагой, предводимые своим царем, кинулись казаки на корабли. Что за беда, что борты их высоки! Гребцы подсаживают удальцов, и страшная рубка уже идет на палубах. Один турок бросился на царя, но казак, сопровождавший государя, отвел его удар... Один корабль сожгли, другой потопили.

В то время, когда одни лодки расправлялись с кораблями, другие погнались за полугалерами, чайками и другими мелкими судами, бывшими при турецком флоте. 10 полугалер и 10 чаек казаки загнали к берегу на мель и здесь, по пояс в воде, атаковали их, зажгли суда, а турок порубили. Турки потеряли 2000 человек, один их начальник и 300 янычар были взяты в плен. 70 пушек, 86 бочек пороха, много снарядов, оружия, съестных припасов, 50000 червонцев и на 4000 человек сукна досталось царю. Деньги и сукно государь отдал казакам.

Счастливый возвращался Петр к лагерю под Азовом. Первый его выход с боевым казачьим флотом в открытое море, и какая победа! Первая победа русского Государя на море была одержана донскими казаками 21-го мая 1696 года. Имя донского атамана Фрола Минаева должно стоять наряду со славнейшими именами русских адмиралов, начальников военных кораблей! Недаром накануне боя Петр говорил донскому атаману:

Мы завтра, на заре, чем свет, суда с подмогой
Окружим лодками казачьими. Судам
В Азове не бывать. И крепости немного
Уже времени стоять. Сейчас же снаряжай
Все сорок лодок мне на бранную забаву
И двадцать человек на каждую сажай!
Я сам вас поведу на битву и на славу!
Да, с завтрашнего дня победою морскою
Впервые озарю свою отчизну я!
С восходом солнечным, с дня нового зарею
И флота русского засветится заря!...

И заря засветилась! И солнце, увидавшее первую русскую морскую победу, осветило утлые лодки донских казаков, смелые лица донцов, учившихся мореходному делу в боях с персидским флотом на Каспии с Разиным и со многими атаманами на Азовском и Черном морях!

24. Взятие Азова царем Петром

1696 г.

По прибытии всех войск началась осада Азова. Царь лично намечал, где быть укреплениям. Он своею царскою рукой насыпал тонкой дорожкой овес, показывая, как должны были идти валы и рвы. Под ядрами и картечью, которые турки кидали в русские войска, государь, наряду с простыми солдатами и казаками, копал землю и возил тачки, во всем подавая пример войскам.

Напрасно генералы и атаман уговаривали его беречь свое здоровье и не подвергать жизнь свою опасности, юноша-царь отвечал:

— Если Бог за нас, кто против нас! На службе государству и народу моему не пощажу своей жизни! Пример мой нужен для поощрения воинов, с которыми должен и хочу разделять всякие труды и опасности.

17 июня валы, окружавшие крепость, были закончены. Суда подошли к ней с моря. Пушки и мортиры были установлены по местам. Горячо помолился царь в палатке главнокомандующего и, как опытный бомбардир, сам навел пушку, фитилем поджег порох и пустил первую бомбу в Азов. Это было знаком начать артиллерийский огонь. Загремели батареи и столбами пошел белый дым к синему небу. Вскоре страшный взрыв раздался в крепости. Одна из бомб удачно попала в пороховой погреб и он взлетел на воздух. Загорелись деревянные постройки в Азове, и темный дым пожара смешался с белыми клубами от пушечной пальбы.

Осада началась. Царь медленно подвигался к городу, подводя свои окопы с редким искусством. Генералы удивлялись знаниям молодого царя.

Шестидесятитысячная турецко-татарская армия, стоявшая под начальством крымского султана Нуреддина и Муртазы-паши за рекой Кагальником, в 10 верстах от Азова, шесть раз нападала на войско царя Петра. Особенно кровопролитны были битвы 10 и 24 июня. Неприятель 24 июня

подошел к лагерю на картечный выстрел и бросился на нашу пехоту. Петровские полки построились для стрельбы, согласно устава. Передняя шеренга стреляла, задние готовили ружья. Убийственный ружейный огонь открылся вдоль осаждающих войск. Часто стали падать турки, убитые и раненые. И не выдержали. С отчаянными криками: "Алла! Алла!" — они побежали. Тогда вылетели из-за флангов донские казаки и на конях атаковали турок с шашками в руках. За конницей бежала пехота. Несколько легких орудий вылетело вперед. Смешавшиеся, потерявшие строй турки кинулись к р. Кагальник, но здесь остановились на берегу тенистой и глубокой речки. Казаки рубили их, пехота стреляла по ним "в припор ружья", их сталкивали в воду и топили. Немногим удалось спастись...

Турки на кораблях подвезли большую подмогу. Но турецкий адмирал, увидав, какие большие укрепления воздвигнуты Петром у моря, не решился высадиться и без дела простоял всю осаду на якоре в море.

Между тем, присутствие молодого царя волновало и вдохновляло казаков на самые необыкновенные подвиги. Они мечтали взять Азов и поднести его Московскому государю.

17 июля полторы тысячи отчаянных казаков самовольно собрались и ворвались в крепость. Их поддержали запорожские казаки и некоторые стрельцы. Удержаться в крепости и перебить турецкий гарнизон им не удалось, но они взяли два бастиона, то есть угла крепости, и 4 пушки...

Атаман рассердился на эту самовольщину. Казаки оправдывались тем, что они ходили за хлебом. Но государь обласкал их, позвал удальцов к себе и "не гневом, а милостиво, многой похвалой пожаловал".

На другой день после этого поиска азовский комендант прислал переговорщиков о сдаче. Крепость сдавалась на милость победителя.

20 июля 1696 года Петру были выданы ключи от крепости, а затем вышел из крепости и паша с 3700 янычарами и 5900 мирными жителями. Их с честью проводили на Кагальник, а оттуда они ушли к своему войску. Петру досталось: 171 пушка и мортира, 1000 пудов пороха и очень много всяких боевых и хлебных припасов.

Найденное в Азове имущество — медную и серебряную посуду, сукна, ковры, парчу, шелковые материи — все государь отдал атаману Фролу Минаеву для дележа между казаками.

Велика была радость молодого царя. Наконец, Россия имела свободный выход в море, наконец, могла она получать скорейшим путем и товары и учителей из-за границы. На

площади азовской было отслужено торжественное молебствие, а две турецкие мечети приказано было перестроить в православные храмы во имя Пресвятой Богородицы и Крестителя Иоанна. В Азове намечались укрепления и комендантом его был назначен кн. Львов.

Но Петр не остановился на этом. Еще шла осада Азова, как уже в Воронеже на корабельной верфи, не умолкая, стучали топоры, и корабль за кораблем, лодка за лодкой, баркас за баркасом спускались на Дон и шли к Азовскому морю. У стен взятого Азова в скором времени качались не казацьи каюки и не тяжелые донские будары, а высокобортные, палубные мачтовые корабли русского флота.

Сам Петр переселился на юг. Неустанно ездил он то в Азов, то в Москву, то распускал паруса и пускался в обследование моря. Тяжелый путь, который ему пришлось сделать во время первого похода на Дон от Царицына до верховьев Дона, пешком, остался в памяти царя. И Петр задумал связать непрерывной водяной лентой Москву и Черкасск, чтобы баржи с товарами, нагруженные в Москве или в волжских богатых городах, могли беспрепятственно и без перегрузки доходить до Азовского моря. Весною 1697 года князю Голицыну было приказано с 35000 солдат и стрельцов рыть канал от речки Камышенки, впадающей в Волгу, до речки Иловли, впадающей в Дон.

В 1698 году Петр приказал заложить на берегу Азовского моря новую крепость Таганрог. Место для нее выбрано в 60 верстах от Азова. Там, на берегу моря, стояла одинокая турецкая башня. Подле нее и начали устраивать крепость и город.

Но вскоре Петр покинул берега Азовского моря. Дела отвлекли его на север. Оставивши в Азове и Таганроге своих генералов и солдатские полки, усиливши свой флот, Петр поехал в Москву, потом в Новгород и в Архангельск.

С турками у него был мир, но на севере начиналась жестокая война со шведами. На эту войну были вызваны царем и донские казацьи полки.

25. Казаки в Лифляндии и Швеции

1701—1703 гг.

Как в тысячу восемьсот во первом году,
Да и шестого месяца июня,
Как шестого на десять во числах,
Как во том было во чистом поле,
Пролегал там дороженька широкая,
Долиною пробойная, краю нет;
Как по той по широкой по дорожке
Там шел, прошел царский большой боярин,
Кавалер Борис Петрович Шереметев
Со своим он со конным эскадроном,
Со своим он пешеходным батальоном,
Со своими казацкими полками,
Со своими донскими казаками.
Проходили они на шведскую границу,
Вокруг Красного мыса становились;
Казаков посылали грабить город Илтаворы.
Они Красный мыс разорили,
В полон шведского майора посадили!

Соседнее с Россией Польское и несколько дальше лежащее от нас Датское государства предложили царю Петру составить союз и объявить войну шведам. В Швеции в то время правил молодой король Карл XII. Это был пылкий и смелый король. Когда он первый раз услышал свист пуль, он сказал: "С этих пор это будет моею лучшей музыкой".

Против него пошел такой же молодой, еще более смелый и решительный Петр. У России были давнишние счеты со Швецией. Швеция владела отнятыми у нас в прежние войны старинными русскими городами и, между прочим, Нарвою. Швеция занимала все побережье Финского залива и Балтийского моря и течение р. Невы; те места, где теперь стоит столица Российской империи Санкт-Петербург, были в руках шведов. Это был кратчайший путь морем в немецкую, голландскую и французскую земли, из которых Петр получал все необходимое для просвещения своего государства. Он хотел мечом прорубить путь русскому народу к образованию. Вот почему Петр охотно согласился на предложение соседей и, заключивши с Турцией прочный мир, 19 августа 1700 года объявил войну Швеции.

Начало войны было неудачно. 19 ноября 1700 года под Нарвой русское войско было разбито. Удержались только гвардейские полки, обученные по немецкому уставу, все остальные бежали, были перерублены шведами, многие попали в плен. Но Петр не потерялся от этого поражения. Летом 1701 года он составил легкие отряды и начал постепенное, шаг за шагом, завоевание берегов реки Невы. В то же время он отправил большой конный отряд под начальством Шереметева в Ливонскую землю, для опустошения богатой Лифляндии.

Отряд этот составлялся из только что устроенных Петром драгунских полков. Петр видел под Азовом образцовую, смелую работу донцов, он видел, как искусны казаки в разведке, и вот он приказал выслать в Псков к Шереметеву казачий полк с Дона. Начальником этого полка был на Дону назначен Максим Фролов, который был пожалован царем в полковники. С ним пошли атаманы Ефрем Петров и Леонтий Позднев и 430 казаков.

В Лифляндском походе Шереметева донцы несли преимущественно сторожевую и разведывательную службу маленькими партиями. Отряды казачьи были рассеяны по всей Лифляндии, они ходили в Финляндию, были на Висле. Ими командовали простые казаки, редко сотники и десятники. Донцы находились и в конвое у Петра Великого.

Предание говорит, что при осаде Выборга царь Петр поднялся на высокий камень для наблюдения за войсками. В числе окружающих Петра людей находился один донской казак. Вдруг, он по шуму заметил, что в Петра летит ядро. Казак, не задумываясь ни на минуту, отстранил сильною рукой царя и пал за него. С тех пор камень этот носит название "камень-казак". Камень этот жители Выборга показывают и до сих пор. Про подвиг донского казака давно написано стихотворение:

Камень тот священ для нас,
Где казак Петра нам спас,
И удар, летящий зря —
Грудью заслонил царя.
Пал казак, но подвиг жив:
Славной смертью он счастлив:
Он России спас царя.

Казаки участвовали вместе с русскими драгунами в разбитии шведского генерала Шлиппенбаха при Эрестфере и им же было поручено разорить большой рижский путь. Здесь, между Юрьевом, Вольмаром и Мариенбургом казаки разорили более 600 мыз и деревень и забрали много скота и всякого имущества.

Государь остался очень доволен службой донцов в Шведскую войну и 5 декабря 1703 года пожаловал Дон своею царскою грамотой. Он щедро наградил усиленным жалованьем полковника Фролова, атаманов и казаков.

Война со шведами шла с необыкновенным упорством, но уже Петр одолевал Карла XII. В 1704 г. была взята Нарва, в 1708 г. русские войска одержали громкую победу под Лесной и в 1709 г. под Полтавой. Донцы в этой войне участвовали лишь малыми партиями. На самом Дону и на Волге им предстояло большое дело, они нужны были Петру там. К знаменитому Полтавскому бою, где Петр совершенно разбил Карла XII и рассеял его войска, донские казаки опоздали. Они пришли целым войском на другой день и сейчас же были посланы преследовать и истреблять шведов. На Дону и на юге, на Волге, у Астрахани в это время было неспокойно. Верным царю казакам нельзя было оставлять юг России без присмотра.

26. Пожалование казакам клейнодов за усмирение бунта стрельцов в Астрахани

1706 г.

Царь Петр, желая возможно скорее дать русскому народу европейское просвещение, решил изменить и внешний вид людей и их одежду. Русские до Петра носили длинное, просторное, мягкое платье, отпускали бороды. Брить бороду, курить табак считалось большим грехом.

Петр был за границей. Он видел, что там народ ходит в коротком, свободном, не мешающем работать платье, все бреют бороды и свободно курят, не считая баловство табаком за грех. И Петр, вернувшись из чужих земель, оделся в короткий, до колен, кафтан, надел узкие штаны и высокие сапоги с раструбами и шпорами. Так же он стал одевать и своих приближенных. Все бояре должны были одеться по-немецки и обрить бороды. Тех, кто не делал этого добровольно, заставляли исполнить волю царя силою. Сам Петр курил из трубки крепкий голландский табак — кнастер; начали курить и его приближенные. Старинные русские названия были заменены новыми. Воеводу стали звать генералом, сражение называли баталией, укрепление — шанцами, или ретраншаментом. Тогда-то и появились те слова, которые и у нас теперь в ходу и к которым мы так привыкли, что и не замечаем, что они не русские: солдат, офицер, бригада, дивизия, штаб, капитан, ротмистр и т. д.

И старым русским стрелецким полкам приказано было брить бороды. Их понемногу переименовывали в солдатские пехотные полки и заставляли надевать немецкое платье.

Не тронуты были только казаки. Петру уже в первое пребывание его на Дону так понравилось их простое, свободное платье, он так полюбил казаков за их удаль, проворство и смышленность, что им оставлены были навсегда и их свободная одежда, и право носить бороду, и их вера — старая и новая, и названия сотен, атаманов, войсковых старшин, ссаулов и сотников.

Многим в России "новшества" Петра не нравились. Русский народ был тяжел на подъем. Старики берегли свои бороды,

немецкое платье им было не по нутру. Кое-где ворчали, кое-где роптали, а кое-где и прямо противились царским указам. Началось бегство людей из России. Куда? В казаки. Поднимался ропот, бунты. В самое тяжелое время шведской войны бунтовали в Москве стрельцы. Стрелецкие полки в Азове поднимали ропот. А царь был крут. Жестокими мерами он подавил мятежи. В Москве палачи уставали рубить головы стрельцам. Виселицы стояли на площади. Страхом приводил царь народ к покорности. Но, когда усмиряли бунт в одном городе, он вспыхивал с невероятной силой в другом. За право носить бороду, за то, чтобы креститься двоеперстным знаменем и писать вместо Иисус — Исус, люди шли на плаху, под топор палача и думали, что они умирают за веру, что они мученики!

Летом 1705 года поднялся бунт в Астрахани. Бывшие там стрельцы не пожелали брить бороды и надевать солдатские, новой формы, кафтаны. 30 июля 1705 года, ночью, они убили астраханского воеводу Ржевского с детьми и перебили 300 человек чиновников. Кровавые потоки снова полились по Астрахани, еще не забывшей разинские неистовства. К астраханцам пристали стрельцы городов Красного и Черного Яра. Заволновались гребенские и терские казаки. Мятежники отправили на Дон стрельца Михаила Скорнякова с семьей товарищами. Они послали донцам призыв отойти от государя, соединиться с астраханцами, терцами, привлечь на свою сторону запорожцев и править самостоятельно, через выборных лиц. "Царю теперь не до нас! — писали стрельцы. — Вооружайтесь, пока не поздно! Смотрите, и вам сбросят бороды и вас запишут в регулярство!"

Собрался круг войсковой. Атаман Лукьян Максимов прочел стрелецкое письмо.

Но стрельцы не смутили казаков. Изменниками царю донцы никогда не были. Они заблуждались, они разбойничали, своевольничали, но все, что они делали, они делали для большого прославления государства, для того, чтобы увеличить его земли.

Круг постановил остаться верными государю. Все бывшие на кругу казаки целовали крест и евангелие, а стрельцов арестовали и, заковав, отправили под охраной станичного атамана Саввы Кочета в Москву.

Государь прислал казакам грамоту, повелевая им и впредь оставаться верными ему и России. Войсковой атаман сейчас же снарядил против астраханцев отряд под начальством походных атаманов Максима Фролова и Василия Поздеева.

Астраханцы, узнав, что казаки находятся уже в калмыцких улусах, послали сказать им, что они хотят переговорить о сдаче, и назначили место на Волге, ниже г. Черного Яра, для свидания.

Казаки отправили часть своих сил в указанное мятежниками место. Астраханцы воспользовались этим, ночью большими силами по Волге проскочили к Царицыну, нашли и там изменников, которые провели их на казачью заставу. Ночью напали они на казаков, захватили 70 казаков и донской бунчук. На другой день они подошли к Царицыну и потребовали его сдачи. Атаман Фролов с казаками вышел из Царицына, атаковал мятежных стрельцов и разбил их. Между тем, во время самого сражения, в Царицыне взбунтовалось сто солдат Петровского пехотного полка. Казаки схватили их, пытали, а потом казнили. Освободивши Царицын от мятежников, казаки, в виду недостатка в городе припасов для большого отряда, оставили в Царицыне 900 человек под начальством войсковых старшин Тимофея Пирожникова и Леонтия Поздеева, а сами ушли на Дон. Пирожников и Поздеев прошли к Черному Яру и заставили засевших там мятежников сдать.

Когда пали Царицын и Черный Яр, мятежные стрельцы заперлись в Астрахани и здесь были взяты боярином Шереметевым с русскими войсками.

В награду за помощь, оказанную войсками в тяжелое для России время повсеместной смуты, государь пожаловал 5-го марта 1706 года войску Донскому грамоту и честные клейноды.

Клейнод по-немецки значит сокровище. Этим именем назвал государь посланные в войско знаки атаманского и войскового достоинства, чтобы казаки хранили их, как сокровища, в воспоминание заслуг, за которые они пожалованы.

"Знатные воинские клейноды", как называл их Петр в своей грамоте, состояли из серебряного пернача с цветными камнями, позолоченного; из бунчука с яблоком и доской и серебряною позолоченной трубкой; знамени с золотым тканьем — атаманам, как знаки их воинского достоинства "в вечную бессмертную память" и войску шесть писанных золотом и серебром станичных знамен и грамоту на пергаменте с государственной печатью.

Клейноды эти были посланы войску с атаманом зимовой станицы Ефремом Петровым, который повез также казакам и жалованье, большее, нежели обыкновенно.

С этого времени у казаков вошло в обычай на круг выносить клейноды и под петровскими знаменами принимать присягу*.

Много гуляли казаки в Черкасске по случаю получения этих знаков царской милости и в том же 1706 г., при атамане Максимове, заложили в Черкасске большой каменный собор, который был окончен и освящен 1 февраля 1719 года.

Вскоре после этого радостного праздника страшные кровавые события произошли на Дону. Виновником их был Трехизбянской станицы (на р. Донце) казак Кондратий Булавин.

---

* Присланные Петром честные клейноды при пожаре, бывшем в Черкасске в 1741 году, сгорели и вместо них были пожалованы императрицей Елизаветой Петровной другие, сделанные точно так же, как и петровские. Они целы и до сих пор.

27. Булавин

реди домовитых, верных и преданных государю и родине казаков на Дону было много и всякого сброда, казаков только по названию, недавно пришедших на Дон из России. Еще не устроившиеся, не поселившиеся ни в каком юрте, буйной и шумной ватагой шатались они по войску, ища наживы или добычи. Если не было похода, они работали, торговали, но как только заводились у них деньги, они их пропивали. Как всегда, казаки принимали к себе всякого, кто веровал в Христа, кто просил у них защиты от утеснителей.

В 1675 году от казаков потребовали, чтобы они выдали нескольких людей, обвинявшихся в разбоях и бежавших на Дон. Казаки отвечали: "Мы никогда не выдавали людей с Дона; Дон только и держится пришлыми людьми. Если мы станем выдавать, то и весь Дон разойдется. Каждый будет искать другого пристанища".

Тогда в 1682 году было издано запрещение казакам принимать свободных и помещичьих людей. По войсковой границе поставили пропускные посты и стали осматривать идущих в войско людей. Но, тем не менее, люди продолжали идти на Дон из России. Когда началось в Москве преследование людей старой веры, преследование за бороды и ношение старинного платья, все больше и больше стало бежать народа на Дон. Окрестные помещики жаловались, что у них не хватает крестьян для обработки полей, что они не могут выполнять правильно службу, так как люди от них уходят в казаки.

В 1703 году на Дон были присланы из Москвы чиновники для переписи казаков. Они же обязывали подпиской станичных атаманов не принимать больше беглых людей. Казаки просили оставить хотя бы тех, которые пришли на Дон в 1695 году. Им в этом было отказано, а на Дон прислан был воевода для уничтожения вновь построенных по речке Айдару городков. Все это произвело в верховьях Дона смуту. Казаки

были недовольны приказами и нехотя исполняли царскую волю.

В 1701 году за соль стали брать налог. Но налог этот не касался казаков. У казаков были свои солеварни в Бахмутском городке. Против них стоял Изюмский полк малороссийских казаков. Полковник этого полка стал притеснять казаков, требовать с них налог за солеварни. Между изюмскими казаками и донцами произошла из-за этого ссора. Бывший в Бахмутском городке станичным атаманом Кондратий Булавин горячо заступился за казаков. Когда Изюмскому полку было приказано отобрать в казну Бахмутские солеварни, Булавин их не отдал, собрал казаков и разорил угодья Изюмского полка. Началась открытая война между изюмцами и донцами.

И вот, из-за этой борьбы с изюмцами разгорелось на Дону настоящее восстание. Атаман Максимов поддерживал Булавина, говоря, что он творит правое дело, и в то же время отписывал о нем в Москву. Из Москвы прислали воеводу с наказом отобрать в казну спорные солеварни. Тогда Булавин отправился в верховья Дона, на Хопер, и там стал поднимать казаков вступить за свои права.

В это время на Хопре стоял воевода князь Долгорукий с бригадой пехоты. Войска его были разделены на маленькие отряды. Эти отряды стояли по станицам, и офицеры их были заняты переписью беглых людей.

Казаки были возбуждены против воеводы и его офицеров, пьянствовавших и безобразивших по станицам. В станицах шумели смутьяны, подговаривая перебить русских офицеров. В это время среди них появился Булавин. Он уже снесся с атаманом Максимовым, и Максимов, явно помогая князю Долгорукому, тайно содействовал Булавину.

И вот, к Булавину начали сходиться "голутвенные" казаки, беглые крестьяне, стрельцы, бежавшие из Москвы. Образовалась шайка отчаянных людей, среди которых было много преступников, приговоренных в Москве к смертной казни. Глухой темной ночью, осенью 1707 года, Булавин подкрался к Шульгинскому городку, убил там князя Долгорукого, 10 офицеров и около 1000 человек стрельцов. После этого злодейства Булавин стал во главе 20000 беглых людей и пошел с ними по Дону. Народ собрался безлошадный, большинство не имело и оружия, одеты были плохо. Булавин знал, что на Дону, если посулить добычу, дадут и коней, и оружие, и одежду. Он вел свою вольницу, уверенный в успехе. И, действительно, атаман старого Боровского городка встретил Булавина с хлебом, вином и медом и принимал его в станичной избе. У Булавина составила и старшина, казак

Лоскут назывался полковником, он был из России, пришелец из Валуйки; ходил в разбоях еще с Разиным. Это был человек привычный ко всякому кровопролитию; были и другие опытные разбойники.

— Заколыхали вы всем государством, — говорил Булавину Боровской атаман, — что вам делать, если придут войска из Руси; тогда и сами пропадете, и нам пропасть.

— Не бойтесь, — отвечал Булавин, — начала дело не просто; был я в Астрахани и в Запорожье и на Тереке. Астраханцы, запорожцы и терчане все мне присягу дали, что они помогут мне. А теперь мы пойдем по казачьим городкам и будем к себе казаков приворачивать, а которые к нам не пойдут, таких мы, назад вернувшись, будем жечь и резать. Пойдем мы и на Украину, наберем коней, оружия, одежды. А затем возьмем Азов и Таганрог, освободим ссыльных и каторжных, а на весну пойдем на Воронеж и на Москву.

Лоскут ободрил Булавина.

— Не бойся, — сказал он, — я — прямой Стенька Разин. Но не как тот Стенька без ума голову потерял. Я вас поведу.

И, действительно, Булавин переписывался с атаманом запорожских казаков, гетманом Мазепой, который изменил царю Петру и вошел в сношения со шведским королем Карлом XII. Булавин знал, что в Черкасске и Азове придонские казаки недовольны тем, что на море стоит царский государственный флот, а не их вольные челны, и что нельзя им больше "охотниками" гулять по синему морю и разбивать "бусы-корабли"... Он готовил мятеж более страшный, нежели был у Разина.

Боровская станица передалась Булавину. За нею начали сдаваться и еще некоторые донские городки, но по Дону казаки не желали слушать самозванного атамана. Зимой по Хопру, Медведице, Бузулуку и Донцу все казаки признавали только одного атамана — Кондратия Булавина. Но особенно верили ему раскольники, которые сотнями бежали из Москвы.

В Черкасске казаки волновались и шумели. Среди казаков раздавались голоса:

— А ведь за правое дело идет Булавин. Он не мятежник, он стоит лишь за то, чтобы все было, как было. Наш Азов московские люди у нас взяли, теперь мы не можем гулять по морю, как раньше. Теперь бреют бороды и в солдаты пишут стрельцов — доберутся и до нас.

Булавин эту зиму провел на Днепре. Решительно и быстро действовал царь, в разгар шведской войны собирая против Булавина большое войско, но не менее решителен был и Булавин. Он объявил гетману Мазепе, что Донское войско отложилось от Москвы, получил подкрепление в 3000

запорожских казаков, и, ранней весной 1708 года, явился перед Черкасском. К нему навстречу вышел атаман Максимов. Брат шел на брата. Отчаянно боролись верные царю казаки, но Булавин взял их силою и атаман отступил к Черкасску.

Булавин шел за ними по пятам. По его пути станицы примыкали к бунтовщику и войско его становилось все больше, сильнее и многочисленнее. Средняя и Нижнерыковские станицы первые из черкасских станиц передались мятежнику, открыли ему ворота Черкасского городка и булавинцы ворвались в Черкасск. Они изрубили караулы, шумной толпою рассеялись по городу; войсковому атаману Максиму и четырем старшинам отрубили головы, пятому же старшине, Ефрему Петрову, тому самому, который привез войску из Москвы клейноды, накинули на шею веревку и задушили.

Булавин сейчас же собрал круг, и круг, составленный из преданных ему казаков, избрал его войсковым атаманом.

В это время, по приказу государеву, весьма поспешно, делая двойные переходы, шли войска, посланные против Булавина. Число их доходило до 20000. Вел их гвардии полковник князь Долгорукий, брат убитого Булавиным.

Булавин отправил навстречу войскам Петра 15000 бунтовщиков под начальством Лучко Хохлача.

Мятежники дрались робко. Они чуяли неправду за собой, чуяли мерзость своего поступка. Царские войска их легко рассеяли. Булавин находился в Черкасске, но положение его было непрочное. При первых же известиях о поражении его войска казаки толпами стали уходить от него. Шли в свои станицы, шли и к Долгорукому на помощь. Несколько благоразумных казаков собрались вместе, избрали себе атаманом старшину Илью Зерщикова и решили взять Булавина и отдать его московскому войску. 7-го июля, ночью, они ворвались в Черкасск и напали на дом атамана. Булавин с несколькими преданными ему казаками отчаянно защищался. Он понимал, что его дело погребло, настали последние минуты жизни. Собственноручно он убил двух казаков, хотевших ворваться в избу. Никто не смел подойти близко к его маленькому домику. Привезли пушки, и ядра начали разрушать его. Кругом таскали хворост, собираясь сжечь Булавина живьем. Все его покинули. Он один метался по горнице, ища спасения. Но спасения не было, и Булавин застрелил себя сам из пистолета.

Когда известие об этом дошло до Петра, Петр приказал отслужить молебен, стрелять в знак радости из ружей и пушек, всем казакам, бывшим в отряде Долгорукого

пожаловал жалованье, а атаманам Извалову и Федосееву выдал по сто рублей.

На место Булавина войсковым атаманом государь приказал избрать Петра Ромазанова. Это был первый атаман, избранный казаками войска и утвержденный в звании государем Российским. С 1708 года войсковые атаманы на атаманство сажаются уже по воле царя.

Долгорукий продолжал усмирение Дона. Большинство мятежников быстро сдавалось при приближении войска. Среди них почти не было казаков. Это был тот пришлый сброд, те толпы распущенных, ленивых крестьян, которые легко было замутить, поднять, но которые также легко и сдавались. Лишь небольшая партия казаков с атаманом Некрасовым ни за что не желала покориться. Она перешла турецкую границу и просила султана принять их к себе. Султан отвел им место для поселения. Некрасовцы участвовали потом во многих войнах султана и считались храбрейшей конницей в Турции.

Дети, внуки и правнуки их живы и до сих пор и носят название некрасовцев. Они все живут по старой вере, в чистоте сохранили свои казачьи обычаи и русский язык. Во время последней турецкой войны они были гребцами на лодке, перевозившей государя через Дунай. Большинство из них занимается извозным промыслом в городах Турции, Болгарии и Сербии.

Так кончился мятеж Булавина, всколыхнувший все войско Донское. Много низкой подлости и гадкого расчета было в этом движении. Молодая Россия вела тяжелую войну со шведами. Все войска были заняты отражением врага внешнего, который был уже на русской земле. К бунту пристали все недовольные. Войско Булавина достигало нескольких десятков тысяч, оно было вооружено, руководили им опытные казаки. И, тем не менее, князь Долгорукий менее чем в год подавил волнение, захватившее весь юг России.

Казаки были недовольны новыми распоряжениями. Особенно стесняло их то, что Азов был занят русским государственным флотом. От них как бы отняли то море, владеть которым они привыкли многие сотни лет. Они думали возмущением вернуть себе прежнее значение на море, вернуть прежнюю самостоятельность, вольность Донского войска...

После возмущения они потеряли право избирать себе атамана. Вскоре последовал и еще ряд приказов, сильно изменивших старое вольное устройство Донского войска.

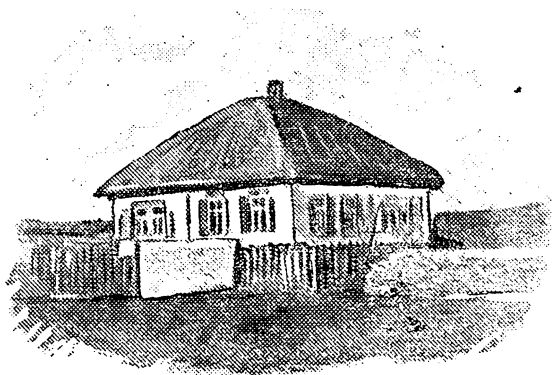
Булавин думал приобрести славу войску Донскому, но дал ему только бесславию и позор. Он был хуже Разина. Разин был разбойник, был гулебщик, охотник, был старый вольный

казак. Идя против царских войск, он шел не против царя, а против бояр. Да и шел против них он под влиянием вина. Трезвый он нашел бы другое место для набегов.

Булавин восстал против царя! Этого на Дону никогда не бывало. Из-за мелкой, личной обиды он поверг войско Донское в великий позор. 17 тысяч казенных помощников его лягут на его совесть. И умер он подлой смертью — смертью самоубийцы.

Булавин хотел дать войску славу, а дал ему бесславию! Он лишил донцов возможности участвовать в величайших и славнейших победах России. Казаки не были в Полтавской битве 27 июня 1709 года. Они опоздали к ней, и виною тому — Булавин.

А ведь Булавин желал пользы войску... Но он не понял, что сыну нельзя восставать на мать, а Тихий Дон, искони русский, не мог и не должен был идти против России. Слава донская так тесно связана со славою русскою, что донцы всеми силами должны отстаивать славу, величие и неприкосновенность России и ее Государя. И, как мы увидим дальше, донцы поняли это. Бок о бок, стремя к стремени сражаясь с русскими полками, они в вековую славу русских знамен вплели имена своих донских генералов, полковников, офицеров и казаков.

Дом казака в Приваторовской станице

28. Конец донской вольницы

В день 20 апреля 1709 года царь Петр гулял по Черкасску. В те времена старый Черкасск мало походил на нынешнюю Старочеркасскую станицу. Это был обширный, многолюдный, сильно укрепленный город. По р. Дону стояли удобные пристани и при Петре здесь шла обширная торговля. Город был окружен стеной сдесятью "раскатами" (бастионами — выступами особого вида). На раскатах стояло сто медных и железных пушек. В город вело четверо больших ворот и десять малых.

Стены Черкаска были деревянные, в два бревенчатых забора, промежутки между ними были набиты землею и щебнем. Концы бревен были заострены. Каменная стена была только с одной стороны города.

От стен этих остались только обломки каменной стены.

Со стороны реки Дон был устроен высокий острый "тын". Черкасский город состоял из одиннадцати станиц, из которых одна была татарская (Базовая). Дома в городе были большей частью деревянные, построенные на сваях. Стояли они очень тесно один к другому. Пожары часто опустошали город, не раз взлетала от них на воздух и "пороховая казна" и гибли люди. От одного из таких взрывов образовалась такая глубокая воронка, что сделалось озеро. Оно и теперь существует.

Но еще больше, чем от огня, Черкасск страдал от наводнений. Бывали годы, когда весь город и все окрестности были заливаемы весенней водой. И несмотря на такие неудобства, жители любили его, он быстро разрастался и был всегда полон и пришлого и там живущего народа.

На узких и кривых, по-азиатски строенных, или, вернее, совсем не строенных, а сами собою образовавшихся улицах, на площадях, на пристанях всегда сновал народ.

Так было и 20 апреля 1709 года, когда внезапно в Черкасск приехал государь. Он провожал в Азов четыре больших корабля, только что спущенных на воду в Воронеже. Теплый

весенний день, яркое солнце, невиданные на Дону громады кораблей с десятками ярко блестящих пушек вызвали весь Черкасск на улицы.

Ногайские татары на маленьких косматых лошадях, калмыки в пестрых халатах, в высоких остроконечных шапках, опушенных лисьим, собачьим, а кто побогаче, то и собольим мехом, русские купцы в кафтанах немного длиннее того, как указано было Петром, казаки в пестрых зипунах и высоких остроконечных шапках ходили по улицам. Говор тысячи людей гомоном стоял над городом. Но особенно сильно толпился народ на площадях, у кабаков. Здесь с казаками вместе гуляли и матросы русского царя, в синих матросских, голландского покроя, рубахах и круглых черных лакированных шляпах. Пили вино и водку в кабаках, откуда неслись нестройные пьяные песни, пили вино и на площадях, куда выкатывали целые бочки его. В эти дни гульбы, когда казаки говорили: "хоть день — да мой", — пропивалось все. Вся добыча многих лет, долгих, утомительных, кровавых походов ставилась на карту. Иной угощал всех проходящих и для платы за угощение скидывал постепенно с себя и суконный зипун, и шаровары, и сапоги, и, наконец, исподнее белье. Вот такого-то, именно, молодца, пропившего все, даже нижнюю рубаху, и сидевшего на бочонке, при сабле, опершись на ружье в грустном раздумье, увидал царь.

Петр, в просторном немецком платье, со своею дубинкой в руках, в сопровождении дежурного при нем офицера, которые назывались "денщиками", гулял по городу. Петр любил веселье народное, любил гульбу, она напоминала ему заграничные города, где все веселы и подвижны, и оживление шумного Черкаска ему нравилось. Увидев молодца в одних портах, но с саблей и ружьем, Петр подошел к нему.

— Эй, отвага-молодец, — сказал царь казаку, — для чего не продал ты ружье вместо рубахи? За него дали бы много. А за рубаху ты и осьмухи не получил.

— Сбыть ружье казаку не пригоже, — мрачно отвечал казак, — с ружьем я и службу царскую отбуду, и шелковую рубаху добуду!

Понравился ответ царю.

Уезжая в тот же день и прощаясь с провожавшим его атаманом, царь спросил:

— А что, есть в войске Донском герб?

Ему отвечали, что на отписках донских атаманов из древних времен ставилась войсковая печать: иногда — олень, пронзенный стрелой, иногда — казак верхом на бочке. Петру понравился второй герб и он приказал его так рисовать: на

бочонке сидит казак, нагой до пояса, поднявший над головой ружье. Герб этот был в войске с 1709 года до 1805 года, почти сто лет...

Перемены, которые делал в управлении Россией Петр, коснулись и войска Донского. Раньше перепиской с войском, посылкой жалованья, жалобами, или, как тогда называли — челобитными — казаков ведал Посольский приказ, то есть на казаков смотрели в Москве как на другое государство. Посольский приказ переписывался с турецким султаном, польским королем, королем швейцарской земли (шведским), римским императором и другими государями, он был то же, что теперь министерство иностранных дел, он же во времена царей Московских переписывался и с "верхними и нижними юртами Дона, с атаманами и казаками".

В 1716 году войско Донское перешло из Посольского приказа в ведение только что учрежденного Петром Правительствующего Сената.

Государь весьма был озабочен тем, чтобы дать возможность казакам жить на Дону не только охотой, добычей военной и царским жалованьем. Он обратил внимание на богатство Донского края, он первый нашел на Дону каменный уголь и, показывая его приближенным, сказал знаменательные, пророческие слова:

— Сей минерал (камень) если не нам, то нашим потомкам зело полезен будет!

Государь выписал из Франции опытных виноделов с чубуками винных сортов винограда и приказал им насадить близ Цымлянской станицы виноградные сады и научить казаков делать вино.

По всему Дону Петром приказано было казакам разводить фруктовые и виноградные сады и сеять хлеба.

При Петре на Дону начали строить церкви и часовни. Так, в его время построен каменный соборный храм в Черкасске, сгоревший в 1741 году вместе с клейнодами и потом отстроенный вновь. Это, можно сказать, прадед донских церквей. В Казанской станице в 1700 году устроена церковь во имя Архистратига Михаила, деревянная такая же церковь и во имя того же святого — в Добринской станице, в Михайловской станице деревянная Богоявленская церковь, в Верхне-Чирской станице часовня святителя и чудотворца Николая. Во многих станицах были построены и еще церкви и к 1709 году их на Дону уже было 24. С 1709 года по 1718 на Дону было построено еще много церквей, но все деревянные.

В 1718 году войско Донское было присоединено к Воронежской епархии, которой управлял в то время митрополит Пахомий. Казаки ходатайствовали перед Петром,

чтобы казачьими церквями ведал непосредственно Святейший Синод. Но царь отказал в этом казакам.

Вместе с постройкой церковей государь запретил казакам жениться без священника.

Но самые главные перемены, совершенно изменившие жизнь и обычаи донских казаков, касались управления войском.

В 1700 году царь приказал для выборов атамана, для обсуждения дел, касающихся всего войска, на войсковой круг в Черкасске собираться не всем атаманам и казакам, не всему великому войску Донскому, а только станичным атаманам и с ними по два старика, выборных от станицы. Учреждено было Правление старшин.

Самовольно собирать казаков в походы был запрещено. В походы стали назначать для службы казаков по очереди. Полки начали оставлять на службе не только во время войны и похода, но иногда и в мирное время. Зимовая станица из одного атамана, одного есаула и 100 казаков остается в Москве постоянно.

В первую очередь, на смену казаков были назначены все гуляки, бездомовные казаки и все булавицы, помилованные государем. Эти буйные головы служили государю усердно и бились смело и отчаянно. Они участвовали в новой Турецкой войне, начатой Петром в 1711 году, и были на флоте у адмирала Апраксина. Эта Турецкая война была неудачна для Петра. Петр был окружен с 38000 войском 200000 армией султана на реке Пруте и должен был заключить невыгодный мир с турками. По этому миру, Азов возвращался туркам со скрытыми укреплениями и крепость Таганрог снималась.

В 1709 году Петр поставил в атаманы Петра Емельяновича Рамазанова бессменно. После его смерти войско избрало атаманом Кумшацкого, а потом, через год, Василия Фролова. Петр, любивший сыновей Фрола Минаева, с которым он одержал первую морскую победу, утвердил выборы войска и повелел Фролову быть атаманом впредь до указа.

С 1723 года войско Донское перешло в ведение военной коллегии и с этого же времени войсковой атаман назначается коллегией и получает название наказного атамана.

В 1725 году великий Преобразователь России Петр умер, простудившись во время спасания тонувших в море солдат. Он умер уже Императором, умер Великим. За его победы над шведами, за удивительное знание военного дела его считают величайшим полководцем всего мира. При заключении мира со шведами ему было поднесено наименование Императора и царская Русь становится Русью Императорской.

При Петре Великом закончилась самостоятельная, вольная жизнь донских казаков. Они вошли в состав громадной Российской Империи не столько как земельная область, сколько как военная община. Раньше походы совершало все войско. Говоря о действиях донцов, мы говорили и о всем войске. Да оно и было невелико: 8—10 тысяч человек всего. При Петре войско пополнилось людьми. Но это уже не были охотники, гулебщики, промышлявшие добычей, а были прикрепленные к земле трудом хлебопашца свободные люди. Их вызывал император на войну, и они собирались в полки и шли воевать уже по царской воле.

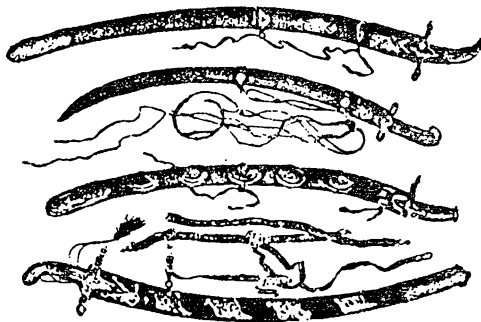
С этого времени кончается история войска Донского как самостоятельного военного братства, и начинается история его как части Русского государства, части русской армии.

С этого времени героями Дона становятся не вольные атаманы донских дружин, а донские генералы и офицеры, простые казаки, прославившие имя свое в боях и сражениях или в мирном труде ради государства Русского, ради Русской империи. Но и в это время, как и раньше, больше всего отличались казаки на войне. Военная, боевая слава почиталась ими выше всего.

Боевыми рыцарями они были, боевыми рыцарями они и остались.

Не было похода, в котором не участвовали бы донцы. Не было войны, где бы они не отличались, не было сражения, где бы они не проливали кровь свою за императора и родную Россию.

Слава былого вольного общества казачьего преобразилась в славу великого войска Донского и прокатилась волною от берегов Атлантического до берегов Великого океана.

Старинные русские сабли

29. Иван Матвеевич Краснощеков, первый бригадир* войска Донского

В последние годы царствования императора Петра Великого Россия начала войну с Персией. Император Петр стремился всеми силами обогатить Россию. Он искал случая завести торговые сношения с народами, окружавшими его государство. Достигнувши владычества на севере, на Финском заливе, император задумал проложить дорогу русским купцам к богатой Индии и добывать оттуда дорогие заморские товары. Но на пути лежала Персия. В 1712 году, во время беспорядков, бывших в Персии, в городе Шемахе были убиты 300 русских купцов и разграблено товара на 3 миллиона рублей. Петр ожидал только окончания войны со шведами, чтобы наказать персов, и, как только заключил в 1721 году мир со Швецией, он в следующем же году начал войну с персами.

15 июня 1722 г. в Астрахань прибыл Петр. Через месяц после его прибытия громадный флот из 274 судов с 20 тысячами человек пехоты, посаженной на них, пошел по Каспийскому морю. В то же время берегом двинулась конница и донские казаки с калмыками. В этом персидском походе среди донцов выделился и обратил на себя внимание Петра Великого молодой донской казак Иван Матвеев, по прозванию Краснощеков.

Суровые Кавказские горы со снеговыми хребтами, густые дремучие леса, богатые зверем, глухие чеченские аулы с дикими и смелыми горцами, голубое море Хвалынское были знакомы Краснощекову с самых юных лет. Мальчиком лет 15-ти, со станицей удалых казаков-охотников ушел он на Кавказ. Охота и война с горцами научили его ездить на коне, охота и война сделали из него стрелка на редкость. В этих набегах молодой казак был ранен в ногу. Лечить было некому, да и некогда. Враг был кругом. Краснощеков с товарищами охотились за добычею едва не во вражеском стане.

---

* Бригадир в те времена соответствовал теперешнему генералу.

Богатырское здоровье и молодость вылечили Краснощекова, но рана давала себя чувствовать. Краснощекков слегка прихрамывал. Однако, и раненый он продолжал свои набег на татар и горцев. И те прозвали его "Аксак", что на языке горцев означает — хромой.

Черкесы и боялись и уважали Краснощекова. Они считали его героем. "Аксаком" пугали детей. И у них был богатырь, черкес по прозвищу "Авшар". Сильно хотелось обоим богатырям, донскому и черкесскому, встретиться и свести между собою счеты. Раз осенью Краснощекков ехал по опушке леса. Вечерело. Вдруг, на обрывистом берегу горной речки он увидел притаившегося в кустах черкеса. По всему обличью, по тому, как хитро притаился в кустах черкес, Краснощекков догадался, что это "Авшар". "Авшар" тоже сейчас узнал донского витязя. В тяжелое положение попал Краснощекков. Ружье у него было очень плохое, било недалеко. У "Авшара" же ружье было отличное, длинное, нарезное, с золотой и серебряною насечкою. Хорошо знал это Краснощекков. Не одного удалого донца уложило оно в схватках богатырских. Живо соскочил он с лошади, подкрался к берегу, спрятался в кустах, и только успел выставить в сторону свою высокую баранью шапку, как пуля "Авшара" пронзила ее. Этого только и ждал Краснощекков. Он знал, что теперь "Авшару" придется заряжать снова ружье, пройдет время; он вскочил, в несколько прыжков достиг "Авшара" и почти в упор уложил его на месте. Отличное оружие и дивный жеребец-аргамак достались в добычу Краснощеккову. От этой лошади Краснощекков впоследствии развел по Дону породу легких лошадей, которая долгое время называлась "Авшарской".

Петр Великий давно слышал про Краснощекова, знал его и по шведской войне, где он оставил по себе хорошую память в войсках.

В персидский поход император назначил Краснощекова походным атаманом. Под его начальством были донские казаки и калмыки.

19 августа 1722 года казаки столкнулись с десятитысячным отрядом султана Махмуда. Казаки после долгого сражения и многих атак, во время которых донцы стреляли из ружей и из луков, разбили султанскую конницу. 23 августа Петр Великий подошел к Дербенту. Жители Дербента, без всякого сопротивления, открыли ворота и приняли русское войско с полной покорностью.

Город за городом по побережью Каспийского моря предлагали сдаваться императору. Государь был близок уже к большому персидским городам, откуда шла караванная дорога на Бухару и в Индию. Но в это время буря разбила корабли с

продовольствием, и император не решился без запасов продолжать поход. Он тронулся к Астрахани и на берегу Каспийского моря, близ Сулака, заложил крепость св. Креста.

С этого места Петр Великий отправил атамана Краснощекова с тысячью донцов и четырьмя тысячами калмыков для разгрома владений Оттемишского султана. Быстрою лавою пронесся донской атаман по деревням и аулам. По его пути пылали сожженные дома, и тысячи изрубленных тел оставили казаки за собою в этом набеге. Краснощекова после этого называли грозой Кавказа.

В 1723 году император Петр Великий заключил выгодный мир с Персией. Донцам, в награду за действия в эту войну, было пожаловано 26 с половиной тысяч рублей. В том же году умер войсковой атаман Василий Фролов. Войсковой круг избрал атаманом Ивана Матвеевича Краснощекова. Но, по несчастью, во время персидского похода казаки и калмыки обижали турок, за это дело Краснощеков находился под судом и государь не утвердил выборов круга и на место Краснощекова назначил атаманом Лопатина.

Суд оправдал Краснощекова.

В 1725 году император Петр Великий скончался и на престол императорский вступила супруга его, императрица Екатерина I. При ней Краснощеков был назначен опять на Кавказ, в крепость Св. Креста.

30. Набеги Краснощекова в Задонскую и Прикубанскую степи

г России, оставленный нами после очищения Азова, часто подвергался татарским набегам. Напрасно из Коллегии Иностранных дел, заменившей Посольский Приказ, писали письма турецкому султану с требованием обуздать татар. Султан или не хотел, или не мог этого сделать. Тогда русская императрица Анна Иоанновна в 1736 году объявила Турции войну, и фельдмаршал граф Миних с 6 пехотными, 3 драгунскими полками и 3000 донских казаков обложил Азов.

Опять под Азовом стояли казачьи полки, опять отец показывал сыну, где были казаки и как были устроены укрепления азовские при Петре. Казаками командовал любимый их атаман Краснощеков.

В первый же день спешенные казаки и пехота решительным приступом взяли два передовых укрепления и закрепили их за собою. Казаки здесь и после, во время осады Азова, действовали как пехота, причем отличались меткой стрельбой.

19 мая к Азову подошел наш флот, и 2 июня Азов опять попал в наши руки.

Незадолго до сдачи Азова армия наша, состоявшая из 54000 человек солдат и 5000 казаков, которыми командовал атаман Краснощеков, вызванный от Азова, медленно двигалась к Крыму. Командовал ею фельдмаршал Миних. Он вел армию громадным четырехугольником, окружив его со всех сторон казаками. Миних занял почти без потерь Перекоп, Бахчисарай и Ак-Мечеть. Сделав этот поход, Миних на зиму ушел в Украину и расположился в окрестностях городка Изюма по р. Донец.

Едва только корпус фельдмаршала Ласси, бывший у Миниха, стал на квартиры, как явились конные полчища татар, разорили почти на глазах у русских солдат много деревень и с богатой добычей бежали на юг. К фельдмаршалу

вызвали Краснощекова, бывшего тогда уже в чине полковника. Он получил приказание догнать татар.

Уже под вечер полковник Краснощеков собрал 2000 казаков и калмыков и бросился с ними в степь. Была поздняя осень с заморозками. Степь гудела под ударами конских копыт. Краснощеков вихрем летел по горячим следам татар. Почти без страха, останавливаясь только для корма лошадей, шел донской полковник с казаками. 27 октября, перед рассветом, когда чуть стало видно, Краснощеков заметил в степи небольшой конный отряд.

Татары шли вдоль хребта между речками Конские и Молочные воды, по местности, называемой Волчий буерак. Краснощеков повел свои полки полным ходом на татар. Сверкнули в лучах восходящего солнца острые шашки, 170 человек было изрублено в первый же миг столкновения, 30 человек Краснощеков взял в плен.

Их допросили и они показали, что главная партия татар в 300 человек с тремя тысячами русских пленных ушла вперед. Краснощеков тотчас же помчался за ними и в полдень настиг и этот отряд. Татары, увидавши казаков, бросили пленных и рассеялись по степи. Краснощеков с донцами преследовал их и порубил 300 человек, а 50 взял в плен. Вся добыча была отнята и пленные освобождены.

Краснощеков со своими лихими конными донцами вернулся в лагерь для зимнего отдыха... Но отдохнуть ему не пришлось.

В эти первые годы после смерти Петра Великого молодой Российской Империи пришлось вести кровавые войны в низовьях Днепра и на Кубани. Россия приводила в исполнение пожелания Петра и, шаг за шагом, медленно подвигалась на юг, к Черному морю, стремясь занять обширные степи, те места, где теперь вольно раскинулось Кубанское войско и где, при синем море, стоят богатые города Одесса и Николаев. Ради этого ей пришлось в течение целых ста лет вести почти непрерывные войны с турками. Турки возбуждали против нас прикубанских татар. В войске Донском казаков было мало. Большинство находилось в полках при армии. Татары пользовались этим и делали кровавые набеги на Дон. Казаки отвечали им тем же, и вот, широко начало развиваться на Дону наездничанье на лошадях. До Петра Великого казаки совершали свои удалые набеги вдоль рек, двигаясь на лодках; на лодках Ермак покорил Сибирь, на лодках ходили казаки по Каспийскому и Черному морям. И первая победа донцов, совершенная ими на глазах царя, была морская победа.

Теперь море для казаков было закрыто. Донцы составили из себя завесу тяжелой русской армии, ее защиту от татарских

набегов и налетов. На степных конях они переносились с одного края России на другой, ходили поперек рек. Часто приходилось переплывать широкие реки, часто по только что ставшей, затянутой льдом реке приходилось переходить самым и переводить лошадей.

Донские казаки в этих первых конных набегах были вооружены саблями, ружьями и луками со стрелами. Несмотря на то, что ружья били достаточно далеко и, во всяком случае, гораздо дальше, нежели стрелы, казаки возили с собою и луки. Ружья были однозарядные, заряжались с дула. После выстрела нужно было вставать, сыпать порох, забивать пулю и пыжи. Это могла делать пехота, которая всегда действовала отрядами, — одни стреляют, другие заряжают; но казакам, которые на разведку часто ходили в одиночку, нужно было иметь возможность, в случае нужды, поразить многих неприятелей, а для этого лук и стрелы, пока не было лучшего ружья, были незаменимы. Все казаки того времени были отличными стрелками из лука. Пик казаки не имели.

Только Краснощеков устроился в Украине на зимних квартирах, как с востока, из Задонской степи, стали получать тревожные вести. Там кочевали дружественные нам калмыки, воевавшие за наше дело с татарами под начальством Дундук-Омбо. Летом калмыки разбили татар, взяли главное их укрепление, недалеко от р. Кубани, а на зиму отошли к Егорлыку. Но татарская орда собралась в громадных силах и окружила Дундука-Омбо.

Он просил прислать помощь. И вот, только что вернувшись из набега Краснощекову приказано было спешно выступить на восток, на помощь калмыкам. Предстоял новый и быстрый поход, без малого на тысячу верст, по замерзшей степи...

С Краснощековым пошел Ефремов. При их приближении ногайский хан с 900 мурзами, осаждавший Дундука-Омбо, сдался и присягнул на верность России.

Дундуку-Омбо было приказано пройти на Кубань и наказать татар за их набеги. 30 ноября Дундук-Омбо выступил в удалой налет. С ним было около 20000 калмыков и около 4000 донских казаков под командою Краснощекова и Ефремова. Вскоре разъезды казачьи донесли, что кубанские татары, ввиду наступившей зимы и недостатка корма для скота в горах, вышли из гор и кочуют по нашу, правую, сторону Кубани. Этого только и нужно было казакам. Полки казачьи понеслись широкою лавою по ровной степи. Краснощеков звеньями своей лавы, бывшей впереди всех, высмотрел места всех татарских караулов (по-теперешнему — застав), ночью сам повел казаков на главный караул, где было до 1000 человек

татар, перерубил их, оставив лишь одного мурзу, которого допросил. Казаки забрали татарских лошадей, совершенно свежих, и продолжали свой быстрый набег.

1 декабря они вошли в степь, занятую татарскими кочевьями. Отряд Дундука-Омбо шел тремя колоннами — одна под его начальством, другая под начальством Ефремова и третья под начальством Краснощекова. Дундук-Омбо занял главный город татарского хана, обнесенный стенами, Копыл, и в 14 дней разорил весь край. Все, чего казаки не могли взять с собою, они жгли. Сама степь, покрытая сухой травой, была подожжена, и земля, по которой прошли калмыки и казаки, стала черной от пожаров. Все было разграблено и разорено. Десять тысяч женщин и детей были взяты в неволю, двадцать тысяч лошадей, огромное количество рогатого скота досталось казакам и калмыкам. Татары в ужасе бежали за Кубань. Многие утонули, переплывая в зимнюю стужу реку. Край был совершенно разорен, и сделано это было конным отрядом всего в 14 дней!

Как раньше казаки не расставались со своими челнами — так теперь конь стал их постоянным боевым товарищем. По верховьям Дона теперь уже прочно стали казачьи городки и станицы. Повеление императора Петра сеять хлеб исполнялось точно, и бедные до этой поры казачьи городки стали богатеть и привлекать к себе татар. Казакам нужно было каждую минуту быть готовыми отразить их конные толпы, встретить их и преследовать. Татары приходили быстро, но так же быстро и уходили. Нужно было иметь добрых коней, чтобы успеть их нагнать и отбить добычу и пленных. Много беспокойства и хлопот доставляли эти набеги наказному атаману Фролову.

31. Разорение татарами Быстрянского городка

1738 г.

В день 15 августа 1738 года в Быстрянский городок прискакали два испуганных всадника. Они мчались к избе станичного атамана и кричали по улицам:

— Валит на нас Касай-мурза с черкесской силою видимо-невидимо!

Ударили "всполох", и к станичной избе сбежались станичники. Поднялся спор. Одни говорили, как лучше "ухлебосолить" горцев, другие предлагали отразить их, третьи причитали беспомощно. Среди гомона, крика и шума раздался громкий голос есаула:

— Помолчите, помолчите, атаманы-молодцы!

Говор затих. Стали в кружок.

— Ну, атаманы-молодцы! — заговорил станичный атаман, опираясь на свою насеку. — Застала нас зима в летнем платье. Теперь не время замышлять о шубе, надо подумать, как бы голытьбе выдержать морозы! Не учить мне вас, атаманы-молодцы, как резаться с басурманами: это дело казацкое, обычное. Но о том не смолчать мне, что всех-то нас теперь — первый, второй, да и конец счета; татарской же силы сложилось по наши головы тысяч до тридцати, аль и больше...

— Счет-то велик, — перебил его старшина Роба, — да цена в алтын: Касай-мурза громоздок ордой, а лихих начальников и молодцов-наездников у него всех по пальцам перечесть можно. Так не лучше ли не терять поры, залечь по концам городка и нажидать татар на дуло? А там, гляди, и войсковой атаман наш с войском подмогу подаст. А нет, то лучше — голова с плеч, чем живые ноги в кандалы татарские!

— То-то ведь: голова с плеч! — в раздумье проговорил атаман. — Головы казакам складывать не диковина, да какова про мертвых в войске речь пройдет!..

Вдруг вошел старый, седой казак Булатов и заговорил:

— Не под стать нам теперь, атаманы, смутные заводы заводить. Того и гляди, татарская сила накроет наш городок.

Рассудимся после. К вечеру, может, припадет нам в новоселье скочевать, в матушку сырую землю: там будет каждому расправа на чистоту. Подумаем о другом. Ведь делу конец и теперь виден; помощи ждать неоткуда; живыми отдаться стыдно, да и не за обычай, а пока у нас шашки и ружья и порох есть, и головы на плечах — надо биться, вот и все тут! Давайте-ка разделимся на десятки, да раскинем умом-разумом, где кому засесть в концах городка. Я, примерно, покладаю вот как: Афанасию Меркуловичу быть на коне, с конными и сначала выскакать за городок; мне, Булатову, в передовых лежать на валу; Михаилу Ивановичу — по базам и за городом сесть, а тебе, атаману, оставаться с подмогой недалеко от боя и быть надо всеми старшим. Ну, станичники, как присудите, пригадаете?

— Быть по-твоему! — раздался голоса казаков. — К делу речь! Дай Бог добрый час!

И только казаки успели занять назначенные места, как татары нахлынули на городок. Началось сражение...

Два сильных татарских приступа быстрянцы отразили успешно. Надеялись они на помощь войскового атамана, но при третьем натиске потеряли половину казаков и начали отступать. Свирепые закубанцы, как бурный поток, разорвали сплотившиеся для рукопашного боя ряды казаков и с громкими криками бросились в улицы.

— Гайда, адын-джур!.. Вперед, вперед! — вопили черкесы.

Несколько человек уже поломали плетни и в улицах городка мелькнули черные, стройные удальцы. Сверкнуло пламя от вздутых факелов и загорелись здесь и там казачьи курени.

— Пожар в городке! — крикнул атаман. — Бабы, тушите пламя!

Последний резерв бросился на татар и погиб в кровавой сече.

Уже вечерело, когда татары кончили вьючить своих лошадей и, обремененные добычей, уходили в задонскую степь. Городок догорал. Торчали кирпичные обгорелые печи и трубы, да огонь еще перебегал по угольям. Старик Булатов погиб со всею семьей. С окровавленными седидами, раскинувшись на горячей золе своего куреня, спал он непробудным, вековечным сном. Возле него умирали: старая жена его, Нефедьевна, и меньшей внук; старший, молодой и бравый казак, метался на площади в предсмертных муках. Татары отрубили у него обе руки в то время, когда он хотел вырвать у татарина страшный аркан, захлестнувший его невесту.

Так погибла Быстрянская станица.

Но на старое пепелище пришли казаки и снова начали ставить свои курени, и на месте старого городка выросла новая станица.

И до сих пор в станицах Быстрянской и Нижне-Каргальской (теперь Мариинской) держится обычай звонить три раза вечером в колокол редким звоном. В старину так звонили, напоминая работавшему в поле, что после третьего удара ворота запрут и никого в станицу не впустят. Ежегодно, 15 августа, служат панихиды по убиенным в 1738 году, станичники готовят поминальные обеды. Быстрянская станица помнит своих погибших от татар предков.

Так часто гибли и другие станицы и городки от татарских набегов. Но жестоко мстили донцы за эти набег.

В вечной готовности к конному набегу жили тогдашние казаки, потому что они знали, что лучшей защитой их постепенно крепнувших городков будет нападение и разорение татарских станиц — улусов.

32. Морское дело казаков у берегов Крыма

1738 г.

В то время, когда старики, женщины и дети охраняли станицы, взрослые казаки сражались с турками. Донской казачий флот на легких судах стоял в низовьях Дона и у Азова, готовый помогать русским судам. Легкие конные полки казачьи продолжали воевать с главной армией в Крыму. В 1738 году казаки первый раз выступили в поход, вооруженные копьями (пиками и дротиками), вместо луков и стрел. Но еще долго искусство стрельбы из лука процветало на Дону; донцы в свободное время упражнялись в метании стрел, что развивало их глаз и подготавливало их к стрельбе из ружей.

В мае 1738 года сухопутная армия генерала Ласси прибыла к Бердянской косе. К этому же месту подошли и корабли паши, а с ними 100 донских казачьих лодок под командою походного атамана Петрова. Русскими кораблями командовал адмирал Бредаль. Он был неискусен в морских делах, матросы его тоже не были подготовлены к трудной работе на море. Русские корабли непременно погибли бы, если бы всюду турок не встречали казачьи лодки. Смелою завесой нашего флота являлись утлые казачьи лодки атамана Петрова и давали время Бредалю укрыться под защиту сухопутных батарей. Турки были искусны в морской войне, но казаки им не уступали, и легкие лодки защищали весь флот.

Осенью адмирал Бредаль, по болезни, съехал с кораблей и флот был поручен воронежскому вице-губернатору Лукину. Лукин никогда в море не бывал и кораблями не командовал. Он был так неловок, что турки истребили весь наш флот, спаслись только казаки с атаманом Петровым.

В 1739 году война с турками была окончена. Казаки вернулись по станицам. Вернулся на реку Калитву и полковник Краснощеков. Здесь он стал устраивать хутора. На хутора эти он принимал беглых крестьян, которым давал по пяти рублей на обзаведение, да льготы от барской работы на помещика на пять лет. Слух об этом скоро прошел по

окрестным местам и многие крестьяне шли селиться к Краснощекову на хутора. Так появились на Дону крестьяне.

В 1738 году 18 марта Высочайшей грамотой войсковым атаманом был пожалован Данило Ефремович Ефремов. Это был первый атаман войска Донского, пожалованный на атаманство не по выбору казаков, а по воле Императорской.

33. Смерть бригадира Краснощекова

1742 г.

Н едолго пробыл Краснощеков на Дону. В 1741 году началась новая война со шведами и бригадиру Краснощекову повелено было идти в Финляндию. Собрались полки казачьи и выступили в поход на две тысячи верст. Из знойных степей Прикубанья, где воевали они с Дундук-Омбой против татар, с побережья Черного моря, где дрались они с турками, казаки прошли в густые сосновые и еловые леса, в горы и скалы Финляндии.

Наши войска скоро заняли город Фридрихсгам, а шведская армия пошла на север, к Гельсингфорсу и Або. Казаки ее преследовали. Краснощеков сурово расправлялся со шведами. Одно имя его наводило трепет на угрюмых шведских солдат. За голову его было назначено вознаграждение. Недалеко от Гельсингфорса между русскими и шведскими войсками произошло упорное сражение. Но шведы были побеждены и начали отступать. Преследовать их помчался бригадир Краснощеков с донскими казаками, драгунами и гусарами. Краснощекову было поручено обойти шведов и не дать им войти в Гельсингфорс.

Решительный и быстрый Краснощеков хотел сам разведать дорогу отряду. Взявши несколько казаков, он помчался с ними через леса и болота, по узкому проселку. Настала ночь. Казаки неожиданно наткнулись на шведский отряд из ста человек под начальством майора Шаумана. Завязалась перестрелка; на рассвете Краснощеков атаковал своими малыми силами шведов, но в рукопашном бою почти все казаки были переранены и по приказу Краснощекова начали отступать врассыпную. Краснощеков и конь его были тяжело ранены. Уходя от шведов, он попал в болото. Верный конь авшарской породы не вынес казачьего бригадира. Здесь окружили его шведы, и почти в беспомощности Краснощеков был взят в плен.

Шведы помнили "прежние его озлобления на них" и жестоко ему отомстили. Полуживого Краснощекова привели

в шведский лагерь и здесь содрали с него кожу... В страшных муках умер донской герой.

Командовавший русской армией фельдмаршал Ласси просил выдать ему тело Краснощекова. Шведы согласились. Тело покойника одели в его парадный кафтан, отслужили по нему панихиду. Сын убитого первого бригадира войска Донского, полковник Федор Иванович Краснощеков отвез его в Черкасск, где его и похоронили. Казаки сложили про смерть его песню.

Как во славном было городе, кременной Москве,
Как стоял ли там православный Царь у заутрени
Со своими-то князьями, со боярами.
На князьях-то, боярах было платье цветное,
Платье цветное было все кармазинное,
На самом-то Царе платье кручинное.
Не золотая трубочка она вострубила,
Не серебряная вестушка жалобно возговорила.
Как возговорит наш батюшка, православный царь:
"Ай вы, слуги мои, слуги, слуги верные!
Ничего-то вы, мои слуги, да не знаете!
Как сегодняшней зарею курьер прибыл.
Он привез нам нерадостную весть!
Приуныли, приумолкли в саду пташечки.
Так приуныло, приумолкло войско Донское,
Что без верного молоденького садовничка,
Что без верного служителя Государева.
Без Ивана Матвеевича Краснощекова.
Как взяли, добра молодца, в полон шведы.
Повели добра молодца к князю Ивальгутову *,
Как Ивальгутов князь добра молодца стал спрашивать:
"Ты в каком чине, молодец, служишь Царю Белому?
Аль ты сотником служишь, аль полковником?"
"Я не сотником служил, не полковником,
Я служил молодцом, рядовым казаком!"
"Вот ты врешь, добрый молодец, облыгаешься:
На тебе-то платье — не казацкое,
На тебе-то была сбруя бригадирская!"

Обычная донская песня, которою все полковые песенники казачьи начинают петь, чтобы дать разойтись голосу:

"Ой вы, братцы, мои братцы, атаманы молодцы!
Не покиньте меня, молодца, при бедности,
При бедности, да при печали моей при большой!
Еще в некоторое время пригожуся я вам:
Замену я вашу смерть животом ** моим,
Животом моим, грудью белою!"...

сложена тоже про бригадира Краснощекова. С этими словами ясный сокол, Краснощеков, обращается к окружавшим его воронам — шведам.

---

* *Ивальгутову* — исковерканное имя *Левенгаушта*.

** *Животом* — значит *жизнью*.

В 1743 году Россия заключила мир со Швецией. По этому миру к России отошла большая часть Финляндии с городами Фридрихсгамом, Вильманстрандом и Нейшлотом, завоеванная русскими солдатами Ласси и казаками Краснощекова и закреплённая кровью и смертными муками донского героя.

За участие в этой войне в 1744 году войску Донскому было пожаловано белое знамя с надписью: "За подвиги в шведскую войну в 1741—43 годах".

Славную доблесть Краснощекова, его мужество и распорядительность в боях наследовали и сыновья его. Один из них, Федор Иванович, особенно отличался во время войны нашей с немцами, длившейся семь лет, с 1756 по 1763 год, и потому названной Семилетней войною. В эту войну донским казакам пришлось сразиться с войсками великого немецкого полководца Фридриха, войсками, отлично обученными, и не раз разбивать их.

34. Семилетняя война

1756—1763 гг.

В царствование императрицы Елизаветы Петровны, дочери Петра Великого, Россия объявила войну лежащей от нее к западу Пруссии. Королем Прусским в это время был Фридрих, знаменитый полководец. Его войска были великолепно обучены. Пехота его отличалась стрельбою и необыкновенною стойкостью в обороне; конница же его прославилась во всех боях лихими атаками. Все сражения выигрывала она. После тяжелых атак развернутыми линиями полков оставались ряды изрубленных людей. Никто до сих пор не мог противостоять атакам немецких кирасир и драгун, никто не был так искусен в разведке, как прусские гусары. Фридрих уже много нанес поражений австрийцам и французам, и вот, ему пришлось столкнуться с русскими.

Как и во всех войнах, веденных Россией где бы то ни было и с кем бы то ни было, и в этой войне деятельное участие принимали донские казаки. Они приходили в армию с Дона, боролись с врагом до полного истощения своих и конских сил, теряли убитых и раненых и, когда они приходили в полную слабость от долгого похода, их смсняли с Дона новые полки. Старые опытные казаки оставались с прибывшею с Дона молодежью и учили ее, как быть в дозорах, или как тогда называли — пикетах, как лавою заманивать неприятеля на своих драгун или пехоту, в какое место и как колоть одетых в металлические латы кирасир короля Фридриха. Война длилась семь лет. За эти семь лет в немецкой земле перебивало 16000 казаков и калмыков под команду генерал-майора Данилы Ефремова. Они разделены были на полки Краснощекова, Пушкирева, Луковкина, Попова, Себрякова, Дячкина, Туроверова, Перфилова, Ребрикова и Машлыкина.

Первый раз казаков увидали на немецкой земле. Немецкий священник, пастор Теге, так описывает их вступление в Пруссию: "Несколько тысяч казаков и калмыков, с длинными

бородами и суровым взглядом, невиданным вооружением — луками, стрелами и пиками — проходили по улице. Вид их был страшен и вместе с тем величествен. Они тихо и в порядке прошли город и разместились по деревьям, где им были отведены квартиры”...

Невозможно перечислить все те стычки, мелкие бои, в которых участвовали казаки. Они были разведчиками русской армии, они же хранили ее покой на походе и на отдыхе.

19 июля 1757 года казакам пришлось отличиться в сражении у деревни Грос-Эгерсдорф. В 1 час ночи немецкие полки начали стягиваться к одному месту и строить боевой порядок. Длинные линии построенных в три шеренги немецких гренадер скоро показались в рассвете летнего дня. Гремели барабаны, тихо колыхались знамена и тяжелым, все сокрушающим шагом наступали полки на наш бивак, только что по тревоге разбуженный. В те времена, после короткого “батального” огня переходили к атаке в штыки. Патроны жалели. Они были тяжелы, и солдаты не могли их иметь много. Штыковые свалки были ужасны. Громадные люди — в пехоту брали крупных высоких людей — со стиснутыми зубами, с огнем горящими глазами бросались в штыки друг на друга. Одна шеренга стремилась сломить другую, образовать прорыв, чтобы бить сзади и с боков.

Конница Фридриха, сидевшая на крупных тяжелых лошадях, строила длинные линии, без интервалов, и галопом, а в последнюю минуту в карьер бросалась на пехоту и конницу. Казаки не могли сломить их атак. Казачьи лошади были мельче, слабее, и при столкновении они были бы опрокинуты. Но казаки били конницу Фридриха. Били лавой!

Первая атака немецкой пехоты была отбита. Немцы бросились на середину нашей позиции, но и тут не могли прорвать тесно сомкнувшихся рядов гренадер императрицы Елизаветы. Пруссаки уже готовили свои тяжелые конные полки, чтобы поддержать пехоту. Драгуны немецкого принца Брауншвейгского строили боевой порядок.

В это время из-за края боровшихся русских полков показались донские казаки. Это был полк Серебрякова. Не спеша, казаки объехали болото колонной, потом быстро рассеялись тонкой лавою и с пронзительным гиком понеслись на прусских драгун.

Когда драгуны уже готовились ринуться им навстречу, казаки внезапно остановились, ловкие лошади донцов живо повернулись и казаки пошли назад. Драгуны понеслись за казаками.

— Заманивай! — раздалась по казачьим рядам команда. Казачья лава вдруг стала редкой и совсем исчезла... Казаки,

совершенно незаметно для немцев, собрались на фланги. Перед пруссаками стояли, держа ружья наизготовку, 15 совершенно готовых к бою батальонов, а за ними 40 заряженных картечью пушек. Пруссаки не могли сдержать раскававшихся в тесной толпе лошадей. Да и было поздно. Наша пехота раздалась, пушки окутались белым дымом, завизжала картечь, и, внося смятение и беспорядок в ряды пруссаков, начали падать лошади и люди. Знаменитые драгуны Фридриха повернули лошадей и в беспорядке начали уходить. Тут насели на них казаки Серебрякова, и поработала казачья пика! Казаки собрали потом чепраки с драгунских лошадей, сняли с них нашитые черные прусские орлы и сделали из них покров на аналой. Покров этот хранится теперь в ризнице Старочеркасского собора...

Под прикрытием казаков наша армия отошла с поля сражения и зазимовала. Некоторое время война совсем прекратилась, и даже опытные немецкие разведчики не могли узнать, что делают русские войска и где они... Так оберегали их донские казаки.

14 августа 1758 года произошло другое знаменитое в эту войну сражение, под Цорндорфом. В нем отличились казаки походного атамана генерала Краснощекова.

Уже больше месяца русская армия осаждала немецкую крепость Кюстрин, лежащую при р. Одере. По одну сторону этой реки стояли наши полки, другая была занята немцами. Там со дня на день ожидали прибытия самого знаменитого своими победами короля Фридриха. Все деревни и местечки кишели немецкими солдатами, повсюду стояли гусарские эскадроны и сновали их патрули. Казалось, мышь и та не могла бы проскочить через их посты. Но казаки проскакивали. Какое-то особенное удовольствие находили они переплыть синий Одер и с налета схватить партию скота, транспорт с хлебом, или, ночью, пустить красного петуха в занятую немецким отрядом деревню. Федор Иванович Краснощеков, еще мальчиком сопровождавший своего отца, знаменитого "Аксака", во все походы, много раз переплывавший Дон и Кубань, особенно любил эти лихие набеги за Одер.

В самый праздник Преображения, 6 августа, Краснощеков захватил на немецком берегу полторы тысячи голов рогатого скота, взял полтораста лошадей и три барки с мукой. На глазах у немцев казаки погрузили быками и лошадьми эти барки и увезли на свою сторону. Немцы усилили свои эскадроны, за Краснощековым следили целые полки гусар, казалось, уже теперь не придется казакам хозяйничать на немецкой стороне... Но не прошло и нескольких дней, как казаки из-под самого носа гусар отбили две с половиной сотни кавалерийских

лошадей и 2 тысячи голов скота. Они выследили и самого короля. Неуловимым конным строем окружили они его колонны, налетали на них, стреляли с коня чуть не в упор, только немцы начинали строиться, они исчезали в лесах и за холмами.

Прусская армия подошла к нашей и в ночь на 14 августа у деревни Цорндорф начала делать свои построения. Первый удар немецких гренадер потеснил наши полки и припер их в угол, образуемый двумя речками. Но здесь наши полки так уперлись, точно в землю вросли. Напрасно немецкие батальоны кидались на наших, осыпая их пулями, разбивая штыками, на место раненых и убитых становились новые солдаты, и слышна была среди треска разбиваемых прикладами черепов, среди шуршания разрываемых штыками мундиров одна грозная, суровая команда офицеров: "Сомкнись".

Король был вне себя. "Русского солдата мало убить,— сказал он,— его нужно еще и повалить!"

Было далеко за полдень. Семь часов уже боролись обе армии, и не могли немцы сломить упорства русских. Артиллерия уже давно смолкла, не трещала и ружейная перестрелка: враги сошлись грудь с грудью, дрались страшным рукопашным боем.

Краснощеков с донцами в это время забрался в тыл к неприятелю, зажег деревню, отнял обоз, оставленный под защитой крестьян, и отдал его на разграбление казакам.

Наконец, король приказал своей армии отойти. На другой день обе армии двигались одна подле другой, но казаки не допускали пруссаков до наших войск. Тогда знаменитый начальник немецких гусар, Зейдлиц, лучший кавалерист того времени, построил гусар и бросился с ними на казаков. И опять рассыпалась казачья лава, и за ее завесой показались наши пушки, и картечь опрокинула бессмертных гусар. Тогда казаки бросились за ними, с налету ворвались в ряды немецкой пехоты и взяли батарею в 8 орудий. Этим и окончился двухдневный бой у Цорндорфа, начатый и заверченный донскими казаками.

Год шел за годом. Русские войска медленно подавались вперед и занимались осадой городов. По обычаям тогдашней войны, на зиму войска отходили друг от друга и устраивались на зимних квартирах. Военные действия начинались с наступлением лета.

В 1759 году военные действия начались ранее, чем обыкновенно. Уже 23 мая казачьи полки стали нащупывать неприятеля. Впереди всех были полки Краснощекова и Луковкина.

Полковник Луковкин ворвался в местность, называемую Силезией, с 300 казаками и в 8 дней прошел ее всю опустошительным набегом. 5 июня при местечке Гарау он столкнулся с бессмертными черными гусарами Цитена. Цитен был такой же славный кавалерист, как и Зейдлиц, а черные гусары носили название бессмертных потому, что их никто еще не мог разбить. Но казаки бросились на них и так решительно взяли их в пики, или, как тогда говорили, "в дротики", что гусары были разбиты. 8 июня, при деревне Гур, Луковкин разбил еще два эскадрона черных гусар, положив на месте 40 человек, взял в плен 20 и возвратился к армии с потерей только пяти казаков.

Полк Луковкина в эту войну постоянно имел дело с гусарами. Гусары со своими саблями, не имея пик, ничего не могли сделать против острых копий казачьих дротиков. Они сидели на лучших лошадях, их красивое, расшитое шнурами одеяние, их пестрые чепраки играли на солнце, их учили знаменитейшие кавалеристы всего мира. Зейдлиц и Цитен, и они все-таки не выдерживали атак и бежали перед донскими казаками, учениками бригадира Краснощекова и его сына. 19 января 1760 года Луковкин опять привел в армию 21 пленного гусара.

Казаки навели уже на немцев такой страх, что легкие их партии брали города. Так, 23 января 1760 года полк казаков с 50-ю нашими гусарами выгнал врага из г. Ландсберга и взяли с жителей штраф в 2 с половиной тысячи рублей!

Наши войска, прикрываемые такими смелыми и удачными налетами донцов, приблизились уже к самой столице прусского короля — Берлину. Наш главнокомандующий граф Салтыков собрал все легкие войска и всех казаков и под начальством генералов Тотлебена, Чернышева и Панина двинул к самому Берлину.

В ночь на 27-е сентября прусская двадцатитысячная армия отступила к небольшому городку Потсдаму, находящемуся недалеко от Берлина. Граф Панин, получивший известие об отступлении немцев, напал на их арьергард, настиг его в лесу и весь истребил.

Краснощеков с казачьими полками полным ходом пустился на преследование главных сил, нагнал их и загнал к самым стенам Потсдама. С другой стороны Чернышев подошел к Берлину, и Берлин сдался. Первый раз появились казаки на улицах большой европейской столицы. Стройными рядами, со склоненными пиками входили они на каменные мостовые и шли по длинным улицам, между рядами высоких домов. Берлинские немцы с любопытством смотрели на этих не виданных еще ими людей, на победителей их славных гусар.

Чернышев забрал в Берлине королевскую казну, приказал казакам истребить все магазины, склады оружия, арсенал, пушечный и литейный заводы и потом отступить. В Берлине донские казаки захватили одежду прусского короля Фридриха Великого — мундир его синего сукна с красными обшлагами, с серебряным аксельбантом и шитой звездой ордена Черного Орла, пару его перчаток и его белье. Все это казаки сдали Чернышеву, и теперь эти вещи хранятся в С.-Петербурге в артиллерийском историческом музее, в Петропавловской крепости.

Весь следующий год наши войска были заняты осадой немецкой крепости Кольберг. В то время, как осадный корпус рыл траншеи и готовился прочно осадить крепость, король прусский составил легкий корпус, которому поручил нападать на наши склады продовольствия и мешать подвозу припасов. Тогда и у нас образовали такой же корпус. Большую часть его составили казаки.

Однажды из этого корпуса потребовали сотню казаков в распоряжение полковника Александра Васильевича Суворова. Явившиеся к нему казаки увидели молодого, необыкновенно живого человека. Он был очень худой. Лицо его было обтянуто кожей. Большие глаза смотрели смело и отличались особенным блеском. Он сидел на казачьей лошади. Суворов повел казаков к р. Нетце, подошел к берегу, вошел в воду, за ним пошли и казаки и с ними немец-проводник. Быстро переплыли они реку и в наступившей ночи пошли по глухому проселку. В ночь они сделали 45 верст. Перед рассветом показались каменные стены небольшого городка Ландсберга. Увидав его, Суворов обернулся к казакам и воскликнул:

— Город наш! Ура! Нападем!

— Там прусские гусары, — боязливо шепнул ему проводник.

— Помилуй Бог, как это хорошо! — сказал Суворов. — Их-то мы и ищем!

Казаки поскакали за Суворовым к воротам городка, но ворота оказались запертыми. Однако, не впервой было донцам врываться в городки и селения. Раздобыли откуда-то бревно.

— Ломи их! — крикнул Суворов.

Казаки раскачали бревно на руках, ударили раз, другой — ворота разлетелись. С гиканьем и пальбой казаки вскочили в город, часть гусар перебили, часть захватили.

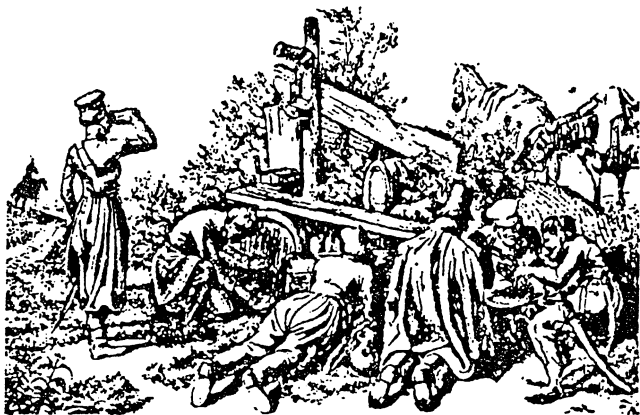
— Одно ломи! другое жги! — кричал Суворов, когда казаки подскочили к мосту. Быстро соскочили казаки с лошадей, появились у них в руках факелы, раздобылись ломami, соломой, настелили солому по мосту, пучками повязали по

сваям, уже рыбаки из низовых расстарались откуда-то лодками и жгли мост. Суворов всюду был вместе с казаками. И они ему нравились, и он их увлекал. Все кипело у него в руках. Получаса не прошло, как уже казаков не было в Ландсберге, но не было и моста, по которому должна была наступать немецкая армия.

Суворову дали три гусарских и семь казачьих полков. С этими силами Суворов постоянно тревожил пруссаков.

Так впервые стали донцы под команду знаменитейшего впоследствии российского полководца Суворова. Они сопровождали его потом во всех его победоносных походах, они составляли ему славу, так же как он составлял славу им. С ним ходили и у него учились лучшие герои Дона этого времени: Платов, Орлов, Денисов, Исаев, Сысоев, Луковкин, Краснов, Иловайский и другие. Слава Суворова до того тесно сплелась со славою Дона, он стал таким родным казакам, что в 1900 году, в столетнюю годовщину его смерти, 1-й Донской казачий полк получил наименование 1-го Донского генералиссимуса Суворова полка.

В 1761 году военные действия против пруссаков были окончены. Мир был заключен в 1763 году. За боевые подвиги в эту войну войску Донскому было пожаловано большое белое знамя. Получили награды и казачьи полковники. Имена героев этой войны — генералов Федора Ивановича Краснощекова и Луковкина — не были забыты и потомками. В 1904 году, по повелению ныне благополучно царствующего Государя Императора Николая II Александровича, донские казачьи полки: N 6 был назван полком генерала Краснощекова и N 10 — полком Луковкина.

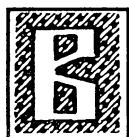
Привал донских казаков в Германии

35. Первая война с турками императрицы Екатерины II

1762—1774 гг.

В день 13 сентября 1761 года, в 30 верстах от города Черкаска, при урочище Богатом Источнике, на правом нагорном берегу Дона, у впадения его в Азовское море, построена была крепость Св. Дмитрия Ростовского. По обе стороны крепостного вала были выстроены две городские слободы. Строителем крепости этой был инженерный подполковник Ригельман. Жители слобод, составивших потом город Ростов, состояли из русских купцов, мелких русских дворян, малороссиян, греков и грузин. Из этой крепости вскоре вырос большой торговый город. Иностранцы — греческие, турецкие, итальянские и венецианские корабли приходили сюда из Средиземного и Черного морей, привозили дорогие товары, которые отсюда шли в Черкасск и по Дону в Россию.

Через восемь лет после закладки Ростова возобновлены были города Азов и Таганрог. Но для того, чтобы русским было позволено устроить эти города, им пришлось вынести тяжелую войну с Турцией, продолжавшуюся с 1762 по 1774 год. Война эта была необыкновенно удачная для русских. В ней участвовало до 22000 донских казаков, под начальством походных атаманов Михаила Позднева, Тимофея Грекова, Дмитрия Мартынова и Никифора Сулина. Русская армия билась турецкую в больших сражениях на море и на суше, казакам же приходилось нести, по преимуществу, сторожевую службу.

Войну эту начала императрица Екатерина II, правившая Россией с 1762 по 1796 год, заслужившая от своих подданных за мудрое управление наименование Великой. Народ русский и казаки так любили свою царицу, что обычное название ее было: Матушка Царица, Матушка Екатерина. И теперь еще старики-казаки, вспоминая своих дедов, говорят: "Он служил при Матушке-Царице", или просто: "Убит он при Матушке в таком-то году".

Нахождение полков донских при блестящей русской армии не мешало казакам отличиться в смелых рукопашных

схватках с турецкими наездниками. 6 марта 1769 были отстроены Азов и Таганрог; поселенные в них, большей частью в наказание, казаки наряжались в солдаты и не считались казаками. Таким образом, донцы постепенно отходили от моря, и место их, и охрану берегов занимали солдатские полки. Удаление от моря заставило казаков прочнее осесть на земле, обратить внимание на земледелие, на скотоводство и коневодство. Все отряды казачьи с этого времени выходили в поход на конях. Из войны и походов казаки приводили лошадей той породы, какая находилась у врага. Эти лошади, смешиваясь в табунах со степной лошадию калмыцкой породы, и дали ту казачью донскую лошадь, которая так прославилась во все войны резвостью и выносливостью. Больше всего приводили казаки лошадей турецких, арабских, персидских и кавказских. Эти лошади не очень крупные, но нарядные, в походе ходили под казаками, а на Дону поступали в казачьи косяки. Донцы отлично ездили на них. Любимым их оружием стала пика. Грозна и страшна была казачья пика врагам России.

Первые восемь лет война с турками шла без большого успеха. Наши войска двигались медленно, занимались больше осадами крепостей и побед больших не одерживали. Но на девятый год, в 1770 году, во главе наших войск стал фельдмаршал Румянцев.

Он сразу оживил войска. Облегчивши обозы, уменьшивши ношу солдата, Румянцев смело пошел к Крыму. 7 июля 1770 года он разбил крымского хана, подкрепленного турками на берегах речки Ларги.

18 июля он подошел к речке Кагулу, за которою расположена была вся турецкая армия. Ею командовал первый генерал султана — великий визирь.

Между тем, еще 15 июля, к нашей армии с Дона прибыл новый полк Иловайского. Казаки этого полка, большей частью молодежь, наслушавшись рассказов старых, бывалых казаков, желали поскорее отличиться. 18 июля казаки Иловайского занимали передовые посты. В это время великий визирь, окруженный большой толпою своих генералов и сильным конвоем, выехал осмотреть расположение нашего войска. Полк Иловайского живо собрался с постов и на глазах всего русского лагеря сразился с турецким конвоем. Казаки так ловко действовали пиками и шашками, что визирь, со всеми окружавшими его турками, помчался во весь опор к своему лагерю. Один казак уже схватил его за длинную седую бороду, но визирь вырвался и ушел; 15 богато одетых наездников турецких положили казаки на месте.

Когда усталые, а многие и перераненные, казаки возвращались в лагерь, армия, по приказу Румянцева,

встретила молодых удальцов музыкой, барабанным боем и громкими криками "Ура!"

21 июля Румянцев в кровопролитном сражении на речке Кагуле разбил великого визиря и преследовал остатки его армии на несколько верст. Этими победами, совершенными в Турции, султан был сильно потрясен.

В то же время другая наша армия, под начальством князя Долгорукова, занимала Крым. В этой армии, состоявшей из 11 пехотных и 13 конных полков, находилось 7000 казаков под командой походного атамана Себрякова. Тот самый Крым, который был целью отважных морских поисков и набегов казаков в старину, был скоро занят армией Долгорукова.

В эту войну казакам не пришлось действовать целыми полками, не пришлось и особенно отличиться крупными победами над неприятелем. Они несли невидную, но страшно тяжелую службу мелкими партиями. На этой службе каждый казак был героем. Имена отличившихся перечислить невозможно. Войско Донское служило так образцово в эту войну, что граф Румянцев выдал казакам похвальное свидетельство. В этом свидетельстве он пишет о всех старшинах и казаках войска Донского, что "подвиги их против неприятеля отлично споспешествовали* все славные успехи российского оружия. Они составляли зимою и летом первую стражу армии, не утомляясь ни нуждой, ни невыгодами, особенно в необитаемых местах. Их бдению и врожденному в них военному искусству мы особенно обязаны тем, что неприятель нигде не мог во вред наш скрыть своего движения, но был часто самими казаками отбит. Казаки, побуждаемые доброй волею и рвением к службе всюду, где было столкновение с неприятелем, в мелких и больших стычках и в самых генеральных сражениях, пускались в огонь первые, отличаясь храбростью чрезвычайной, повиновением власти и жертвовани^{ем} самой жизни обретали многие над неприятелем победы. Доказательства их мужества, военного искусства, старания и послушания в действиях, которые я или генералы, командовавшие отрядами им поручали — так велики, что описать их трудно и нельзя достаточно похвалить. Я заключаю свое свидетельство тем, что храброе и полезное отечеству Донское войско по отличным своим заслугам, в войне доказанным, достойно Высочайшего благоволения и милостей Монарших".

И императрица Екатерина при пожаловании наград войскам не забыла и донских казаков: за участие в этой войне

---

* Споспешествовали — то-есть сопровождали.

она пожаловала войско 28 июня 1775 года похвальной грамотой и 10 июля 1775 года белым, великолепно украшенным знаменем. На знамени была надпись: "Нашему вернолюбезному войску Донскому за храбрые и мужественные подвиги во время минувшей войны с турками".

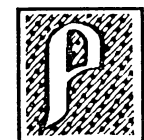
Во время этой войны Дону пришлось испытать сильное искушение. Весь юг России, все низовье Волги было охвачено страшным крестьянским бунтом, с которым с трудом могли справиться русские войска. Во главе этого бунта стоял донской казак Зимовейской станицы Емельян Пугачев.

36. Пугачев

1770—1775 гг.

рядом с войском Донским, к востоку от него, захватывая нынешнюю Астраханскую губернию, лежало Волжское казачье войско. Теперь его нет больше, и бывшие волжские казаки составили Астраханское казачье войско, выставляющее в мирное время один полк. Еще дальше, за Волгой, по реке Яику, как тогда называли Урал, лежало Яицкое казачье войско, теперь Уральское.

Известия из Петербурга в эту далекую окраину тогдашней России доходили медленно. Мало было охотников ездить в глухие степи, где бродили шайки татар, калмыков и киргизов. Туда спасались все те, кто исповедовал старую веру и кто боялся преследования за это. Много бежало туда и казаков с Дона. Там, да на Тереке, как некогда на Дону, не спрашивали, почему и от кого бежит человек. Русских людей было мало, ими дорожили, каждый лишний пришелец был нужен для защиты маленьких станиц и хуторов.

Казаки с Дона уходили в это время из-за притеснений войскового атамана Данилы Ефремова и из-за нелепых слухов, пущенных им по Дону о том, что казаков будут "писать в регулярство", делать солдатами, что поступят они под команду русских офицеров. Действительно, казаки, посланные для заселения Азова и Таганрога, поступили под начальство поручиков и ротмистров. Это казаков волновало, и они писали жалобные письма на Дон.

Доном правил атаман Ефремов. Он расширил свои владения по р. Донцу и Калитве и неправильно наряжал казаков на службу. Об этом узнала императрица и приказала русскому генералу Черепову арестовать Ефремова и послать его в Петербург для суда. Черепов хотел взять Ефремова силою, но казаки заступились за атамана, избili Черепова и хотели его бросить в воду. Ефремову едва удалось спасти Черепова.

Когда императрица узнала об этом, она прислала новую команду для ареста Ефремова, его взяли и отвезли в

Петербург. Казаки некоторое время пошумели, но вскоре успокоились.

Как раз в то время, когда по Дону волновались казаки, боясь, что их станут "писать в регулярство", то есть сделают солдатами, на Дон пришли известия о смуте в Яицком войске, явились подстрекатели от виновника этой смуты, Пугачева, сулившего донцам всякие льготы и называвшего себя императором Петром III. Но донцы не пристали к этой смуте, дали ей суровый отпор, и в бурном движении бунта, захватившего тысячи людей, поднявшего Яицкое и Волжское войска, многих регулярных солдат, крестьян и даже дворян, остались верными своей матушке-царице!

Вот как произошла эта смута: незадолго до этого времени в Яицке был арестован яицкий казак Богомолов. Сидя под арестом, он показал караульным солдатам какие-то следы на своем теле и уверил, что это крест.

— Крест этот означает, — говорил Богомолов, — что я вовсе не казак Богомолов, а император Петр III Феодорович.

За такие нелепые речи Богомолова вскоре сослали в Сибирь. Но сослали его тайно, никто не видал этого, и вот, по Яицкому войску пошел слух, что Богомолов бежал, что он скитается по войску и ищет людей, которые вступились бы за него и помогли ему сесть снова на царское место.

Слухи эти дошли и до Дона. И там по городкам и станицам стали шептаться, что император Петр III Феодорович жив, что он скоро взойдет на престол, прогонит бояр и дворян и объявит всякие милости казакам и крестьянам и заступится за старую веру отцов.

Чем невероятнее слух, тем легче ему верится в темном народе. И вот, в народе стали ожидать пришествия императора Петра и обещанных им милостей.

В это время по яицким степям скитался донской казак Емельян Пугачев, спасавшийся от войскового суда. Пугачев родился в Зимовейской станице и в молодых годах занимался с отцом хлебопашеством. 17-ти лет он женился и, прожив с женой всего одну неделю, был отправлен в Пруссию, где был во время Семилетней войны в отряде генерала Чернышева. Полковник Денисов взял его вестовым к себе. Во время ночного нападения пруссаков Пугачев упустил одну из лошадей Денисова и за это был жестоко наказан плетьюми.

В турецкой войне Пугачев участвовал уже в чине хорунжего. Он был отличный стрелок, наездник, прекрасно колол пикою, притом был тихий и покорный казак, и начальство его отличало. На этой войне Пугачев захворал чирьями, покрывшими его грудь и ноги, и, как больной, отправлен был на Дон. Живя на Дону, Пугачев помог своему

зятю бежать на Терек. Это было запрещено. Зятя его поймали, и Пугачеву грозило жестокое наказание. Пугачев бежал и скитался под видом раскольника, пришельца из Польши.

Был он и в Яицком войске и здесь слышал рассказы об императоре Петре III. Однажды Пугачев парился в бане с другим яицким казаком. Тот заметил у него на груди на коже следы его болезни и спросил: "Что это такое?" Пугачев промолчал. Когда вышли из бани, Пугачев подозвал этого человека и сказал ему, что это знаки креста, и что он вовсе не Пугачев, а император Петр III.

Как ни мало похож был простой рябоватый донец, с лицом, поросшим жесткой бородой, не только не образованный, но и неграмотный, на императора, — ему поверили, и вокруг Пугачева стали собираться яицкие казаки.

Взволновалось Яицкое войско. Толпы крестьян, беглых солдат стали сходиться к Пугачеву. Пугачев был казак смышленый. Он видал виды во время прусской войны, кое-чему научился, составил свою гвардию; яицких, оренбургских казаков, беглых солдат и крестьян, калмыков и башкир он разделил на полки, назначил полковников, атаманов, сотников и хорунжих. Каждому полку дал свое знамя. Знамена у него были красные и желтые. На знаменах он нашёл кресты и образа. И вот, с этою ратью Пугачев двинулся вверх по Волге. Он подвергал мучительным казням всех тех, кто не признавал в нем императора, он рубил, жег и резал помещиков, обращая в пустыню места, где проходил. Грубый и невежественный, он в церкви входил в царские врата и садился на престол со Св. Дарами, думая, что это престол царский. Он посылал повсюду грамоты, называл себя Петром III, говорил, что он идет за старую веру и за свободу крестьян, но подписать эти грамоты он не мог по безграмотности.

С толпою обезумевшего народа Пугачев осадил и взял Оренбург, занял Казань, захватил в свои руки все течение Волги. Везде признавали его государем, и он правил, как умел, то объявляя милости, то казня немилосердно.

Императрица должна была собрать против него громадное войско, во главе которого стали лучшие ее генералы, и повести правильную войну с Пугачевым.

Вести о победах, славе и завоеваниях Пугачева дошли и до Дона. В станицы и городки казачьи посылались Пугачевым грамоты с увещаниями донцов, и ездили туда тайные подговорщики.

Но донцы с отвращением выслушивали тот вздор, который им рассказывали про Пугачева. Для недопущения в войско пугачевских сообщников войско Донское в октябре 1772 года постановило выбрать тысячу человек из лучших казаков с тем,

чтобы они были готовы к походу по первому требованию. Станичные атаманы обязаны были зорко следить за всеми приезжающими и приходящими, "особливо из бродяг и носящих на себе образ нищего". В ноябре 1773 года полковник Денисов, тот самый, у которого Пугачев был вестовым, просил разрешения военной коллегии* собрать в войске 500 человек казаков и с ними идти прямо на Оренбург для поражения самозванца. Отряд Денисова, по повелению императрицы Екатерины II, поступил в ведение генерала Мансурова, стоявшего у Самары.

Казакам омерзительно было слушать о казнях и неистовствах, творимых Пугачевым. Жена и дети Пугачева ходили, собираясь милостыню. Казаки отреклись и от них. В них приняла участие императрица Екатерина и приказала отправить жену Пугачева в его стан, в надежде, что жена уличит мужа в самозванстве. Дом самозванца в Зимовейской станице был уничтожен, и место оставлено порожним. Станичники Пугачева просили разрешения выселиться на другое место, чтобы не жить им на том месте, которое осквернено было мерзкими поступками Пугачева.

Между тем русская армия, предводительствуемая генералом Михельсоном, постепенно теснила Пугачева. Уже Самара и Оренбург были освобождены от бунтовщиков, уже многие из сообщников Пугачева кончили жизнь свою презренной смертью на виселице. Пугачев задумал тогда идти на Дон и там искать себе помощи. Однажды он прошел в палатку к своей жене и сказал ей:

— Что, Дмитриевна, как ты думаешь обо мне?

— Да что думать-то, — отвечала она, — буде не отопрешься, так я твоя жена, а вот это твои дети.

— Это правда; я не отопрусь от вас, только слушай, Дмитриевна, что я тебе скажу: теперь пристали ко мне наши донские казаки и хотят у меня служить, так я тебе приказываю, неравно между ними случатся знакомые, не называй меня Пугачевым, а говори, что я у вас в доме жил, знаком тебе и твоему мужу; и сказывай, что твоего мужа в суде замучили до смерти за то, что меня у себя держал в доме.

— Как я стану это говорить?! Я, право, не знаю.

— Так и сказывай, что ты жена Пугачева, да не сказывай, что моя, и не говори, что я Пугачев. Ты видишь, что я называюсь ныне государём Петром Феодоровичем, и все меня за такого почитают. Так смотри же, Дмитриевна, исполняй то, что я тебе велю, а я, когда Бог велит мне быть в Петербурге и

---

* Так называлось тогда Военное Министерство.

меня там примут, тогда тебя не оставлю, а буде не то, так не пеняй — из своих рук саблей голову срублю.

После этого жена беспрекословно исполняла приказания мужа.

Пугачев послал на Дон воззвание, где, обещая донцам всяческие вольности, повелевал им стать на его сторону.

Но на Дону возвания Пугачева не имели успеха. Атаман Сулин объявил по войску, что тому, кто поймает злодея, будет выдано 25000 рублей и золотая медаль. На Дону стали собирать казаков. Начальствовать ими было поручено полковнику Алексею Иловайскому. Но на Дону трудно было собрать большое войско. Почти все способные носить оружие казаки находились на войне с турками, в Крыму и в Турции. Собиравшиеся казаки приходили с дурным вооружением и на плохих лошадях. Отряды устраивались в Скуришенской и Арчадинской станицах. Составилось три отряда — одним командовал полковник Луковкин, другим — Максим Янов и третьим — Андрей Вуколов. Эти силы должны были отразить Пугачева, с громадною толпою надвигавшегося на Дон со стороны Камышина.

В августе месяце самозванец ворвался в пределы Донского войска. Одна партия бунтовщиков пошла по берегам р. Медведицы, другая — по Иловле и третья — по Хопру. Мятежники на своем пути разоряли и сжигали все. Жители не могли им оказать никакого сопротивления. В станицах оставались только старики, женщины и дети. Они спасались в лесах, оставляя все имущество пугачевской толпе. 14 августа Пугачев разорил станицы: Березовскую, Малодельскую, Заполянскую, Орловскую и Раздорскую на Медведице. В Березовской станице мятежники потребовали станичный конный табун и выбрали из него самых лучших лошадей, в Малодельской — повесили несколько казаков, а в Заполянской — жестоко избили станичного атамана и двух стариков за то, что они не могли их снабдить овсом и сеном.

Нашествие Пугачева с толпами мятежных крестьян было хуже татарского набега.

Походный атаман Луковкин, со старшинами Яновым и Вуколовым, имея под своим начальством всего 550 казаков, пошел на мятежников, бывших у Етеревской станицы. Ночью на 17-е августа Луковкин выступил с казаками против Пугачева. В одну ночь казаки прошли 80 верст и днем совершенно неожиданно напали на мятежников, пьянствовавших в Етеревской станице. Многие были убиты, многих забрали в плен, но большая часть бежала к Заполянской станице. С маленьким, но храбрым отрядом Луковкин преследовал их, разбил еще раз у Малодельской станицы при кургане Караул и выгнал их совсем из войска.

После этого казаки Луковкина соединились с отрядом Иловайского и отправились в Воронежскую губернию.

Пугачев послал было еще грамоты на Дон, но казаки арестовали его людей и приготовились встретить Пугачева.

Пугачев не решился идти в войско Донское и пошел назад к Царицыну. Он двигался так быстро, что войска едва успевали его настигать. Кругом Царицына все крестьяне бунтовали и царицынский комендант просил помощи у донцов. По приказанию войскового наказного атамана войска Донского Сулина, все служилые казаки, состоявшие на льготе до отставки и жившие от Маноцкой до Тарновской станиц, и казаки донецких станиц были вызваны на службу. Составлено было два полка — Макара Грекова и Акима Карпова. Из возвратившихся с Кубани на льготу полков Павла Кирсанова, Матвея Платова и Акима Уварова была выбрана тысяча доброконных казаков и из них составлено еще два полка — Кирсанова и Платова. Эти полки поспешно выступили к Царицыну.

Туда же шел полковник Федор Кутейников, соединившийся с полковниками Василием Маньковым, Карпом и Михайлом Денисовым. На р. Мечетной казаки встретились с Пугачевым. Кутейников, Маньков и Денисов три раза атаковали мятежников и все три раза прогоняли толпы до самых пушек Пугачева, но пушек захватить не могли. В третью атаку Кутейников столкнулся с одним яицким казаком. Он зарубил его, но казак успел нанести Кутейникову две раны: в грудь и левый бок. Кутейников от этих ударов упал с коня и был схвачен бунтовщиками. С него содрали платье и амуницию, связали ему назад руки, таскали его за волосы, били, надели на шею ременный аркан, которым едва не удавили, и, наконец, привязали его к колесу. Так оставался привязанным Кутейников до тех пор, пока его не потребовали к Пугачеву. Когда Кутейникова привели к самозванцу, Пугачев сидел у себя в шатре за столом, окруженный своими товарищами. Подле него стоял штоф водки. Пугачев спросил Кутейникова его фамилию. Кутейников назвал себя.

— Так ты, брат, мне и роднею причелся, — сказал Пугачев. — Ты Пугачева дом разорял? — спросил он Кутейникова.

— Не разорял, а исполнял волю командирскую.

Пугачев приказал ввести в палатку свою жену и спросил Кутейникова:

— Узнаешь ли Пугачиху?

— Не знаю, — отвечал Кутейников.

— Вот Пугачиха, — сказал Пугачев, показывая на жену.

— Я ее никогда не видывал, — сказал Кутейников.

— Выведите его и завтра повесьте, — приказал Пугачев.

Но прежде чем повесить Кутейникова, Пугачев приказал пытками заставить его изменить присяге и передаться на сторону самозванца. Сначала грозили его повесить, но Кутейников промолчал; тогда обещали его расстрелять, потом четвертовать и, наконец, отрезать пятки и вытянуть из ног жилы. Кутейников ничего не отвечал Пугачеву. Тогда Пугачев приказал казанскому татарину пристрелить Кутейникова. Кутейникова вывели из обоза, перевели через буерак, посадили в поле и татарин стал стрелять в него. Три раза ружье татарина давало осечку, и Кутейников ожидал смерти. На четвертый раз татарин стрелял в Кутейникова в упор, в левый бок. Кутейников свалился в овраг и два часа пролежал без чувств. Когда он очухался, Пугачев ушел уже к Царицыну. Полумертвый донской полковник был найден двумя казаками, уходившими от Пугачева, и доставлен ими в Качалинскую станицу.

Между тем Царицын отстоялся от пугачевской толпы и Пугачев пошел по Волге к Черному Яру.

Передававшиеся на его сторону донцы скоро узнали его. По лагерю пошли разговоры, что Пугачев их донской казак, бывший в прусскую войну хорунжим. Донцы, убедившись, что "конечно, он не государь", стали уходить из лагеря самозванца. И вскоре ни одного донского казака уже не было с Пугачевым. Сомнение зародилось в толпе. Стали рассказывать, что во время переговоров с царицынцами один донской казак, стоя на валу, кричал Пугачеву: "Здорово, Емельян Иванович!" Заметили и то, что Пугачев сторонился донских казаков и, проходя мимо них, отворачивался.

Пугачев, чуя недоброе, спешил к Яику. За ним шел генерал Михельсон и с ним несколько донских казачьих полков. Донцы решили возможно скорее известить изменника, порочившего честное имя донского казака.

В самом стане Пугачева началось просвещение умов. Яицкие казаки увидали, в какой позор их вовлек Пугачев, схватили его и выдали русским войскам. Скованного по рукам и по ногам Пугачева в большой клетке привезли в Москву. Сопровождал его генерал Александр Васильевич Суворов. В Москве Пугачев признался во всех своих злодеяниях. Выведенный на казнь, Пугачев перекрестился, сделал несколько земных поклонов, кланялся в землю народу и говорил прерывающимся голосом: "Прости, народ православный, отпусти мне в чем я согрубил перед тобою! Прости, народ православный!" — Потом кинулся на плаху. Палач отрубил ему голову.

Казаки через правившего всем югом России Потемкина просили императрицу о перенесении Зимовейской станицы на другое место. Просьба их была исполнена. Станицу перенесли на другой берег реки и назвали Потемкинской. Самый род Пугачевых был переименован в Сычевых, и на Дону не осталось ничего, что напоминало бы об этом изверге, опозорившем войско Донское.

Тогда же последовал указ о переименовании города Яицка, где больше всего было изменников, в Уральск, реки Яика — в Урал и Яицкого войска — в войско Уральское.

Императрица в награду войску за его ничем не поколебленную верность и помощь, оказанную при преследовании Пугачева, приказала выслать в Москву 65 человек казаков, "самых лучших и способнейших в оборотах казацких". Выбранные казаки должны были прибыть в Москву к январю 1775 года и составить почетный конвой Императрицы; впоследствии они переведены были в Петербург, составили лейб-гвардии казачий эскадрон и послужили основанием первому донскому гвардейскому полку — Лейб-гвардии Казачьему Его Величества полку.

В то же время и на Дону нашли необходимым иметь у атамана всегда под рукой надежный и хорошо обученный полк постоянной службы. По приказанию Потемкина, заведовавшего тогда всеми казачьими полками, атаманом Иловайским был собран из всех станиц тысячный полк, получивший наименование Атаманского.

Из конвойной команды императрицы Екатерины II образовался, таким образом, Лейб-гвардии Казачий полк, а войска Донского Атаманский полк потом сделался Лейб-гвардии Атаманским Государя Наследника Цесаревича полком.

37. Казаки на Кубани

Из Дона через станицы Раздорскую и Цымлянскую шла большая дорога в Задонскую степь и на Кубань. Раньше по этой дороге ходили казаки искать добычи в кубанских степях и в Кавказских горах, по этой же дороге приходили на Дон за добычей и пленными татарами. Не один казак томился в плену у закубанских татар и не одна черкешенка была увезена оттуда же казаками и стала казачьей женой. Это был широкий боевой путь. Здесь, на границе, и во времена Екатерины война была всегда. Здесь научались воевать донские казаки и с этой линии вышли почти все донские герои. Казак, попадавший сюда на службу, сразу обучался и вниманию и осторожности. Эта линия была школой храбрецов. Раньше на нее шли казаки охотой, собираясь станицами, или ватагами. При императрице Екатерине Великой по этой линии были поставлены казачьи полки. Они должны были не допускать никакого прорыва в русские города, на них лежала священная обязанность охранять дома казачьи, казачьи станицы и городки.

Против казаков стояло дикое и храброе племя закубанских татар. Ловкие и смелые, как хищные звери, подкрадывались они к казачьим бивакам, нападали неожиданно, и казакам нужно было иметь особенное искусство, чтобы не поддаться этим атакам. Их лихие наездники — джигиты, их начальники — уздени, не раз похвалялись пройти весь Дон, снести с лица земли все городки казачьи.

Про это у казаков и песня была сложена:

На усть, было, батюшки тиха Дона
Не черные вороны в стадо слетались,
Собирались, съезжались в круг донские казаки;
Среди круга стоит золотой Царский бунчук,
Под бунчуком стоит стулечко распущенное,
На стуле сидит войсковой наш атаман.
Не золотая то трубочка вострубила
И не серебряная речь возговорит:

— Вы други, мои други, вы донские казаки!
Вы послушайте мои други, что я буду говорить:
Хвалится, похваляется Закубанский Большой хан,
Он хвалится, похваляется на тихий Дон побывать
И батюшку, славный тихий Дон, насквозь пройти,
А матушку, широку Волгу, в обретки перебресть,
Як-то, славный город, он шапками заметать!
Неужто у нас не стало на тихом Дону казаков?
Неужто они не станут за отцов своих, матерей?
Неужто не станут за жен своих, за детей?

И казаки грудью вставали за тихий Дон. Здесь, в Закубанье, казачья кровь лилась рекой. В 1773 году крымский хан Девлет-Гирей, чуя погибель Крыма, покоряемого русскими войсками Долгорукого, возмутил кубанских татар, и они стали собирать большую рать.

В это время на Кубань шел обоз. Везли казакам на линию провиант и припасы, ехали переселенцы на новые места, гнали скот, верблюдов. Этот огромный обоз вел полковник Бухвостов с двумя полками казаков — Матвея Платова и Ларионова, и двумя пушками.

В авангарде шли Платов и Ларионов. Была ранняя весна, степь зацвела. 3 апреля полк Платова расположился на ночлег в глухой степи у р. Калалах, недалеко от Ейска. Стих гомон казачьих голосов, лошади поели корм и дремали, переминаясь с ноги на ногу. Платов, молодой 23-летний полковник, только что устроился спать, как к нему в палатку заглянул старый, не раз бывавший в закубанской степи казак.

— Матвей Иванович,— тихо сказал он,— подь сюда на минутку.

Платов быстро оделся и вышел с казаком в открытую степь.

— А ну, приляг ухом к земле,— сказал Платову казак.

Платов прилег.

— Ну, что слышишь, Матвей Иванович?

— Слышу какой-то шум, похожий на крик птиц,— сказал, приподнимаясь, Платов.

— Да разве птица кричит в темную ночь? Она сидит смирно,— сказал старый донец.

— Так что же это такое? — спросил Платов.

— А вот что. Неприятель недалеко. Он стал лагерем, разложил огни, на свет поднялась птица и кричит. По большому крику надо полагать, что огней много, значит много и басурман. Теперь нужно держать ухо востро и ждать на заре нападения. Поживешь, Матвей Иванович, довольно — узнаешь и больше.

Платов выслушал слова сметливого казака, тихо прошел в лагерь, поднял свой полк, окопался, составил повозки внутрь своего бивака и стал ждать нападения. На рассвете появилась

орда. Девлет-Гирей с 20000 всадников надвигался на полки Платова и Ларионова, окопавшиеся в степи. Послали двух казаков с донесением Бухвостову. Один тут же был убит, другой ускакал благополучно.

Поднявшееся солнце осветило пеструю орду татарскую. Красные и белые чалмы, пестрые куртки татар цветным ковром облегли казачий лагерь. Среди этой толпы серебряными искрами сверкали панцири, сделанные из стальных цепочек, кавказских рыцарей из Кабарды. Они гарцевали на легких лошадях подле самых окопов, метали стрелы и пронзительно кричали. Все поле было покрыто всадниками.

Ларионов был старше Платова, но Платов, видя колебания товарища, взял командование на себя и решил отбиться от неприятеля во что бы то ни стало. Семь раз атаковали татары лагерь Платова и семь раз две его пушки и дружные залпы казачьих ружей отбивали их натиск. Много полегло казаков за валами, многие были изранены; укрепление было разбито в нескольких местах, повозки поломаны. Треть лошадей, стоявших в середине окопа, были перебита. Отчаяние охватило казаков. Патронов было мало, солнце наступившего дня пекло невыносимо, нечем было утолить жажду, и помощь не шла ниоткуда.

Задумчивый и печальный стоял при своем полку полковник Ларионов. Вдруг он подошел к Платову.

— Матвей Иванович,— тихо сказал он,— нам придется сдаться. Сопротивление бесполезно. Мы зря погубим казаков.

— Нет! — решительно сказал молодой полковник.— Пускай лучше я умру с честью и славою, чем отдамся врагу на поругание, к стыду моего отечества. Что будет, то будет. Я надеюсь на Бога. Он не оставит нас без помощи!

И снова казаки стали заряжать ружья и выстрелами отбивать приближавшихся татар. И вдруг раздался радостный крик:

— Пыль вдали! Это наши.

И, действительно, вдали показалась колонна. Вот передние сдержали скок своих лошадей, перевели их на рысь, вот задние надвинулись и широкая казачья лава развернулась и понеслась на татар. Это был полк Уварова.

"На коней!" — крикнул воодушевленным голосом Платов — и его казаки и казаки Ларионова выскочили из укрепления и бросились на татар. Атакованные с двух сторон казаками татары кинулись наутек, в степь. Казаки их преследовали. Так скакали татары пять верст, когда неожиданно налетели на гусарский полк Бухвостова, принявший их в шашки. Все поле покрылось убитыми. Кабардинские лошади, лишившись

всадников, носились со ржанием по полю. Казаки отлавливали их.

Победой над татарами на р. Калалах казаки были обязаны молодому своему герою — Платову.

Казацьи полки остались на линии. В 1770 году к ним приехал генерал Суворов. По его указаниям вдоль Кубани, до самого устья ее было построено 4 крепости и 20 небольших укреплений — редутов. Их оберегали солдатские и донские полки. Казацьи полки приходили и уходили, сменяясь чуть не ежегодно. И каждому полку приходилось сразиться хоть раз с черкесами и татарами, которые не оставляли в покое нашей линии. Особенно усилили они свои нападения в 1777 году. Тогда линию охраняли два казачьих полка: Кульбакова и Вуколова. Они были растянуты по постам. На каждом посту стояло по тридцати человек при старшем. Казаки построили вышки для часовых. Выставляли часового, подчаска, посылали дозоры. Ночью высылали дозоры и закладывали секреты. Здесь, в Кубанской степи, в постоянной опасности от врага, казаки составили способ охранения линий. Их способ потом вошел во все наши уставы полевой службы, был принят и за границей. И теперь мы охраняем себя так, как придумали охранять себя наши деды во время службы на Кубанской линии, во времена Суворова и Платова.

6 июня 1777 года с Темрюкского поста донесли, что там видели лодку, быстро исчезнувшую в камышах. Доносивший хорунжий сообщил, что, вероятно, будет нападение, но потом прислал вторичное донесение, сообщая, что все спокойно. Но Кульбаков знал, что на Кубани ничто не случается зря и появление лодки что-либо обозначает. Он захватил с собою 200 казаков и эскадрон гусар и к ночи пришел к Темрюкскому посту. Ночь была бурная. Ветер шумел ивами и прибрежными камышами, вода бурлила и плескалась в Кубани. Усталые казаки позаснули под вой ветра. Ночью надвинулась мелкая хмара. В пяти шагах ничего не было видно.

Вдруг раздались отчаянные крики и стоны. 500 черкесов напали на сонный бивак. Но Кульбаков громким голосом привел казаков в порядок, казаки сели на лошадей, не расседланных с вечера, бросились на черкесов и прогнали их за Кубань. Все дело продолжалось четверть часа. Черкесов порубили достаточно. 20 тел черкесских осталось на нашем берегу, да неизвестно сколько увезли, по своему обычаю, черкесы за реку. Но и казаки потеряли убитыми есаула Персидского и 5 казаков, и ранеными есаула Попова, хорунжего Кондратова и 26 казаков, и 2 пропали без вести.

В октябре месяце в таком же нападении казаки потеряли полковника Вуколова и много убитых и раненых казаков.

Одни говорили, что Вуколова лошадь занесла к черкесам, другие, что он утонул в Кубани. Казаки сулили черкесам выкуп за своего полковника, но не отыскивали его.

Иногда татары собирались большими толпами и, прорвав линию застав, устремлялись на Дон. Так в 1782 году ногайцы громадною толпою бросились за Кубань и вошли в задонскую степь. Живо собрались донцы на защиту своих домов. Три полка — Себрякова, Ильи Денисова и Петра Попова открыли их на Куго-Ей и 10 сентября нанесли им жестокое поражение.

Атаман Иловайский, донеся об этом Потемкину, писал, что необходимо предпринять казакам поход за Кубань и разорить ногайское гнездо.

Для разгрома ногайских орд был назначен Суворов. В его отряде находилось 16 рот пехоты, 16 эскадронов, 16 орудий и 16 донских полков под командою атамана Иловайского. С Иловайским пошли полки: Атаманский, Себрякова, Денисова, Кутейникова, Яновского, Сычева, Попова с донскими пушками, Денисова, Кульбакова, Грекова, Харитоновна, Барабанщикова, Леонова, Пантелеева, Исаева и Астахова.

1 октября 1782 года отряд подошел к урочищу Керменчик и здесь казаки увидели многое множество татарских аулов* и большие толпы ногайцев. Донские полки атаковали татар. Началась страшная сеча, продолжавшаяся с рассвета почти до полудня. Ногаи бежали. Казаки подожгли их аулы, ворвались на улицы, забрали пленных, женщин, лошадей и скот. В этом разгроме 5000 татар было убито, 4000 взято в плен. Казаки получили 3 тысячи лошадей, 4 тысячи голов скота и более 2 тысяч голов овец.

Суворов, не раз бывавший в делах с казаками, первый раз видал работу почти всего войска. Он был восхищен.

"Храбрость, стремительный удар и неутомимость Донского войска, — писал он Потемкину, — не могу довольно восхвалить перед Вашей Святостью и Государынею Императрицею".

Атаман Иловайский был награжден чином генерал-поручика и орденом св. Владимира 2-й степени, полковники — Илья Денисов, Федор Денисов и Михаил Себряков — пожалованы в бригадиры. Все старшины произведены в полковники.

На место разгромленной татарской орды в 1792 году были поселены запорожские казаки** и донские охотники, они

---

* Аулом называется деревня татар.

** Донцы называли их черкасами.

поставили 40 куреней и заложили крепость Екатеринодар. Войско это было названо Черноморским казачьим войском. Впоследствии они составили Кубанское казачье войско.

С устройством Черноморского войска в Задонской степи стало совершенно спокойно. Станицы Раздорская и Цымлянская, бывшие раньше на самом боевом пути, стали на пути торговом, через них потянулись гурты скота и торговые караваны за Кубань и обратно.

Но донским казакам еще много и долго пришлось воевать на Кубани.

С этого времени, в течение почти двадцати лет донцы становятся неразлучными спутниками и боевыми товарищами знаменитейшего полководца русского Александра Васильевича Суворова. С этого времени Суворов в походах и боях ездит не иначе, как на казачьей лошади и в казачьем седле, с казачьей нагайкой в руках. Эта плеть казачья служила Суворову в сражениях вместо фельдмаршальского жезла. С нею он не расставался.

С этого же закубанского набега Суворов не расстается с донским казаком Иваном. Этот Иван неотступно сопровождал Суворова во всех походах. Он был телохранителем великого полководца, он был бессменным ординарцем, он был и вестовым и денщиком. Никто не знал его фамилии, не дошла она и до нас, но донского казака Ивана знали все страны, которые проходил Суворов, его знали императоры и короли.

38. Суворов

Александр Васильевич Суворов был русским и родился в Москве 13 ноября 1730 года. В продолжении почти всей своей боевой деятельности он был окружен донскими казаками. Они учились у него той "науке побеждать", которой Суворов знаменит не менее, чем самими победами. Может быть, и сама наука побеждать сложилась у Суворова, отчасти, благодаря донцам. В них он видел всегдашний порыв вперед, желание наступать и завоевывать, а не отступать и отдавать свое.

Еще ребенком Суворов любил все военное. Едва он научился читать и писать, едва справился с иностранными языками, как уже принялся читать книги, в которых описывались войны, победы древних, жизнеописания великих полководцев. Он мечтал быть солдатом. Выше солдатского дела он не признавал ничего. 15-летним мальчиком его мечты сбылись. Он поступил рядовым в Л.-Гв. Семеновский полк. С увлечением отдался он солдатской службе. Не было солдата в полку исправнее рядового Суворова. Первую награду свою Суворов получил мальчиком-солдатом. И до глубокой старости гордился он этою наградю. Он был первым генералом-фельдмаршалом, имел все ордена русские и иностранные, а с удовольствием вспоминал о той награде, которую он получил солдатом. А получил он ее за отличное знание караульной службы. Однажды летом Семеновский полк содержал караулы в Петергофе, в тридцати верстах от Петербурга. Суворов, наряженный в караул, стоял у дворца императрицы на часах. Когда мимо проходила императрица Елизавета Петровна, Суворов так лихо взял на караул, что императрица остановилась, посмотрела на него и спросила, как его зовут. Узнав, что он сын генерала Василия Ивановича Суворова, императрица вынула из кармана серсбряный рубль и подала ему.

— Государыня! — сказал мальчик. — Не возьму! Закон запрещает солдату брать деньги, стоя на часах.

— Молодец! — ответила императрица, потрепала его по щеке, дозволила поцеловать руку и положила рубль на землю, сказав: "Возьми, когда сменишься!"

Этот рубль Суворов берег всю жизнь.

В казармах Суворов жил среди солдат, сиживал за их обедом, беседовал с ними у бивачных огней. Он знал солдата и любил старого солдата, служившего в рядах по двадцать лет. Он умел говорить с солдатами так, что те его сразу понимали.

После Семилетней войны, где Суворов познакомился с донскими казаками, он получил в командование Суздальский полк. Он учил его по-своему. Тяжелы были его ученья солдатам, но солдаты понимали их и любили.

— Солдат любит ученье, — говаривал Суворов, — тяжело в ученье — легко в походе; легко в ученье — тяжело на походе.

От солдата Суворов требовал любви к Богу и к матушке государыне, слепое повиновение начальникам, пониманис своего маневра. "Слов "назад", — говаривал Суворов, — и "отступить" и в словаре нет, широкий шаг ведет к победе, а победа к славе". Суворов и командиром полка сам то же делал, что и солдаты, умел все показать, всему научить. Он был и майор, и адъютант, и ефрейтор.

Суворовский полк скоро заметили, стали отличать и Суворова. Ему было поручено проводить взятого Пугачева, его назначали всюду, где было опасно. Он устраивал покоренную Финляндию, его же мы видали и на Кубани. И везде он учил солдат и казаков делу.

При взятии городов и крепостей он говорил своим войскам: "В дома не забегайте, неприятеля, просящего пощады, щадите; безоружного не убивайте; с бабами не воевать; малолетков не трогать. Кого из нас убьют — царство небесное, живым — слава! слава! слава!"...

В боях одевался он просто и бедно. Да ведь так делали и казаки! На биваке спал на соломе, накрывался стареньким темно-синим плащом, который солдаты называли родительским.

Терпеть не мог Суворов, когда ему отвечали "Не могу знать". "Немогузнайки, лживки, лукавки" — этих он не любил. Этим наград не было. Только раз немогузнайка порадовал Суворова. Дело было так: однажды при объезде войска Суворов встретил одного молодого кавалерийского офицера. "Что такое отступление?" — спросил он его.

— Не могу знать, — отвечал офицер

Суворов нахмурился.

— В нашем полку это слово неизвестно, — продолжал офицер, — я его там никогда не слышал.

— Хороший полк, — сказал Суворов, — очень хороший полк. Первый раз в жизни немогузнайка доставил мне истинное удовольствие.

Суворов воспитывал солдат в сознании ими долга. "Долг к императорской службе, — говорил он, — столь обширен, что всякий другой долг в нем исчезает. Родство и свойство мое с долгом моим: Бог, Государыня, отечество". Он горячо любил Россию. "Горжусь, что я русский", — говорил он.

Суворов любил войну: "Одно мое желание, — говорил он, — кончить Высочайшую службу с оружием в руках".

С детства Суворов отличался набожностью и благочестием. Библия и евангелие были его любимыми книгами, за ними, да в церкви он отдыхал от боевых трудов.

Суворов был храбр. Много раз он был ранен, вылечивался, часто без доктора, без перевязки, и снова шел в бой, навстречу опасности.

Суворов был величайшим полководцем России и всего мира. Он ни разу не был побежден. Где был Суворов, там была и победа. Донцы, вступавшие в ряды русской армии, имели своим учителем вождя непобедимого... С ним они учились победам. Только одним победам! Но особенно отличались донцы с Суворовым во вторую турецкую войну, в войну с поляками и в итальянском его походе.

Много песен поют казаки про Суворова, вспоминают в этих песнях его смелые походы за Кубань и в Турцию.

39. Вторая Турецкая война. Кинбурн

1787—1791 гг.

1783 году императрица Екатерина Великая объявила Крым русскою губернией. В то же время и Кубань вошла в пределы России. Такое большое расширение Российского государства возбудило зависть в наших врагах. Англичане и немцы стали уговаривать турецкого султана объявить войну России. Четыре года колебался султан, наконец, осенью 1787 года, начал военные действия против русских. 5000 отборных турецких войск высадились на Кинбурнскую косу, где в крепости Кинбурн находился Суворов. У Суворова войска состояли из пехоты, легкой конницы — драгун, и с ним же было три казачьих полка: Орлова, Исаева и Иловайского. Казаки и драгуны стояли лагерем, верстах в 30-ти от крепости.

С рассветом, 1 октября, турки начали обстреливать крепость. На страшную бомбардировку Суворов приказал не отвечать ни одним выстрелом. В 9 часов утра турецкие корабли подошли к косе с двух сторон и на самом конце косы начали высаживаться. Первыми подъехали на лодках запорожские казаки, бежавшие в Турцию, и начали выходить на берег. Донцы приняли было их за своих, бежавших из плена, но увидав, что они под начальством турецких пашей, атаковали их и пиками прогнали опять на лодки. В глубоком молчании встречала русская крепость турецкие войска. Лодка подходила за лодкой, полки устраивались, свозили лошадей, пушки, а из крепости не раздавалось ни одного ружейного, ни одного пушечного выстрела. Звонили только в церкви колокола по случаю праздника Покрова Пресвятыя Богородицы. Там с офицерами молился Суворов. Туда доставляли ему и донесения с берега. Донесения эти делались все тревожнее и тревожнее: сила турецкая росла непомерно.

Зазвонили к "Достоинно". Опять пришли к Суворову офицеры и стали докладывать, что турки готовятся к штурму. Последние их полки выгружаются на берег.

— Не прикажете ли открыть по ним огонь? — спросили Суворова.

— Нет. Подождем: пускай все повылезут,— коротко отвечал Суворов.

Турки высаживались с ломами и лопатами и сейчас же по высадке начинали рыть окопы, насыпать мешки с землею.

Суворов устроил свою пехоту в две линии. Кавалерия стала левее пехоты и впереди ее поместились казачьи полки.

После полудня турки, на глазах у русских, помолились и стали приближаться к крепости. Около трех часов дня они подошли на 200 шагов к передовому рву, и тогда, по приказу Суворова, был дан залп изо всех орудий и наша пехота пошла на турок. Казаки пустились рысью в объезд турецких полков. Донцы налетели на турецкие штурмовые колонны, состоявшие из людей, несших лестницы для того, чтобы взбираться на стены Кинбурна, перекололи пиками турок и убили полковника — агу, который их вел.

В это время пехота, Орловский и Шлиссельбургский полки, несмотря на страшный огонь с турецких кораблей, осыпаемые сотнями ядер, бросились в штыки на турок. И впереди их на казачьей лошади — Суворов. Под ним убили лошадь — он пошел пешком. Пехота забрала подряд три окопа, коса стала узкой, все перемешалось. Пушки турецкие перестали стрелять: можно было перебить своих. В тяжелом молчании грудь с грудью дрались орловцы и шлиссельбуржцы с турками. В это время показались турецкие янычары. В белых чалмах и куртках, с кинжалами в зубах, прочищали они острыми кривыми саблями дорогу среди русских солдат. Суворов послал за резервом.

Подошли новые полки, и на тесной косе пошла всеобщая свалка. Тесными янычарами, наши пехотинцы подались назад. Суворов остался один, без лошади, окруженный турками. Турки бросились на него. Но храбрый русский солдат, гренадер Новиков, увидав Суворова одного, бросился ему на выручку, одного турка застрелил, другого заколол. Увидали Суворова и другие солдаты. Кто-то крикнул: "Братцы, генерал остался впереди".

Все повернули и снова ударили на турок. Обстреливаемые с судов ружейным огнем, дрались наши войска. Уже темнело. В самую свалку подоспели казаки и петербургские драгуны* . Тесно было драться. Наши напирали на турок и сталкивали их в воду. В это время Суворов был ранен в левую руку пулей навывлет. Верный его ординарец, казак Иван, с другими казаками подхватил его и отнес в сторону. Здесь донской есаул Кутейников персвязал ему своим галстуком рану.

---

* Теперь это 2-й Петербургский уланский полк, который состоит в 1-й кавалерийской дивизии и служит вместе с 1-м Донским Суворова полком.

— Помилуй Бог, благодарю,— воскликнул Суворов,— помогло, тотчас помогло! Прогоним, богатыри, всех турок в море — и раненых и здоровых.

И Суворов бросился снова в бой.

Но велика была сила турецкая. Среди ожесточенных янычар сновали турецкие монахи-дервиши, возбуждая турок к яростному нападению. Огонь из пушек с турецких судов косил наши полки, стоявшие в резервах. Кривые сабли сверкали в надвигавшихся сумерках, русские устали колоть, патронов не хватало, наступало тяжелое время. Турки подавались вперед и вперед. В эту трудную минуту Суворов обратился к находившемуся при нем донскому есаулу Краснову и приказал ему привести последние резервы.

Краснов прискакал к батальону, стоявшему далеко сзади, и хотел передать приказание Суворова командирам, но все офицеры были перебиты или ранены, некому было вести солдат в бой.

— Друзья! — воскликнул тогда Краснов.— Суворов приказал ударить в штыки! Ура!..

И он повел батальоны на окопы, уже занятые турками. Начался страшный штыковой бой. Краснов был ранен в ногу, но продолжал сражаться. За этими свежими войсками помчались еще раз в атаку казаки. В темноте среди прибрежных кустов, между убитыми и ранеными, фыркая и храпя, пробирались казачьи лошади и у самой воды наткнулись на отступавших турок.

Сбитые со всех позиций турки бросились в море. Кто умел плавать — тот поплыл на корабли, кто не умел плавать — сидел всю ночь по горло в воде, спасаясь от выстрелов, которые нет-нет, да и раздавались с нашей стороны, огоньками вспыхивая в ночной темноте и гулками ударами разносясь над морем.

Около 2000 турок пало в этом страшном рукопашном бою, мы потеряли около 1000 человек.

На другой день, 2 октября, на поле битвы были собраны все участники славного боя. Вынесли аналой, раздалось молебное пение. Бледный от раны Суворов горячо молился со своими войсками.

Кинбурн, отстоять который в России считали невозможным, так слаб он был своими укреплениями, был силен Суворовым и его лихими гренадерами, драгунами и донскими казаками. Слабый отряд его победил турок, и город, над которым был однажды поднят русский флаг, не спустил его, не сдался перед громадными полчищами турок.

40. Измаил

11 декабря 1790 г.

ва года тянулась война с турками. Много славных побед одержали русские войска за эти два года. Мы взяли крепость Очаков, под Рымником Суворов совершенно разбил турецкую армию и за эту победу был пожалован императрицей Екатериной II наименованием Рымникского. Начался третий год войны — 1790-й. Русские войска дошли до Дуная. Нам нужно было взять крепость Измаил.

Со взятием этой крепости погибла бы и вся турецкая армия, которая в ней заперлась.

Донские полки, бывшие в эту войну под начальством походных атаманов — Денисова, Орлова, Платова и Исаева, обезлошадели. Многие полки должны были, по приказанию главнокомандующего Потемкина, отдать не только своих лошадей, но и оружие, гусарам, другие потеряли лошадей во время тяжелого похода. И вот, под Измаилом, в числе 30-тысячного русского корпуса было 13000 пеших донских казаков, вооруженных одними пиками. Про это тяжелое, безлошадное время на Дону и песня сложилась:

Ах ты, батюшка, воеводушка!
Ты за что на нас прогневался?
Или сделали тебе изменушку,
Изменушку, переменушку?
Ты зачем у нас коней побрал,
Ты коней побрал, по полкам раздал,
Ты по тем полкам, по гусарским?
Ты полковничка у нас разжаловал,
Есаулушков на часы ставил!
Аль мы в чем тебе прослужились?
"Я затем у вас коней обрал,
Я коней обрал, по полкам раздал,
Что во всех полках кони выпали,
Генералушки все приопешали,
Канонерушки пешком идут,
Они лямочки на плечах несут,
А орудия на себе вдут!"

В тяжелом состоянии была армия наша, стоявшая под Измаилом. Был ноябрь месяц, лили дожди, всюду была грязь непролазная. От непогоды солдаты хворали. Осада затягивалась. Нужно было взять крепость приступом, но Измаил, великолепно укрепленный французским инженером, имевший более 200 орудий и 3000 защитников, всеми считался крепостью неприступной.

Потемкин, ведший осаду крепости, вызвал к себе Суворова. Суворов находился при армии в 100 верстах от Измаила. Получив приглашение идти к Измаилу, Суворов 30 ноября выехал в сопровождении 40 казаков. Время было дорогое. Суворов оставил свой конвой и в сопровождении верного Ивана, везшего в узелке вещи главнокомандующего, приехал к Измаилу.

Осмотревшись, Суворов увидел, что от него требовали невозможного. Крепость была, действительно, неприступная. Начальником ее был поседелый в боях Айдос-Мехмед паша, человек твердый и бесстрашный. У нас же не было даже осадных пушек, боевых припасов было мало, в продовольствии был недостаток. Взять крепость предстояло почти голыми руками, открытым приступом.

Суворов начал к нему готовиться. Закипела работа повсюду. Заготавливали 40 штурмовых лестниц и 2000 больших связок хвороста, называемых фашинами, для закидывания рвов. Суворов непрерывно объезжал полки, разговаривал с солдатами.

— Валу Измаила высоки, — говорил он им, — рвы глубоки, а все-таки нам нужно его взять. Такова воля матушки Государыни.

— С тобой возьмем, — спокойно и уверенно говорили солдаты Суворову.

По ночам шли ученья. Солдаты штыками, казаки пиками кололи связки хвороста, изображавшие турок.

7 декабря Суворов послал начальнику крепости краткую записку с предложением сдать Измаил: "Сераскиру*, старшинам и всему обществу, — писал Суворов. — Я с войсками сюда прибыл. Двадцать четыре часа на размышление — воля; первый мой выстрел — уже неволя; штурм — смерть. Что оставляю вам на размышление".

"Скорее Дунай остановится в своем течении и небо упадет на землю, чем сдастся Измаил", — говорили турки.

Сераскир отвечал отказом.

Суворов ожидал до 9-го числа. Белое знамя — знак сдачи и покорности — не показалось над стенами крепости, и Суворов

---

* Сераскир — так назывался турецкий главнокомандующий.

9 декабря собрал военный совет. На совете этом было 13 генералов. Младший из них был походный атаман, донской бригадир Матвей Иванович Платов. Суворов коротко рассказал всем, в каком положении находятся войска, объяснил всю опасность штурма и предложил каждому, начиная с младшего, сказать, что хотят они делать с Измаилом.

Платов встал и громко и отчетливо сказал:

— Штурмовать!

За ним повторили это же слово и все остальные; Суворов всех перецеловал, вышел из палатки и отдал приказ о подготовке к штурму.

— Сегодня молиться, — говорил Суворов командирам полков, — завтра учиться, послезавтра или победа, или славная смерть!

На 11-е декабря был назначен приступ всех войск. Шесть колонн было приготовлено для атаки с сухого пути и три колонны с резервом — со стороны Дуная для высадки.

Платов командовал пятой колонной. Казаки шли в этом штурме наравне с пехотой, пешком, вооруженные легкими, укороченными пиками. Часть их была совсем без оружия. Они несли лестницы и фашины. Казачья колонна была разделена на две части. Одной командовал Платов, другой — Орлов.

Ночью были вызваны охотники идти вперед с фашинами и засыпать ими рвы. Вышли отчаянные казаки. За ними построились полки с пиками. В полночь, молча и тихо подошли колонны к крепости и ожидали сигнала.

Стояла зимняя темная, беззвездная ночь. В глубоком волнении, с молитвой в сердце, ожидали донцы сигнала для штурма. И вот, шурша, взлетели в воздух ракеты и разорвались где-то высоко в темном небе. Казаки побежали ко рвам. У самых рвов турки их встретили картечным огнем. Многие тут упали убитыми и ранеными. Но казаки шли вперед за своими командирами. Они спустились во рвы, живо приставили лестницы, по лестницам кинулись казаки и офицеры. Одними из первых взобрались на стены Платов, Орлов, Адриан Карпович Денисов, войсковой старшина Иван Иванович Греков и Краснов. Турки встретили их ручными ядрами и быстрою стрельбой из ружей. Турецкими ятаганами * пики были обращены в щепы, и казаки, многие без оружия, были сброшены обратно в ров и здесь столпились. Тогда Платов схватил из руки лестницу, снова приставил ее к стене и с криком: "С нами Бог и Екатерина! Товарищи, за мной!" —

---

* *Ятаган* — кривая турецкая сабля. Турки владели ятаганами мастерски и в пешем и в конном строю.

первый полез на стену. Дрогнувшие и перемешавшиеся в тесном рву казаки живо разобрались по полкам, опять приставили лестницы, и неудержимым потоком перекинулись через стену. Началась страшная рукопашная схватка. Безоружные казаки выхватывали ружья у турок и штыками прокладывали себе путь.

В одном месте целый отряд казаков был окружен янычарами. С изрубленными пиками, без шашек, казаки гибли под ударами турецких ятаганов. Им нечем было обороняться. Но на выручку им прибежал батальон егерей, опрокинул янычар и выручил донцов. Казаки похватили турецкие ятаганы у убитых турок и бросились для нового боя, мстить за убитых товарищей.

"С нами Бог и Екатерина!" — раздавались голоса в тесных улицах. Все больше и больше покрывались они трупами. Хмурое зимнее утро застало крепость в руках русских. Бой перешел в улицы. Из домов стреляли турки, каждая большая постройка, гостиница — были как новая крепость. Особенно трудно было казакам, не имевшим ничего, кроме пик. И с одними пиками бросались они на дома, врывались в тесные переулки, гибли и побеждали! К часу дня войска достигли середины города. Во всех улицах турки были перебиты, зашинились только в главной мечети, двух гостиницах и срединной крепости Табия. Наконец, и они сдались.

Начальник крепости, старый Айдос-Мехмед заперся с 2000 янычар в каменной гостинице. Гренадеры Фанагорийского полка ворвались туда, и в тесном дворе произошла страшная свалка. Вывели оттуда и Айдос-Мехмеда. В суматохе боя на него наскочили солдаты и убили его.

В 4 часа дня вся крепость была занята солдатами. С разрешения Суворова солдаты и казаки три дня ее грабили. На другой день был молсбен и начали убирать трупы. Неприятелей было убито в крепости 26000, пленных взяли 9000, женщин, детей и мирных жителей осталось 9000. В крепости было взято 265 пушек, 364 знамени и 7 бунчуков. Около 10000 лошадей досталось победителям. Казакам явилась возможность вернуться на Дон на конях.

Мы потеряли убитыми и ранеными 10000 человек, из 650 офицеров 400 пали при штурме. Войска получили богатейшую добычу, но себе Суворов не взял ничего. Ему привели великолепного, в богатом уборе, арабского коня, но Суворов отказался от него.

— Донской конь привез меня сюда, — сказал он, — на нем же я отсюда и уеду.

— Ваше превосходительство, — сказал Суворову один из генералов, — тяжело будет коню вашему везти добытую вами славу.

— Донской конь всегда выносил меня и мое счастье,— отвечал Суворов.

И солдаты и казаки говорили о нем: "Наш Суворов в победах и во всем с нами в паю, но только не в добыче".

И, действительно, через девять дней, отдав все распоряжения по крепости и назначивши в ней комендантом Кутузова, Суворов, так же бедно одетый, на той же казачьей лошади уехал из Измаила. Сзади него трусил его верный донец Иван с узелком под мышкой. В узелке были сложены мундир и амуниция Суворова. Иван был так же бескорыстен, как и его генерал.

Нельзя было достаточно надивиться мужеству казаков при штурме Измаила. В пешем строю, с одними пиками, почти безоружные шли они на каменные твердыни и одолели свирепого врага.

За эту войну войску Донскому пожаловано белое знамя. Большие золотые медали выданы полковнику Иловайскому и есаулу Денисову, каждому с надписью: "За отличную его храбрость при взятии города Измаила и преследовании обращенного в бегу неприятеля". Все прочие офицеры и чиновники получили медали и награды. Казаки увезли богатую добычу.

Война с турками продолжалась еще год. Казаки, под начальством походного атамана Орлова, участвовали во многих делах. В 1791 году в Яссах был заключен мир. По этому миру Россия приобрела очень много земель: теперешние Екатеринославскую, Херсонскую и Таврическую губернии и окончательно укрепились на Кубани.

И со страхом вспоминали турки о казаках, об их смелой атаке, об их лаве, о страшных их пиках. И словами донского сочинителя А. Леонова казаки могли сказать туркам:

Вы узнали нашу лаву,
Наш казачий дружный гик —
И вспомнили отраву
Смертоносных наших пик.
Отчего ж вы, басурманы,
Не обернитесь лицом.
Отчего ж вы ятаганы
Не ударите с копьем?
Оттого, что ваши деды
Вам твердят про казаков,
И про наши встарь победы,
И про старый ваш Азов* .

---

* Из стихотворения Алексея Леонова.

41. Война с поляками

1794 г.

Адриан Карпович Денисов, храбро командовавший казаками при штурме Измаила, особенно отличился во время войны с поляками. Польша в конце царствования императрицы Екатерины II была занята русскими войсками, и в Варшаве, бывшей столице свободного Польского королевства, стояли русские полки. Это очень не нравилось полякам. Они помнили те времена, когда их короли угрожали самой Москве, когда границы Польши захватывали Вильно и Смоленск. Крестьянам польским при русском управлении жилось лучше, но помещики-паны ненавидели русских и ждали случая, чтобы поднять восстание. В 1794 году в Польшу приехал из Америки поляк Костюшко. В Америке он был на войне и прославил себя, как искусный полководец. Вместе со знаменитыми польскими панами он задумал поднять польский народ и истребить все русские войска в Польше.

Донец

4 апреля 1794 года, в ночь на Светло-Христово Воскресенье, поляки вероломно напали в Варшаве на русские войска и перерезали всех офицеров и солдат. Так же они сделали и во всех других городах Польши, где были русские войска. Они назвали этот низкий поступок кровавой заутреней.

Императрица приказала Суворову и Ферзену примерно наказать поляков и привести Польшу в повиновение императорской власти.

Между тем, по всем городам, деревням и поместьям паны собирали крестьян, вооружали их ружьями, пиками и косами, составляли полки, пешие и конные дружины и готовились к страшному кровавому сопротивлению. Всем заведовал и всех учил и ободрял Костюшко.

Польская земля покрыта большими лесами и болотами. Действовать сильными, многолюдными отрядами было нельзя. Да и враг был повсюду. В каждой деревне, в каждом селе была измена. Ни одного ночлега нельзя было провести спокойно.

Разбившись на маленькие отряды, большую часть которых составляли казаки, привыкшие к такой боевой осторожности, русские войска весной 1794 года вошли в Польшу и направились к Варшаве, уничтожая польских бунтовщиков и стараясь захватить главного вождя их, Костюшку.

Казачьими отрядами руководил генерал граф Федор Петрович Денисов.

Много было показано казаками в этой войне подвигов храбрости. Попадая в самые тяжелые, казалось бы, безвыходные положения, казаки делались победителями благодаря своей сметливости, ловкости и отваге.

В середине мая один из полковых командиров, полковник Адриан Карпович Денисов, племянник графа Денисова, получил приказание достать во что бы то ни стало поляков. Он послал разъезд, но разъезд вернулся со многими ранеными, а поляков не привез. Денисов отписал, что взять по заказу поляков он не может, а берет пленных только тогда, когда случай представится.

Но больно было донскому командиру не исполнить приказания начальника. Обидно ему было, что не нашлось у него таких удалцов, которые могли бы выхватить врагов из самого их стана. Печальный ходил Денисов по лагерю. У своей палатки он встретил казака своего полка Быкадорова. Тот отдал Денисову честь и спросил полковника, почему он такой печальный. Денисов рассказал ему в чем дело.

— Позвольте попытать счастье, Адриан Карпович, — сказал Быкадоров. — Быть может, мне и будет удача.

— Что же, попробуй. Бери себе людей сколько хочешь и кого хочешь. Только знай, что дело нелегкое.

— Понимаю, — отвечал Быкадоров и пошел в лагерь.

Быкадоров был человек горячий и гордый. Любил иногда и выпить, хотя в сражении и перед сражением всегда был трезвый. Он выбрал себе в товарищи немолодого уже, тихого, богобоязненного, но очень стойкого казака — Черникова. Они были разных станиц и артелей*, но в бою всегда один выручал другого. Они были очень дружны; кроме Черникова он взял еще одного казака.

Казаки живо поседлали лошадей и поехали — Быкадоров далеко впереди, Черников с товарищем на таком расстоянии, чтобы им только видеть Быкадорова. Быкадоров приказал помогать ему, но если его схватит сильный неприятель, то оставить его, а самим спастись. Перед полуднем два польских конника встретились с Быкадоровым в одной деревне и поскакали от него. Быкадоров погнался за ними. Они проскакали мимо часового и крикнули ему, что за ними погоня. Но часовой зазевался, принял Быкадорова, на котором был синий мундир, за своего, и не сделал выстрела. Быкадоров налетел на него, выхватил у него саблю и пистолеты и далеко отбросил их в сторону. Тем временем подскакали и товарищи Быкадорова, окружили часового, и не успел он опомниться и понять, что происходит, как казаки увели его назад в свой лагерь.

Так казаки действовали и по одному, и по два, и маленькими партиями, показывали свою удаль и смышленость и прославляли имя донского казака. И не было им равных в одиночном бою. Их офицеры показывали пример смелости, находчивости и ловкости. С полковником Денисовым был такой случай: 22 июня у местечка Белобрега Денисов получил от майора Грузинова донесение, что в лесу скрывается неприятель. Денисов пошел за р. Пилицу и стал недалеко от поляков. Вдруг раздались сзади колонны Денисова выстрелы. Неприятельская шайка заняла Белобрега, откуда только что ушел Денисов. Что делать! Впереди 5000-й отряд, который еще не знает о приближении Денисова, сзади — открывший его и тоже большой конный отряд, густой колонной стоящий в деревне. Казаки бросились в реку, переплыли через нее, стремительно атаковали стоявших в деревне и выгнали их вон. Но за деревней был лес и поле, покрытое глубоким, сыпучим песком. Лошади по этому песку не могли быстро скакать, строй смешался и поляки перемешались с казаками. Вдруг Денисов увидал, что один пятидесятник его полка окружен поляками. Денисов бросился ему на выручку. Он заскакал сбоку поляка,

---

* Артель — сотня.

рубившего пятидесятника палашом, и ударил его саблей в плечо. Но удар пришелся как раз в бляху перевязи. Клинок у Денисова был турецкий, очень крепкой закалки. От удара он переломился и в руках Денисова остались рукоятка да небольшой кусок полоски. Поляк, заметив это, остановил лошадь, круто повернул ее и размахнулся, чтобы рубить Денисова. Но Денисов не растерялся. Он с силою бросил поляку в лицо остаток шашки и ошелолил его. Поляк бросился в сторону, Денисов в другую и здесь веткой дерева был сброшен с седла, но не ушибся.

Так в боевых схватках — в рукопашном тяжелом бою — казак выручал офицера, а офицер спасал казака, и все были одинаково озабочены лишь тем, чтобы победить неприятеля.

Трудная это была война. Потому трудная, что всюду была измена, что жители всеми силами помогали восставшим и нельзя было ни на кого положиться.

К осени наши войска прогнали польские шайки за реку Вислу и приближались к Варшаве. Костюшко, собравший 10000 лучшего своего войска, преследуемый Ферзенем, окопался 27 сентября на крепкой позиции у деревни Мацевичи и решил здесь обороняться. На рассвете, 29 сентября, генерал Денисов с 5-ю казачьими полками: Орлова, которым командовал майор Себряков, Лащилина, Янова, майора Денисова и полковника Денисова, с 10 эскадронами драгун и 4 батальонами пехоты шел по одной дороге на Мацевичи, а по другой шел генерал Ферзен с 14 батальонами, 33 эскадронами и 36 пушками.

Граф Денисов, знавший хорошо дорогу, прошел к деревне и, оставив часть полков в лесу, два казачьих полка под команду полковника Денисова послал к польскому лагерю, чтобы достать пленных для допроса. Полковник Денисов послал разъезды, которые напали на неприятельские заставы. Так начался быстрый и решительный кавалерийский бой. Из лагеря на выручку своим выскочили польские эскадроны и атаковали казаков. На полковника Денисова налетел польский всадник и взмахнул над ним палашом, но Денисов своею саблей отбил удар. Поляк хотел ударить второй раз, Денисову удалось отбить и этот удар, но в это время на Денисова наскочил и еще поляк... Тут к Денисову подскочил казак Качалинской станицы Василий Варламов, нацелился в поляка пикой, но не ударил его. Денисов крикнул ему: "Бей!" — и казак проколол поляка, а другой поляк ускакал. Казаку Варламову было всего 19 лет, он первый раз был в бою и немного растерялся.

Между тем, поляки стали преследовать казаков и подошли к лесу. Этого только и нужно было Денисову. Стоявшие лавой

в лесу полки казачьи понесли с гиком на поляков, многих покололи и пятьдесят человек забрали в плен.

В это время подошла пехота и артиллерия, и граф Денисов, приказавши им выстраивать боевой порядок, смело выехал вперед. Его сопровождал полковник Денисов. Оба донца стали недалеко от поляков, и поляки пустили в них ядро. Полковник Денисов стал уговаривать графа Денисова отъехать в сторону.

— Ежели трусишь — поезжай прочь, — сказал ему граф.

Самолюбивый казак выехал тогда еще более вперед. Поляки выстрелили картечью и перебили задние ноги лошади графа Денисова. Полковник Денисов соскочил со своей лошади и подвел ее графу, но граф отказался. Ему подвели заводного коня, он сел на него и поскакал к пехоте.

По его приказанию пехота выдвинулась вперед и открыла стрельбу. Но польская пехота, которой было больше, чем нашей, вышла из-за окопов и скорым шагом пошла на наши войска. Поляки могли охватить наши фланги. Это заметил полковник Денисов и бросился с двумя казачьими полками на их правый фланг. На левый фланг поскакал полковник Вульф с конными егерями. Казаки и конно-егеря старались друг перед другом. Кто храбрее, кто бесстрашнее! Страшная сеча началась. В эту решительную минуту показались колонны генерала Ферзена и Смоленский драгунский полк, бывший у него, поскакал на помощь казакам и конно-егерям.

В разгар боя полковник Денисов быстрым своим казачьим глазом увидал, как какой-то всадник в прекрасной польской одежде на великолепной бурой лошади рысью проехал между казаков и конно-егерей, показал что-то своей пехоте и помчался во весь опор от лагеря. За ним бросились несколько казаков, но он ранил их и успел доскакать до своей конницы.

"Наверное, это Костюшко", — подумал Денисов, подозвал к себе майора Карпова, нескольких офицеров и казаков и приказал им бросить взятые ими пять пушек, рассыпать сотни четыре казаков и искать этого всадника.

Бой кончился. Польское укрепление было занято нашей пехотою, по всем направлениям бежали пешие и конные поляки. Денисов погнался за ними и увидел, что поляки уходят по трем дорогам. Денисов разделил и свой отряд на три части. Карпову приказал гнать прямой дорогой, Нечаеву приказал идти вправо, а сам пошел влево. Всем казакам Денисов строго приказал, чтобы они без Костюшки не смели возвращаться.

Казаки поскакали в разные стороны, а Денисов остался на некоторое время у деревни.

Дороги в Польше огорожены от полей легкими деревянными заборами. Несколько казаков, доехав до перекрестка,

увидали, что на углу двух дорог забор поломан и видны следы копыт. Они поскакали по следу и вскоре заметили несколько человек на прекрасных лошадях. Казаки погнались за ними. Часть пошла по дороге, а часть, и среди них один на прекрасной лошади, поскакала по полю, за забором. Шедшие по дороге начали быстро уходить от казаков, но те, которые скакали по полю, попали в болото. Лошади их загрузли, и казаки Лосев и Топилин настигли их. Казаки убили одного майора и ранили поляка-солдата, а начальник справился, выскочил из болота, но, проскакав несколько шагов, опять попал в болото, соскочил с лошади и, накрывшись плащом, притворился мертвым. Один из казаков кольнул его два раза дротиком и приказал выйти из болота. Лошадь его справилась и ускакала, тогда и начальник сдался. Казаки вывели его из болота, и пленник стал отдавать им золотые деньги и часы. В это время к казакам подскочил вахмистр конно-егерского полка и ударил польского начальника палашом по голове. Он побледнел и упал. Увидавший это раненый поляк крикнул: "Не убивайте его! Это самый наш главный начальник!" Тогда казаки послали за Денисовым. Денисов, выдавший Костюшку раньше, тотчас же узнал, что это он и есть. Голова Костюшки была в крови, ноги без сапог, одет он был в кафтан, атласный жилет и штаны. Денисов приказал его накрыть шинелями и спросил, не хочет ли он чего.

— Ничего, — отвечал Костюшко.

— Я знаю, что вы Костюшко, храбрый и великий начальник, — сказал ему Денисов, — я готов вам помочь.

— Я знаю, что вы Денисов, полковник, — отвечал Костюшко.

Костюшку перевязали платками и галстуками, сделали из пик носилки и понесли. Денисов же собрал свои полки и вернулся к генералу Ферзену. Так донские казаки в эту войну взяли в плен главного вождя поляков. Они об этом и песню сложили:

Не ясен то сокол по крутым горам летает,
То Костюшко-варвар по своей арменюшке разезжает.
Он фронты-то свои, знаменушки украшает,
Своих мызничков, генералушков убажает;
"Вы не плачьте же мои мызнички, право, генералы,
Не рыдайте же вы, мои свирепые кавалеры!
Как завтра у Бела Царя будет праздник,
Не маленький праздник, праздничек Петров день,
Все рынушки, трактирушки будут растворены,
Все гусарушки, все уланушки будут пьяны,
Казаки наши донецкие все загуляют".
Как на тот-то раз казаки-други были осторожны,
Всю ночушку казаки-други не спали,
Во руках-то своих борзых коней продержали,

На белой-то заре, на утренней, ура закричали,
Закричали они загичали — Костюшку поймали,
Да велели же его, Костюшку, накрепко связать,
Приказали у него скоро допрос допросить...

Гибель Костюшки, взятого в плен донскими казаками, тяжело отозвалась на поляках. Предводители польских шаек, которых песня донская называет "мызничками-генералами" потому, что они были помещиками мелких имений, мыз, стали отступать к Варшаве и занимать укрепленное предместье Варшавы — Прагу. Туда же спешил Суворов, соединившийся с Ферзенем. 24 октября Суворов начал штурмовать Прагу. Ночь спускалась тихая, но темная и мгlistая; было холодно и сыро. В сотнях запылали костры. Казаки и солдаты надевали чистое белье, осматривали оружие, молились перед образами, поставленными у огней. В 3 часа ночи полки построились и приготовились к штурму. В 5 часов утра взвилась сигнальная ракета и войска бросились на крепость. Это был страшно кровопролитный штурм. Истребляя все на пути, пехотные полки ворвались в Прагу и к 11-ти часам вся Прага была в наших руках.

Едва только пехота кончила свое дело, Денисов с полками — своим, подполковника Краснова и Орлова — выскочил за укрепление и тут увидел польскую конницу, настроившуюся против него. Поляков было больше, нежели казаков, и лава казачья не знала, что делать, но, по приказанию Денисова, бросилась в атаку. Казак Быкадоров, тот самый, который в самом начале войны брал пленного, бывший теперь знаменитым, на лихом коне опередил полки шагов на 20 и полетел на поляков. Поляки встретили казаков залпом из ружей. За дымом и поднятой тронувшимися эскадронами пылью ничего не стало видно. И вдруг, уже сзади польских рядов послышался голос Быкадорова:

— Коли, ребятушки, коли!

Поляки повернули своих лошадей и поскакали к Висле. Казаки вогнали их в воду и заставили сдаться. Много забрали тут лошадей казаки. Но добыча была неважная. Лошади были худы, изнурены, фураж было негде доставать, и казаки продавали их жидам по два рубля за лошадь.

После штурма Праги пала и Варшава. Война была окончена. Россия получила земли до р. Немана и Буга и Курляндскую губернию.

Императрица за польскую войну пожаловала Донскому войску знамя.

До конца 1795 года казачьи полки простояли в Польше. Зимой казаки вернулись домой и были распущены по домам, но не долго простояли они у себя. Их ожидал новый поход: в Италию и Швейцарию.

42. Донские казаки с Суворовым в Италии

1799 г.

глубоким уважением и удивлением читаешь теперь о том, что делали наши деды сто лет тому назад. Почти поголовно уходили казаки с полками на войны. Одни возвращались, другие уходили. Сегодня с ружейной пальбой и криками встречали станицы героев, вернувшихся из похода, сегодня за чарой вина слушали казаки рассказы о богатырских подвигах и победах, о славных поисках и лихих атаках, о Суворове и о пленении Костюшки, сегодня отец любовался на сына-героя, с отличием, с медалями и ранами, еле зажившими, вернувшегося из похода, а завтра сам брал пику, седлал иногда того же коня и шел с полком в другой поход. В это время зародилась на Дону и эта грустная песня:

Чем-то наша славная земелюшка распахана?
Не сохами то славная земелюшка наша распахана, не плугами,
Распахана наша земелюшка лошадиными копытами,
А засеяна славная земелюшка казацкими головами,
Чем-то наш батюшка славный, тихий Дон украшен?
Украшен то наш тихий Дон молодыми вдовами.
Чем-то наш батюшка тихий Дон цветен?
Цветен наш батюшка славный, тихий Дон сиротами.
Чем-то во славном тихом Дону волна наполнена?
Наполнена волна в тихом Дону отцовскими, матерними слезами...

В одном и том же полку служили и сын и отец. 19-летние малолетки шли наряду с 40—50-летними казаками. С одного места уходили полки на все четыре стороны света — и на север, и на юг, и на восток, и на запад. В эти годы, когда Россия, поставленная императором Петром Великим в ряды европейских государств, росла и ширилась, укрепляя свои границы, ведя войны с соседями, донцы посылали полки в одно и то же время и на далекий север в Швецию, где завосывали Финляндию, и на юг, в Турцию и Крым, и на восток, на Кубань и в Персию, и на запад, в Польшу и Италию!..

Дома не оставалось почти никого. Станицы продолжали быть станом военным, жили жалованьем, да теми грошами,

что приносили из походов. Жили, быть может, и не богато, но славно.

Казаки дрались на конях, дрались ружейным огнем в пешей цепи, ходили на крепостные стены, атаковывали турецкие суда на лодках. Для славы донской не хватало побывать в страшной выси уходящих за облака гор и там своєю кровью запечатлеть свою верность Государю и родному тихому Дону.

Вступивший после смерти императрицы Екатерины II, в 1796 году, на русский престол император Павел заступился за итальянцев и австрийцев, разоряемых французами, и в 1799 году объявил французам войну. С Дона приказано было послать полки с Суворовым в Италию. В этом походе казакам пришлось перейти через такие крутые и высокие горы, через которые ни до ни после никто не проходил.

В Итальянский поход с Дона было назначено восемь полков: Денисова, Поздеева 1-го, Грекова 8-го, Молчанова, Семерникова, Курнакова, Сычева и Поздеева 2-го — всего 4162 человека. Всеми этими полками командовал Адриан Карпович Денисов.

Полкам этим нужно было пройти походом Австро-Венгрию и вступить в Италию, где на чужой земле и за чужое дело сражаться, исполняя волю государеву и добывая славу казачью. Поход этот, несмотря на зимнее время, казаки сделали легко. Стоянки на ночлегах были везде хорошие, продовольствия достаточно. В городе Брюинс австрийский император и императрица смотрели казачьи полки и были восхищены лихостью на коне казаков и умением на конях проходить самые трудные препятствия; казаки ночевали и в Вене, столице Австро-Венгрии. Наконец, казаки прибыли в итальянский городок Валеджио. 9 апреля 1799 года казаки были распределены Суворовым по всем отрядам и им было приказано действовать впереди всех.

Суворов был уже старый фельдмаршал, то есть первый генерал всей русской армии. Он командовал не только русскими, но и австрийскими войсками. Воевать же пришлось с французами, только занявшими Италию. Нелегко приходилось казакам в этом походе. Карты были итальянские и австрийские, жители говорили по-итальянски, неприятель — француз. Но казаки справились с этим. В своих разведках и поисках казаки запоминали вид селений, башни, церкви, местоположение их и по приезде рассказывали, и притом так ясно и подробно, что австрийцы и итальянцы легко находили по карте те места, где были казаки и где видали они неприятеля. Начальник штаба армии, австрийский генерал Шателер, был удивлен и восхищен умением казаков распознаваться на совершенно незнакомой местности.

Уже 13 апреля казакам удалось отличиться перед главнокомандующим. Полки Денисова и Грекова находились в колонне князя Багратиона и подходили к небольшому городку Бергамо. Под вечер, 12 апреля, казаки наткнулись на французский авангард, потеснили французов и взяли несколько пленных. Ночью шел дождь. Поля размокли, и лошади на них увязли и не могли скакать. На рассвете Денисов начал подходить к городку Бергамо. Французы захотели укрыться в замке этого города и стали входить в его тесные улицы. Увлечшиеся казаки полка Грекова вскочили за ними и начали колоть их пиками. Поднялся страшный крик и смятение. Французы, впервые познакомившиеся с тем, что такое казачья пика, в ужасе напирали друг на друга. Казаки, чтобы удобнее колоть в тесных переулках, соскакивали с лошадей и избивали врага. В это время в городок вскочил и Денисов.

— Любезные друзья, вперед! — кричал он казакам, и казаки прогнали неприятеля через укрепленный городок, а сами остались, по приказанию Денисова, в крепости. Здесь захватили они 19 осадных орудий, много ружей, военных запасов и знамя. Начальник города поднес Денисову ключи его. Денисов послал донесение Суворову. Ночью, по грязной размытой дороге, под проливным дождем прискакал фельдмаршал Суворов. Его родительский плащ намок, и весь он был забрызган грязью. Сопровождал его почтенный донец, лет 40, урядник Березовской станицы Евсей Селезнев.

— Спасибо, Карпович, спасибо, — говорил Суворов Адриану Карповичу Денисову, — порадовал старика.

Суворов приказал позвать Грекова, офицеров и казаков и горячо благодарить их за славную победу, за взятие крепости конной атакой.

Ночью пришел в Бергамо и Багратион с пехотою. Суворов торопил Денисова с выступлением, но половина лошадей у казаков от атаки по грязи и по каменной мостовой городка расковалась, и Денисов, оставив часть казаков ковать лошадей, с остальными рано утром выступил и нагнал французов у озера Лекко. Атаковать было невозможно. Дорога уходила в крутые горы, французы укрывались за каменными постройками и за скалами. Денисов спешил сто человек и завязал с французами перестрелку. Казаки держались до подхода пехоты Багратиона.

Так, то в конном, то в пешем строю сражались донцы с новым неприятелем, сражались среди крутых гор, в маленьких каменных городках, всюду оказывая большую помощь своей пехоте.

Суворов, как и всегда, двигался быстро. 14 апреля он побил французов на р. Адде, а 17-го его полки торжественно вступали в Милан, главный город северной Италии.

Первый подошел к Милану донской майор Миронов.

Расспросив жителей и узнав от них, что французы ушли из Милана, он послал о том донесение Денисову. Начальник города выехал за ворота. В это время подъехал с тремя казачьими полками и Денисов. Адриан Карпович расспросил Миронова. Миронов передавал, что в городе до 40000 жителей, весь народ на улицах, идет гулянье, так как это канун дня Светло-Христово Воскресения. Все разодеты, но все мужчины при оружии.

Тогда Денисов обратился к начальнику города и сказал ему по-французски:

— Мне приказано занять Милан. Объявите жителям, чтобы они соблюдали тишину и дружелюбие. Мои казаки их не тронут. Но если на меня сделают нападение, то тогда пусть пеняют сами на себя — камня на камне не оставлю! Через час я буду входить в город.

Начальник города проверил часы и поскакал, разослав по улицам разных людей. Денисов же, приказав двум полкам обойти Милан и занять противоположные ворота, с третьим полком ровно через час вошел в Милан. Он вел свой полк рысью, торопясь занять крепость, находившуюся внутри города. Но едва казаки подошли к ней, как оттуда вышла французская колонна и дала залп по казакам. 2 офицера и около 10 казаков были ранены. Ранено было и несколько жителей. Казаки не смутились. Они бросились вперед, загнали французов в крепость, подняли мост через ров, окружавший крепость, и заняли ворота. Поставив один полк стеречь крепость, а остальные два расставив по улицам и площадям, Денисов отправил донесение австрийскому генералу Меласу.

Три донских полка до вечера оставались одни в громадном городе, полном чужого народа, в виду крепости, в которой заперлись французы. Они не расседлывали лошадей и не могли даже их накормить, и сами ничего не ели.

Только вечером пришли австрийцы и вошли в город с музыкой, барабанным боем и распущенными знаменами.

На другой день утром, в самый первый день Пасхи, в Милан торжественно въехал и Суворов.

Увидав Денисова, Суворов сказал ему:

— Спасибо, Карпович! С Богом, поезжай к своим казакам!..

После занятия Милана Суворов скоро очистил всю северную Италию от французов.

В последних числах мая французский начальник, генерал Макдональд получил подкрепление из Франции, со свежими войсками разбил австрийцев и спешил соединиться с другим французским генералом Моро. Если бы они соединились — маленькому отряду Суворова пришлось бы очень плохо. И вот, Суворов решил броситься навстречу Макдональду и разбить его до соединения с Моро.

По страшной жаре, большими переходами, скорым шагом вел Суворов свои войска. Известия, которые он получал от австрийцев, были неутешительны. Французы их били. Нужно было торопиться на помощь.

5 июня русские дошли до небольшого городка Александрия и здесь в казачьем стане читали следующий приказ Суворова:

"1. Неприятельскую армию взять в полон.

2. Казаки колоть будут; но жестоко бы слушали, когда французы кричать будут "пардон" или бить "шамад". Казакам самим в атаке кричать: "Балезарм, пардон, жетелезарм," и сим пользуясь, кавалерию жестоко рубить и на батареи быстро пускаться, что особливо внушить.

3. Казакам, коим удобно, испортить на р. Таро мост, и затем начать отступление. С пленными быть милосерду; при ударах делать большой крик, крепко бить в барабан; музыке играть, где случится, но особенно при погоне, когда кавалерия будет колоть и рубить, чтобы слышно было своим. Их генералов, особливо казаки, и прочие, примечают по кучкам около их; кричать "пардон", а ежели не сдаются — убивать!" Подписал Суворов.

Напряжение всех сил в войсках было полное. Солдаты не шли, а летели. Но Суворов чувствовал, что наступает решительная минута. Перед ним разбитые австрийцы и победоносный Макдональд, у которого вдвое больше войска, чем у Суворова. Теперь надлежало победить или умереть! Сильно надеялся Суворов на казаков и на своих чудо-богатырей — русских солдат. 6 июня утром войска подошли к городку Страделла и здесь на каменной дороге, вдоль каменных заборов расположились на отдых. Все полегли. Казалось, и встать не будут в состоянии. Измученные лошади стояли опустивши головы, казаки, опершись на пики, дремали. Солнце пекло невыносимо. Голубое небо было без облака, камни были раскалены, от цветущих роз и от полей кукурузы, только что зацветавшей, несся пряный запах. Поднятая было пыль тихо улеглась. Красивые смуглые итальянцы и итальянки пугливо высматривали казаков...

Вот белый австриец, с пыльным и потным лицом, привез одно донесение. Вон скачет другой...

Австрийцы погибают, нужна немедленная подмога!

Суворов приказал четырём казачьим полкам садиться. Сели на коней и пошли рысью. Шли около пяти часов.

Там, куда они шли, французы приканчивали австрийцев. Они взяли у них восемь пушек и готовили последнюю решительную атаку, чтобы уничтожить австрийские полки. Макдональд перешел через реку Тидоне и войска дрались в полях, пересеченных сотнями канав, обсаженных кустами... К самой отчаянной сече подвел Суворов казаков. Его нельзя было узнать. В белой рубашке, с непокрытой головой, он погонял свою лошадь нагайкой и, показывая казакам на французов, воскликнул:

— Помилуй Бог, как хорошо! Атака! Руби, коли, ура!..

Казаки с полуслова поняли своего начальника. Через десятки рвов и канав, склонивши копья, понеслись они на французов. Их была горсть, в сравнении с громадным каре* французов. Но полки врубались в эти каре и казачья пика делала чудеса. Громадная армия Макдональда была остановлена в своем напоре Суворовым с четырьмя полками донских удальцов! Прошло около получаса, пока французы опомнились, но эти полчаса решили дело в пользу Суворова. На дороге показались русские полки. Их вел великий князь Константин Павлович. Под палящим, полуденным зноем пехота не шла, а бежала, люди выбились из сил; растянулись полки. Солдаты падали, и многие из упавших уже не вставали. Но остальные шли. Это были храбрые из храбрых, чудо-богатыри!

Войска подходили и выстраивались против флангов неприятеля, но полки были очень слабы. Не хватало людей. Многие не дошли. Сейчас же было приказано и атаковать. Багратион подошел к Суворову и вполголоса сказал, что нужно повременить.

— В ротах,— говорил он,— не насчитывается и по 40 человек. Люди измучены...

— А у Макдональда нет и 20-ти,— на ухо сказал Суворов Багратиону.— Атакуй с Богом.

Музыка и барабаны загремели. Солдаты запели песни и пошли на французов. Французы усилили огонь, много наших падало, но смыкались за ними ряды и суворовские полки кидались в бой. Суворов, сопровождаемый верным урядником Селезневым, разъезжал между полков, осыпаясь пулями, и говорил: "Вперед, вперед, коли!"

Иногда Суворов заезжал слишком далеко вперед, и тогда Селезнев хватал за поводья его лошадь и поворачивал назад.

---

* Каре — четырехугольная колонна, в которую строилась тогда пехота при атаке на нее конницы.

— Ты что, — кричал Суворов на преданного донца, — как ты смеешь! Генерала! Фельдмаршала!.. и бил Селезнева плетью, но Селезнев упрямо сворачивал лошадь и говорил: "Не пущу! Прикажи — и без тебя пойдут! а жизнь твоя дороже для нас!.."

Казачьи возобновили свои атаки. Они прорывали французские цепи и налетали на резервы. Каждый дрался за десятерых. Лучшие французские войска генерала Виктора были смяты казаками под командой князя Багратиона...

Остатки разбитой французской армии с трудом перебрались через реку Тидоне и отступали в беспорядке.

Суворов их не преследовал. Это было не под силу и его чудо-богатырям. Казачьи лошади, утомленные многими атаками, которые он сделал через рвы и канавы, ложились под седлами и отказывались от корма. Везде валялись убитые и раненные донцы. Но дело было сделано. Макдональд был разбит.

Только ночь и дал на отдых войскам Суворов. В 10 часов утра, 7 июня, он повел их вперед, чтобы не дать Макдональду получить подкрепления. Уже под вечер русские настигли на р. Треббии французов. Казачьи Грекова и Поздеева атаковали их с фланга, в то же время Багратион теснил с фронта. Французы отступили, потеряв 600 человек пленными и одно знамя. Наступила теплая лунная ночь. Между врагами, журча и шумя среди камней, бсжала мелкая речка Треббия... Ночью в русле ее произошел бой, он стих, но из-за него казакам не пришлось расседлывать. С рассветом Суворов начал наступление. Между тем, к французам подошло подкрепление и теперь они были вдвое сильнее, нежели русские и австрийцы. Наши атаки были всюду отбиты. Казачьи лошади уже не могли ни скакать, ни перепрыгивать через канавы. Они атаковали рысью...

Суворов отдыхал под большим камнем в двух верстах от места боя. К нему подъехал генерал Розенберг и доложил, что держаться больше нельзя, необходимо отступать.

— Попробуйте сдвинуть этот камень, — сказал Суворов Розенбергу, — не можете? Ну, так и русские не могут отступить... Извольте держаться крепко, и ни шагу назад!..

Розенберг уехал. Но нашим войскам приходилось плохо. Некоторые полки были совершенно окружены французами и отчаянно отбивались во все стороны. Иные отходили.

Любимый Суворовым начальник авангарда князь Багратион подъехал к нему и доложил, что солдаты выбились из сил, ружья не стреляют, больше половины людей пало под ударами французов.

— Не хорошо, князь Петр! — сердито сказал Суворов. — Коня!

Селезнев подвел ему лошадь. Суворов сел на нее и поскакал к месту боя. Но, по-видимому, было уже поздно. Навстречу Суворову стали все чаще и чаще попадаться наши солдаты. Сначала одиночные, потом целые шеренги их мрачно отступали. Суворов подскакал к ним.

— Заманивай! Ребята, заманивай! — закричал он. — Шибче, бегом, — и сам, повернув свою лошадь, ехал впереди отступающих. Проехав с ними шагов двести, он остановил лошадь и крикнул: "Стой!.. Теперь — вперед, бегом!" — и кинулся с солдатами в новую атаку.

Французы не выдержали этого удара и отступили за Треббю.

В этом, почти непрерывно три дня продолжавшемся бою, на реках Треббии и Тидоне, почти вся французская армия была истреблена, — Суворов уже задумывал идти по пятам ее, идти во Францию, на Париж.

Но судьба решила иначе. Австрийцы, наши союзники, не столько помогали нам, сколько мешали. Они потребовали завоевания крепостей. Два месяца прошло в крепостных боях. Донским казакам в это время не было дела и они занимались ученьями. В конце августа Суворов получил приказание выручить русские войска, действовавшие за громадными Альпийскими горами, в Швейцарии, и окружасмыс французами. Ему предстояло совершить невозможное — перейти с войском через горы, через которые перелетали только орлы.

Но орлам русским и это оказалось под силу.

43. Донские казаки с Суворовым переходят через Альпы 1799 г.

Альпийские горы отрезали один русский отряд — Римского-Корсакова — от другого — Суворова. Соединиться нужно было быстро, нужно было перешагнуть через эти горы. Дороги, которые шли через них, сначала петлями поднимались вверх, потом дорог уже не было. Среди угрюмых скал, темных и гладких, шумя и пенясь, бежала река. По ее берегу, по узкому каменному уступу, была пробита тропинка. Она поднималась высоко над рекой, и с одной стороны отвесной стеной стояли черные скалы, а с другой был крутой обрыв, внизу же белела и пенилась быстрая река. Сначала росли сосны и много было площадок, на которых войска могли располагаться для отдыха, но чем дальше, тем уже становилась тропинка, площадок не было и вместо сосен лишь кое-где росли чахлые кусты. Еще дальше не было и кустов, и только зеленый мох рос по камням. Самая вершина горы была покрыта снегом. Десятки верст тянулась эта тропинка. По ней ходили только пешеходы, смелые охотники за дикими козами, родившиеся и выросшие в горах. И вот по этому пути должны были теперь идти солдаты с пушками и казаки. Мало того, они должны были на самой вершине сбить французские войска!

4 сентября 1799 года Суворов подошел с войсками к началу подъема на Альпийские горы и здесь узнал, что австрийцы не доставили мулов*, которые были необходимы под вьюки. Тогда приказано было казакам отдать своих лошадей в пехоту и артиллерию, а самим идти пешком. Безропотно исполнили донцы это приказание. 1500 лошадей казачьих было отдано в обоз.

И вот начался подъем. Часть казаков, оставшаяся на конях, двигалась впереди, по одному, и продолжала вести разведку. На самой вершине Альпийских гор, на Сен-Готарде казаки

---

* Мул происходит от осла-жеребца и кобылы. Очень выносливое животное.

приняли участие в бою пехоты и сбили французов. Потом стали спускаться. Дорога была так узка, что казаки шли пешком, держась за хвосты лошадей. Иногда лошадь делала неверный шаг и, оступившись, падала с вьюком и седлом и вместе с нею гибло и все имущество казака. Многие казаки плакали, видя это, видя, что оставались они при одном платье... А впереди их ожидал длинный поход и суровая зима. Холодный ветер дул на вершинах Альп. Метель крутила. Лицо знобило, руки коченели. Многие солдаты замерзали здесь. Но казаки шли вперед и вперед. На привалы и ночлеги становились там, где шли и коротали ночь, прижавшись друг к другу или к лошадям. На вершине Сен-Готарда они ночевали, составив лошадей в круг, головами во внутрь, защищаясь ими от ветра и согреваясь их дыханием. Нигде не было никакого топлива и нельзя было развести огонь.

14 сентября Суворов уже выходил в более широкую долину. Но тут его ожидало новое препятствие. На узкой дороге, по которой могут идти рядом только два человека, французы поставили пушку. И вот — впереди была пушка и горсть французов, с боков — крутые неодолимые скалы, внизу водопадами срывалась между камней быстрая речка Рейсса, через которую был перекинут мост. Но наших солдат это не утратило. Между ледяных брызг водопада, по пояс в воде перебрались наши охотники через реку, по каменным глыбам взобрались на противоположный берег и очутились над головами французов. Французы сбросили пушку в реку и отступили. Не успев разрушить мост через Рейссу, они сломали дорогу, насыпанную из камней над пропастью, и устроили провал.

Из досок бывшего здесь сарая, на скорую руку связали мост, без перил, шаткий и зыбкий, и по нему повели казаки лошадей, и стала переходить пехота.

К вечеру Суворов спустился в долину и 15 сентября подошел к деревне Альторф...

Впереди предстоял путь еще более трудный. Нужно было перейти еще более страшные горы. Без отдыха, на другой же день — 16 сентября — Суворов спешил на выручку товарищам — и, понимая, что каждая минута дорога, он пошел в горы.

В тяжелую ночь после страшного перехода, когда все войска спали, казаки ходили на разведку о неприятеле. По незнакомым горным дорогам рыскали они между угрюмых скал, не зная отдыха, не зная сна.

С великими трудами, борясь и одолевая французов, двинулись за Суворовым русские полки. По крутому подъему, на высокий снеговой хребет извивалась тропинка. Шли

темною ночью, мокрые и продрогшие, под снегом и дождем по размокшей и скользкой земле. Многие казаки шли босые, потому что сапоги их, истертые о камни, развалились. Тучи, в виде непроницаемого тумана, окутывали их, и они шли, не видя куда идут. Огромные камни катились из-под ног в бездны, ветер завывал и вьюги скрывали следы тропинки. Кто ехал верхом — мог слезть, только спустившись через круп лошади, и шел, держась за хвост. Многие тут замерзли. И в этот тяжелый путь казаки Денисова и Курнакова, по словам Суворова, "много способствовали. Они открывали рассеянного неприятеля в выгодных для него местах и вместе с пехотою били и брали в плен". 1 октября кончился этот страшный поход через заоблачные выси.

Вся Европа с удивлением и ужасом следила за движением Суворова. Никто не верил, что он перейдет через Альпийские горы. И вот, он перешел! Его ожидал приказ вернуться домой, в Россию. Император Павел, недовольный действиями австрийцев, прекратил войну и заключил мир с французами.

Слава русского полководца и его чудо-богатырей будет вечно жить в памяти нашей армии и воодушевлять ее на новые подвиги. И не только у русских людей, а и среди смелых швейцарских горцев живет и до сих пор предание о невероятных подвигах северных воинов и бородатых казаков. Старый альпийский охотник, указывая путникам на едва заметную тропинку на голых скалах грозного Росштока, говорил с благоговейным изумлением: "Здесь проходил Суворов!.."

И с ним около 4000 донских казаков, — добавляет справедливая история!

Без лошадей, без оружия, без одежды, без всякой добычи вернулись донские казаки по станицам. И не успели они отдохнуть, не успели оправиться, не успели даже хорошенько рассказать товарищам о страшных, небывалых подвигах, как пришло повеление императора Павла — всему войску собираться в поход поголовно.

Объявлен был поход на Индию!

44. Поголовный поход донских казаков на Индию 1801 г.

В день 12 января 1801 года император Павел I повелеть соизволил: собрать все войско Донское. Куда, зачем замышлялся поход — про то никто не знал. Войсковой наказной атаман Василий Петрович Орлов предписал готовиться всем офицерам, урядникам и казакам. Все, до последнего, должны были в шесть дней быть готовы к выступлению о-двуконь с полуторамесячным провиантом. Казаки обязаны были иметь при себе ружья и дротики. И раньше бывало так, что подымалось все войско Донское. Старики помнили такие случаи. В 1737 и в 1741 годах донцы поднимались поголовно. Но тогда была опасность от татар, татары шли на Дон, была нужда отстоять родные станицы. Теперь про татарские набеги говорили только старые люди. На Кубани крепко стояло Черноморское войско. Дону опасность ниоткуда не угрожала. Куда пойдет войско Донское — этого никто не знал. В войске числилось 800 больных, но и им приказано было явиться на смотр. Шли недужные, опухшие от ран, искалеченные. Круглые сироты и беспомощные бедняки приготавливались к походу; у многих казаков не было форменных курток и чекмней, их одевали в старые халаты, в сермяжное одеяние. Никому не делали уважения. Хотя дом сторел, хотя все погорело — иди, все равно, за счет станицы. Богатые казаки снаряжали бедных. В Черкасской станице шесть казаков собрали 2000 рублей и дали деньги на обмундирование и снаряжение пеших казаков. Двадцать душ семейства в одном доме остались без хозяина и пропитания. На очередь не смотрели. Атаман приказал брать без очереди, и пошел последний хозяин, хотя два брата его уже служили в полках. Полки, только что пришедшие с Кавказской линии, из Итальянского похода, снова зачислили на службу. Церкви остались без пономарей, станичные правления — без писарей, всех забрали. Ополчение было поголовное!

Потребовали и калмыков на службу. Офицерам-помещикам не разрешено было съездить на свои хутора. Жены не

простились с мужьями, дети — с отцами. Спешно, по царскому указу собиралось войско.

Сборными местами были назначены станицы: Бузулуцкая, Медведицкая, Усть-Медведицкая и Качалинская. В зимнюю стужу, в конце февраля месяца, собрались казаки на смотр атамана. Всего с войска набрали 510 офицеров, 20947 казаков конных полков, 500 артиллеристов и 500 калмыков. Люди эти составили 41 конный полк.

Орлов разделил их на 4 части. 1-ую, из 13 полков, повел генерал-майор Платов; 2-ую, из 8 полков, генерал-майор Бузин; 3-ю, из 10 полков, генерал-майор Боков и 4-ую, из 10 полков, генерал-майор Денисов, только что вернувшийся из Италии. С отрядом генерала Платова шел и атаман Орлов и с ним две роты донской конной артиллерии и войсковые инженеры. Артиллерией командовал полковник Карпов.

27 и 28 февраля полки вступили в неизвестный поход. Путь их лежал к стороне Оренбурга.

Больше никто, кроме атамана и начальников колонн, ничего не знал.

Что же произошло и почему от войска Донского потребовали такого страшного напряжения сил?

Император Павел I внезапно поссорился со своими союзниками, англичанами, и, в союзе с французским императором Наполеоном, решил объявить войну Англии. Главное богатство английской земли заключалось в громадной, плодородной, поросшей лесами редких деревьев Индии. Из индийской земли добываются и камни самоцветные, там же готовят драгоценные шелковые ткани. Произведениями Индии, ее хлебом и материями торгует Англия и ею она богата. Император Павел решил отнять Индию у Англии, и сделать это поручил донским казакам. Им предстояло пройти тысячи верст по безлюдной степи, потом по песчаной пустыне, перевалить через горы и вторгнуться в индийские земли.

"Индия, — писал государь Орлову, — куда вы назначаетесь, управляется одним главным владельцем и многими малыми. Англичане имеют у них свои заведения торговли, приобретенные или деньгами или оружием. Вам надо все это разорить, угнетенных владельцев освободить и землю привести России в ту же зависимость, в какой она у англичан. Торг ее обратить к нам."

Атаману была прислана и карта Индии. По пути донским казакам надлежало занять Бухару, в Хиве освободить наших пленных. Все богатство Индии было обещано казакам в награду.

Если бы атаман Орлов и донские казаки успели исполнить это поручение, они прославили бы себя более, нежели Ермак

— покоритель Сибири... Но не судил Господь совершить великий замысел государя!

Уже с первых же шагов в задонской степи страшные трудности встречались казакам. Дороги были занесены снегом и артиллерия выбивалась из сил, вытаскивая пушки из глубоких сугробов. Нигде не было квартир для обогрева, и люди и лошади стыли и мерзли на холодном ветру в степи. Не было топлива, не хватало провианта, не было сена и овса. Некормленные лошади еле брели навстречу жестоким холодным буранам.

В начале марта вдруг настала оттепель. Заиграли ручьи, размокла степь, грязь стала непроходимая. Каждая балка сделалась страшным препятствием. Через пустую, обыкновенно, речку Таловку войсковой старшина Папузин еле переправился. Сорок верст шел он по колено в грязи, а через самую Таловку переходил по устроенному им из хвороста, хуторских огорожей, ворот и крыш мосту.

Наконец, подошли к Волге. Лед вздулся и побурел. Лошади проваливались на нем. Местами он уже тронулся. Денисов со своею колонной подошел к нему и увидел, что переправа опасна. Через всю реку поставил он мужиков с веревками и им придал по несколько казаков для оказания помощи. Начали вести лошадей, но они проваливались и шли ко дну. Однако, Денисов знал, что на больших реках лед в середине всегда толще, и вот, он приказал повести своих рослых и сытых лошадей вперед. Сначала они проваливались, но потом перешли. За ними потянулись и казаки. До 700 лошадей провалились, но казаки вытащили их всех. Пять часов длилась переправа.

И опять пошли, сперва по Волге, потом по течению реки Иргица. Степь становилась все безлюднее и пустынное. Комиссионер Теренин, обязавшийся доставлять хлеб и фураж, не выполнял своего обязательства: на Волге это лето было неурожайным, и он не мог собрать продовольствия. По приходе на ночлег не находили овса, да и сено было пополам с мусором. Лошади падали от бескормицы, и путь, пройденный казаками, обозначался длинной вереницей вздувшихся конских трупов, да черными стаями ворон.

Громадную толпою втянулись донцы в безграничные степи и затерялись в них, как песчинка. Замолкли удалые песни. Мерзли по ночам казаки, а днем мучились в грязи и лужах, в которые обращало степь весеннее солнце. Много было уже и больших казаков. Цынга появлялась.

А впереди была все та же степь и конца-края ей не было. И солнце вставало там в золотистом тумане и равнина тянулась весь день, сегодня, как вчера, как будет и завтра.

Тяжело было казакам, но молча, без ропота шли они воевать с неведомым врагом, завоевывать для России далекую Индию.

Прошли от Дона без малого семьсот верст по пустыне. 23 марта, накануне Светло-Христово Воскресенья казачий отряд, находившийся в селе Мечетном Вольского уезда Саратовской губ., догнал курьер из Петербурга. В ночь с 11 на 12 марта скончался император Павел I и на престол вступил император Александр I Павлович. Он повелевал вернуться домой. Сейчас же приказано было собрать полки. К ним вышел атаман Орлов и воодушевленным, дрожащим от радостного волнения голосом сказал:

— Жалует вас, ребята, Бог и государь родительскими домами!

В первый день Пасхи атаман и некоторые полки слушали обедню в Старообрядческом монастыре недалеко от Мечетного. Весело было в этот день в казачьем лагере. Стреляли пушки, палили из ружей, пели песни.

В день Благовещения пошли в обратный путь. Обратный путь был легче. Наступала весна. Становилось теплее, но местами еще грязь лежала непролазная. Между 9 и 17 апреля полки вернулись домой. Хоперские, медведицкие, бузулуцкие, верхне-донские и донецкие казаки были отпущены прямо с границы, остальные с офицерами левою стороною Дона пошли к Черкасску.

2 мая атаман прибыл в Черкасск.

После суворовского перехода через Альпы Оренбургский поход донских казаков — самое трудное из походных движений. 1564 версты сделаны 20-тысячным конным отрядом в два месяца по безлюдной степи в весеннюю распутицу. Сделано без потерь в людях и без отсталых. И лошади вынесли этот поход, несмотря на бескормицу, хорошо. На полк пришлось павших лошадей от 62 (в Атаманском полку) до 12-ти (в полку Миронова).

Много лет прошло с тех пор, уже нет в живых никого из участников этого похода, но старики еще помнят рассказы отцов о таинственном походе в сторону Оренбурга, о том времени, когда на Дону казаков как повымело — никого не осталось, и бабы работали все работы. Помнят это страшное, тяжелое время вечных походов.

А молодежь, рассуждая об этом походе на Индию, часто задает вопрос — могли ли бы казаки дойти до Индии, могли ли бы разорить ее?..

Много великих подвигов совершили казаки. С одними пиками, пешком, брали они измаильские твердыни, на легких лодках переплывали Черное море, от себя воевали, на свой

страх брали Азов, с Суворовым перешли они заоблачные выси Альпийских гор, но это повеление — завосвать далекую Индию — было невыполнимо. Не знали те, кто посылал их, как далек и труден был этот путь и сколько препятствий на нем встретилось казакам. Дойти до Индии по безлюдной пустыне, без продовольствия и фуража было невозможно. Но войско Донское пустилось исполнять волю государеву без рассуждения — все казаки погибли бы в нем. Поход на Индию замечателен тем, что в нем казаки показали, как велика и отлична у них была дисциплина и преданность государю, как закалены они были в походных невзгодах.

В умиленном восхищении слушаешь рассказы стариков о переправе через Волгу. Тонет в студеной воде одна лошадь и с нею казак, но по тому же страшному месту идет другой, третий. Часами по грудь в воде спасают казаки лошадей и друг друга, а потом голодные идут, сами не зная куда, по холодной безлюдной степи.

Наши деды всею своею доблестной службой учили нас совершать подвиги, и поход на Индию — пример высокого мужества, отчаянной решимости, святой покорности государевой воле!..

45. Войско Донское при императрице Екатерине Великой и императоре Павле I

В то время, когда по всему свету ходили казачьи полки и имя казака делалось славным и страшным и французам, и немцам, и шведам, и полякам, и туркам, и татарам, и черкесам, когда войско Донское головами своих сыновей заслуживало одно белое знамя за другим,— в это время внутри войска произошли большие перемены.

Уже со времени Петра Великого шумный круг войсковой не сходил на черкасской площади для выбора войскового атамана. Вопрос о том, быть или не быть войне или походу, решался не всем войском Донским на кругу, а решался в новой столице Российской Империи — городе Санкт-Петербурге; там определялось также и сколько полков должно выставить войско Донское в поход, и только наряд этих полков делал войсковой атаман. И войскового атамана ставило уже не войско, а государь император выбирал в атаманы казака из прославившихся в войсках, или заявивших себя умом, сметливостью и распорядительностью.

Атаманами за это время были:

Василий Фролович Фролов с 1718—1723 г.

Андрей Иванович Лопатин с 1723—1735 г.

Иван Иванович Фролов с 1735—1738 г.

Данило Ефремович Ефремов с 1738—1753 г.

Степан Данилович Ефремов с 1753—1772 г.

Получив атаманство от отца, Степан Данилович Ефремов одно время мечтал, чтобы сын его был тоже войсковым атаманом и передал атаманство внуку, словом, хотел сделать атаманство наследственным, что совсем не подходило для войска Донского, ставшего тогда уже частью великой Российской империи.

Поэтому после него атаманами были назначены:

Василий Акимович Машлыкин с 1772—1773 г., потом

Семен Никитич Сулин с 1773—1774 г.

Алексей Иванович Иловайский с 1775—1797 г. и

Василий Петрович Орлов с 1797—1801 г.

В 1801 году атаманом был назначен генерал-майор Платов.

За это время станицы приучались к мирной жизни земледельца, татары и черкесы их не тревожили. В городках казачьих стены начали разрушаться. Их никто не восстанавливал, они отслужили свою службу и были больше не нужны. Вместо этого стали появляться более прочные домики у станичников, стали садить фруктовые и виноградные сады, стали строить церкви и соборы. Усердные в вере Христовой казаки часть приносимой с войны добычи непременно уделяли на постройку, а потом и на украшение родного храма.

Так в 1720 году в станицах Кочетовской, Черновской и Ведерниковской начали строить деревянные церкви. С 1720 по 1743 год были построены церкви в станицах: Старо-Григорьевской, Малодельской и Бурацкой (1722 г.), Усть-Хоперской, Тишанской, Алексеевской и Терновской (1724 г.), Раздорской, Семикаракорской, Усть-Быстрианской, Нижне-Курмоярской, Нагавской и Бесергневской (1726 и 1727 гг.), Дурновской, Филоновской, Лукьяновской, Есауловской и Луковской (1728 и 1729 гг.), Митякинской, Еланской, Кумылженской, Безилемьяновской, Орловской и Котовской (1730—1731 гг.), Яминской, Верхне-Чирской, Верхне-Курмоярской, Зимовейской, Луганской, Етеревской и Казанской (1732-1733 гг.), Нижне-Каргальской, Верхне-Каргальской, Кепинской и Голубинской (1735 г.), Березовской, Федосеевской и Калитвенской (1736 г.), Кумшацкой, Распонинской, Быстрианской, Кременской и Глазуновской (1737—1739 гг.), Урюпинской, Манычевской, Богаевской, Мелеховской, Верхне-Кудряческой, Усть-Бело-Калитвенской, Каменской, Гундоровской, Золотовской, Траилинской, Камышевской, Верхне-Михалевской, Пятиизбянской, Романовской, Вешенской, Филипповской, Новогригорьевской, Букановской, Правоторовской, Арженовской и Островской (1740 г.), Нижне-Михалевской, Тишанской, Ерыженской, Карповской, Мартыновской, Перекопской, Усть-Быстрианской и Арчадинской (1742 г.).

Почти каждая станица имела свою церковь, а всего на Дону к 1764 году считалось 4 каменные церкви — все в Черкасске; и 103 деревянных. Деревянные церкви строились, большей частью, из соснового леса, но были церкви липовые и дубовые.

Духовенство в эти церкви назначалось Воронежскими епископами, которые с 1795 года носят уже наименование епископов Воронежских и Черкасских. Священники, первое время, были из русских губерний, но в 1748 году в Черкасске

была основана "войсковая латинская семинария" для подготовки казачьих детей к духовному званию. Это было первое по времени учебное заведение на Дону.

Все церкви донские были с 1751 года подчинены трем духовным правлениям: Черкасскому, Усть-Медведицкому и Хоперскому.

Потребность в грамотных казаках была очень сильна. При атамане Степане Даниловиче Ефремове в 1765 году было положено заводить в станицах публичные училища.

Но самые большие перемены в жизни донцов произошли в царствование императрицы Екатерины Великой, когда всем югом России и всеми казачьими войсками правил князь Потемкин. Это был образованный и просвещенный человек. Во время походов и войн, которые он делал с казаками, он видел многое, что требовало перемены. Он так много поработал с казаками и для казаков, что 12-й Донской казачий полк, в память сего, носит имя 12-го Донского казачьего генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка. Вся Россия после Петра Великого изменилась. Препней простоты уже в жизни не было. Государство стало больше, многолюднее, появились различные классы общества, появилось дворянство служилое, получившее свои права за службу Государю и Родине, явился торговый класс, мещане, крестьяне стали в иные условия. Казаки, жившие до этого времени своею, особенной жизнью на границе, бывавшие в Москве только с зимовой станицей, в войсках русских занимавшие особенное место, перемешались теперь с русскими войсками, стали часто бывать в Москве и Петербурге. Донские полки, сотни, отдельные казаки стали поступать под команду русских — регулярных, или, как называли на Дону, — солдатских офицеров. Донские генералы командовали в отрядах русскими полками. У графа Денисова в сражении при Мацевичах была под командою пехота. Платов на Кубани не раз в отряде имел гусарские эскадроны. Нужно было уравнивать казачьих офицеров с офицерами регулярными. Раньше было так, что казак на войне исполнял обязанности старшины, ссаула, производился в хорунжие, а приходил домой и становился опять простым казаком. Русские офицеры, оставаясь всегда в своих чинах, получая с офицерским чином и дворянство, были от этого как бы выше офицеров донских. Пока казаки жили сами по себе, они могли быть всегда равными между собою, но как только они вошли в семью Русской армии, в состав Российского государства, и им пришлось получить те же права, которые имели и русские служилые люди. Так донские офицеры, оставаясь казаками, стали делаться вместе с тем дворянами Российской империи.

Для ведения правильного наряда на службу, для наблюдения за производством в офицеры, или, как тогда называли, в чиновники, нужно было назначать особых лиц. Один атаман со старшинами, дьяком да есаулом с таким громадным делом уже не мог справиться. На руках у атамана скапливались большие деньги. Громадные права были у атамана. В те времена — сказал кто-нибудь атаману не так, как должно — "Секи его!", показался ответ грубым — "На линию на две перемены". Вздумал атаман устроить праздник или скачки — "Взять из войсковых сумм сколько нужно"... Нужно было, чтобы все шло по закону, и вот, князь Потемкин в 1775 году учреждает на Дону войсковую канцелярию. В войсковую канцелярию князь Потемкин по своему выбору назначал двух старшин, а четырех старшин выбирало правление старшин. Председателем в канцелярии был атаман. Войсковая канцелярия, на основании законов Российской империи, судила преступников, отдавала все распоряжения по войску, собирала доходы, проверяла расходы и наблюдала все, что касалось промыслов и торговли.

Тогда же все войсковые старшины, командовавшие в походе полками, были пожалованы в штаб-офицерский чин и уравнены с армейскими секунд-майорами. Их стали производить потом в полковники. Есаулы и сотники должны во всей армии считаться обер-офицерами.

Чин полковника давал права потомственного дворянства, то есть, полковничьи дети уже считались от рождения дворянами. С этого времени на Дону появляются казаки-дворяне.

При императоре Павле I за подвиги донских казаков, оказанные в войнах, повелено было, в 1798 году, сравнять донских офицеров чинами с офицерами регулярными, старшин называть майорами и жаловать их дальше в подполковники и полковники, а есаулам и хорунжим считаться наравне с гусарскими ротмистрами и корнетами.

В это же время на Дону появляются и гражданские чиновники; так, атаман Иловайский считался тайным советником.

Со вступлением на престол императора Александра I в управлении войском произошли и еще перемены.

Указом 29 сентября 1802 года повелено: войсковой канцелярии состоять под председательством войскового атамана и в ней присутствовать двум непременно членам и четверем ассессорам. Члены и ассессоры служат по выбору дворянства по три года. Канцелярия разделена на три экспедиции: войсковую, гражданскую и экономическую. Для судебных дел учреждены сыскные начальства, в Черкасках

учреждена полиция, а при войсковой канцелярии назначены землемер и архитектор.

С этого времени и войсковой и станичные круги совершенно изменяют свое значение.

Войсковым кругом называется уже только церковный парад, устраиваемый в определенные дни, в воспоминание бывшего круга. На этом параде войсковой атаман с булавой в руках идет в собор. Впереди него несут войсковые регалии и знамена, а сзади идут чиновники.

Станичный круг избирает себе станичного атамана, но на кругу решаются уже не войсковые дела, а дела домашние — раздел сенокосов, полей и проч.

Появление на Дону дворянства и чиновников потребовало и лучшего образования. Дети донских дворян и зажиточных казаков того времени отправлялись в Москву, в Воронеж, в Тамбов, где учились в училищах или в пансионатах, содержимых частными лицами, по большей части, немцами. Многие донцы этого времени были достаточно образованны. Мы знаем, например, что полковник Адриан Карпович Денисов, спутник Суворова во многих походах, говорил по-французски и очень хорошо и грамотно писал. Многие донские казаки отправлялись, по приказу войска или по воле родителей, в московские гимназии и университет.

Но не все это могли сделать. Жизнь мальчика в чужом городе стоила дорого, а нужда в хорошо обученных людях была велика, и вот, в 1790 году, в Черкасске открывается "главное народное училище". Открытие училища было отпраздновано в Черкасске торжественно. Стреляли из пушек, а вечером жгли иллюминацию. Во всех станицах было приказано в этот день отслужить благодарственное молебствие. Главное народное училище помещено было в предместьях города Черкаска, близ Преображенской церкви. Там в это время через Черкасскую протоку был устроен громадный мост на дубовых сваях, по одну сторону моста находилась войсковая аптека с госпиталем, а по другую, рядом с богадельней, было помещено и училище. Директором этого училища был назначен сын атамана, полковник Петр Алексеевич Иловайский.

Учителя были присланы из Петербурга. Их было четыре: Дмитрий Яновский с товарищами. До 1798 года в училище принимались и мальчики и девочки, потом только одни мальчики. В училище сначала было четыре класса, потом был добавлен пятый — рисовальный. Ученики 2-го, 3-го и 4-го классов обучались французскому и немецкому языкам. Учебников было мало, и мальчики-донцы должны были переписывать себе сами учебники грамматики и арифметики.

На выпускном экзамене из этого училища присутствовал и войсковой атаман Платов.

11 июля 1805 года в Черкасске, в присутствии войскового атамана Платова, была открыта и первая донская гимназия. Сначала она находилась на том же месте, где и главное народное училище, потом в Ратном урочище, а с постройкой города Новочеркаска она перенесена была в нарочно построенное для нее каменное здание. Первым директором ее был Алексей Григорьевич Попов. 10-летним мальчиком Попов был определен в открытый в 1755 году Московский университет. 7 лет провел молодой казак в университете, а потом поступил в войсковую канцелярию сначала писарем, а затем землемером. Поездка для обмеривания юртовых участков по Дону ознакомила Попова с жизнью донцов. За справедливое и разумное отношение к работам его произвели в есаулы. Во время войны на Кубани Попов отыскивал места переправ через реки, устраивал мосты, выбирал места биваков, командовал артиллерией, то есть, нес обязанности, говоря по-нынешнему, офицера генерального штаба. С 1801 года он был начальником учебных заведений в войске Донском, а в 1805 году был назначен директором гимназии.

Так началось на Дону и просвещение среди донских казаков.

Промыслов у казаков в это время было немного. Казаки занимались земледелием, охотой, рыбной ловлей и скотоводством. Рыбы на Дону ловилось бесчисленное множество, в особенности тарани, которую чумаки вывозили в Малороссию и Польшу. Цены на эту рыбу стояли низкие, иногда продавали за 10 коп. 1000 штук, не считая, на глаз. Во время большого разлива тарань плотной массой шла на поверхности воды, так что трудно было почерпнуть воду ведром. Жители Черкаска ловили рыбу из окон домов. Некоторые казаки строили плотины через мелкие протоки в гирлах Дона, чтобы рыба не вся ушла в море.

Важным промыслом казачьим тогда было и скотоводство. У богатых казаков скот считался тысячами голов. Разводили голландский, венгерский и калмыцкий скот. Голландский скот разводили на заводе Мартынова, калмыцкий — у Богачева и венгерский — у Кирпичева. Больше всего скота было во 2-м Донском округе, потом в Донском, и меньше всего в Усть-Медведицком.

Много было на Дону и табунов лошадей разных пород, происшедших от смеси донских жеребцов с персидскими, черкесскими, татарскими, турецкими и русскими матками. Цены на верховых лошадей стояли от 40—80 рублей. Лучшие верховые лошади разводились в табунах Ефремова,

Краснощекова (авшарской, кабардинской породы), Грекова, Иловайского, Харитонова, Мартынова, Краснова, Кирсанова, Платова и Орлова-Денисова. Лучший конский завод был у Платова. Он был разведен от отбитого в 1806 году у кубанцев табуна и улучшен горскими и персидскими жеребцами.

Земледелием казаки занимались мало, но так как хлеба на сторону совсем не продавали, то хлеба было много. Многие казаки уже занимались торговлей. Они назывались торговыми казаками. Они лучше одевались, чем казаки-земледельцы, выходя на службу, имели лучших коней и вооружение. Наиболее богатыми торговыми казаками считались Шапошниковы и Корнеевы. Торговые казаки торговали привозными товарами: строительным лесом, железом, канатами, дегтем, кожами, мехами, сукнами, полотнами, шелковыми и шерстяными материями, чаем, сахаром, кофе. Все это покупали тогда в Москве, в Нижнем Новгороде на Макарьевской ярмарке, в Харькове и на Урюпинской ярмарке. Сами казаки продавали шерсть, рогатый скот, лошадей, овец, вино и рыбу. Ярмарки на Дону бывали в станицах: Михайловской (Крещенская), Митякинской, Цымлянкой, Пятиизбянской, Урюпинской, Луганской, Раздорской и в селе Криворожье. На этих ярмарках продавали не только различные товары, рогатый скот и лошадей, но и людей — невольников, приводимых казаками из Азии.

В царствование императрицы Екатерины II на Дону поселились армяне, устроившие свой город Нахичевань. Через них казаки торговали с Крымом, Турцией и Персией.

Торговым казакам трудно было уходить в походы и бросать начатое дело, и потому они нанимали за себя наемников, людей отпетых, которые шли за них не в свою очередь. Но это было неудобно, и вот атаман Платов ходатайствовал об избавлении торговых казаков от военной службы. По его просьбе последовал 12 сентября 1804 года указ, которым определено было на Дону 300 человек торговых казаков, отставленных вовсе от службы. Они обязаны были вносить за каждый год, который их товарищи находятся на службе, по 100 рублей. Впоследствии, в 1834 году, учреждено было Донское торговое общество.

В 1805 году изменен был и герб войска Донского. Вместо старого петровского герба был пожалован новый, существующий и до настоящего времени. Щит этого герба разделен поперек на две части: всю верхнюю часть занимает вылетающий двуглавый орел русского государственного герба; нижняя же часть образует четыре треугольника, из которых в двух — изображены жалованные Донскому войску Петром I атаманские клейноды — пернач, насека и соболев

хвост, а в остальных двух треугольниках — с одной стороны — река Дон и на берегу ее крепость, с другой — несколько скрещенных казачьих пик, увенчанных лавровыми венками.

Герб войска Донского 1803 года

Главным городом войска, его столицей, был Черкасский городок. Он был обнесен стенами и потому внутри его постройки были поставлены очень тесно. Среди построек на площадях озера, в которые жители сливали всяческие отбросы и оттого в городе стояла летом страшная вонь. Улицы не были освещены. По ночам по ним шатались подгулявшие казаки, и ходить по Черкасску вечером было небезопасно. Каждый год Черкасск страдал от наводнений.

Во время наводнений торговля на базаре производилась на лодках. Расширить город было некуда: с одной стороны, с юга, — Дон, а с остальных — затопляемые весной луга. Во время весенних бурь сообщение с правой, нагорной стороной Дона прекращалось, и курьерам, едущим на Кавказ, приходилось подолгу просиживать в Черкасске или в Аксае.

Все эти неудобства, грязь и скученность построек, невозможность раздвинуть границы города в стороны, постоянные убытки от наводнений обратили внимание атамана Платова, и он решил перенести главный город Донского войска на другое место. Таким образом возник город Новочеркасск.

46. Основание города Новочеркаска

1805 г.

В основании Новочеркаска казачье преданье говорит, что Платов рассердился на казаков и поставил главный город "на горе — на горе".

Атаман Платов долго думал и выбирал место, где бы поставить новый город. Сначала хотели оставить город на старом его месте, но построить кругом насыпь, и поднять город. Потом хотели прорыть вокруг Черкаска каналы, в которые вода могла бы уходить. Но исполнение этих громадных земляных работ требовало денег, времени и большого числа рабочих. В 1802 году в Черкасск был прислан инженерный подполковник де-Романо, который и принялся было за очистку и перестройку Черкаска. Первым делом в городе засыпаны были два вонючих озера. Однако, жители этим не остались довольны: им пришлось далеко носить нечистоты и негде было откармливать уток. Де-Романо составил новый план города, и согласно этого плана, жителям нужно было переносить их дома. Но казаки неохотно исполняли эту работу и сходили с насиженных мест. В то же время и расчистка гирл донских стоила дорого и подвигалась медленно. Тогда Платов решил избрать для города совершенно новое место, построить там все казенные здания и побудить жителей переселиться туда. Государь одобрил решение атамана, и в 1804 году для выбора места и разбивки улиц и площадей был прислан из Петербурга инженерный генерал де-Валант. От войска было выбрано 12 депутатов с самим Платовым во главе.

Подходящими местами для города были признаны: Аксаянская станица, Черкасские горы, Бирючий кут на Красном Яру, выше Кривянской станицы и Манычская станица. Много было споров из-за того, какое место избрать. Особенно Аксаянская станица всем нравилась. Место красивое и удобное. Высокая, просторная гора полого спускается к Дону, за Доном — обширный луг с лесом, озерами и речками. Дон здесь широк и глубок. Переселение удобное, дома и имущество можно сплавить водой на плотах и на баржах...

Но... место было выбрано на Черкасских горах при слиянии двух маленьких речек: Тузлова и Аксая. План нового города был утвержден государем 31 декабря 1804 года. Наименование ему дано Новый Черкасск.

Весною 1805 года закипела работа по разбивке улиц и постройке казенных зданий. В Усть-Бело-Калитвенской станице добывали серый камень и сплавляли его по Донцу и Дону в Аксай. Везли лес, железо, щебень, песок. Тысячи казенных рабочих из донских крестьян, сотни мастеров — землемеров, каменщиков, плотников, садовников и землекопов руководили работами. Платов разбивал город по образцу лучших, виденных им в походах городов. Широкие прямые улицы с бульварами, большие сады, всюду деревья — все это делалось, как за границей. Улицы перекрещивались под прямыми углами, оставлены были большие места для площадей. Не вина Платова, что город не разросся так, как он предполагал, что вместо больших многоэтажных домов, какие он видал в Петербурге и Варшаве, стали маленькие домики, которые свободно обвеивает холодный зимою и знойный летом степной ветер...

За исполнением работ по плану наблюдали инженерный капитан Ефимов и войсковой строитель Бельтрами. В апреле месяце из станиц Заплавской, Грушевской и Кривянской были потребованы плуги и проложены бороздами места улиц. Места домов обозначены были кольями.

18 мая 1805 года, в день праздника Вознесения Господня, назначена была закладка города. К этому дню собрались к месту закладки станичные атаманы и все служилые казаки окрестных станиц. Все генералы, штаб и обер-офицеры, более 30 станиц со своими знаменами прибыли к месту закладки. По совершении молебствия у временной деревянной часовни с колокольной все присутствующие торжественным крестным ходом прошли к тому месту, где теперь стоит новый собор, и здесь совершилась торжественная его закладка. В нарочно изготовленный к этому дню кирпичный ящик войсковой атаман Платов и епископ Воронежский и Черкасский вложили серебряную доску с надписью:

"Город войска Донского, именуемый Новый Черкасск, основан в царствис Государя Императора и Самодержца Всероссийского Александра Первого, лета от Рождества Христова 1805 года, мая 18 дня, который до сего существовал двести тридцать пять лет при берегу Дона на острове, от сего места прямо на юг, расстоянием в двадцати верстах, под названием Черкаска". На обороте доски был изображен герб войска Донского. После закладки собора заложили церковь во имя св. Александра Невского, гостиный двор, войсковую канцелярию и гимназию.

По окончании закладки и благодарственного молебствия, при котором стреляли из пушек и ружей, было устроено народное гулянье. По всему Задонью зажгли костры, всюду горела иллюминация и у бочек с вином гуляли казаки.

Но туго заселялся Новочеркасск. За водой жителям приходилось ездить к Аксаю по крутой горе. Неохотно селились казаки на новом месте и, если бы не суровые приказы атамана, новый город никогда бы не устроился.

В следующем, 1806 году, 9 мая, с громадною торжественностью совершился переезд войсковой канцелярии с войсковыми регалиями и знаменами из Черкаска в новый город. К этому дню Платов приказал всем станичным атаманам станиц, от Грушевской и Мелеховской до Кочетовской и всех Донецких, выслать в Черкасск служилых казаков и выростков, конными с вооружением и при станичных знаменах. Казаки эти поступили в распоряжение полковника Слюсарева. С остальных станиц должно было прибыть по три старика и по три выростка от 13 до 16 лет, чтобы они запомнили это торжество и передали бы память о нем своим детям.

А торжество было великое. Казаков собралось несколько десятков тысяч. В лучших одеждах, одни в голубых екатерининских кафтанах, другие в новых чекменях темно-синего цвета с алым прибором, кто в высоких бараньих шапках, кто в новых блестящих киверах, на конях и пешие, с пестрыми станичными знаменами съехались донцы со всего Дона. Беззубые, старые, седобородые старики и мальчики с пухлыми, розовыми щеками и черными кудрями, генералы в орденах и звездах с большими портретами матушки Екатерины на груди и юные хорунжие — все были тут.

Раздался благовест Старочеркасского собора. Печальным показался звук старого колокола. Обнажили голову старо-черкасцы, глубоко вздохнули и перекрестились. "Прощай, наша древняя столица, город Черкасск! Много крови отцов и дедов пролито под твоими стенами. Прощай, батюшка тихий Дон, и ты, Монастырское! Прощайте знамена и жалованные Российскими государями клейноды и грамоты! Не увидите вы уже больше древнего черкасского собора!.." Так прощались черкасцы со своим старым городом!

По отслужении божественной литургии и молебствия, при громе 51 выстрела, атаман, сопровождаемый регалиями, чиновниками, духовенством и казаками, медленно пошел к пристаням. Там уже были приготовлены суда. Торжественно, с пушечной пальбой, тронулись лодки. Впереди знамена, духовенство, регалии, потом атаман, генералы и офицеры, за ними Старочеркасские станицы и станицы Бесергеновская,

Заплавская, Маноцкая, Багаевская, Александровская, Гниловская и Аксайская, потом шли лодки с директором гимназии и учениками ее и приходское училище.

Чудная погода была в этот майский день. Среди цветущей степи, по голубой ленте тихого Дона медленно шли разукрашенные ладьи. Проходя мимо Аннинской крепости, с лодок станиц стреляли из ружей, а из крепости грянул 31 пушечный выстрел. По широко разлившемуся Дону разносилось мерное и торжественное пение молебнов. Когда суда стали приближаться к Новочеркасску, с гор нового города загремели пушечные выстрелы полевой артиллерии. У особо построенной пристани начали причаливать лодки с регалиями, атаманом и станицами.

В том же порядке, в торжественном шествии, атаман прошел по Крещенской улице к месту будущего собора. Там был отслужен молебен, и затем по нынешнему Платовскому проспекту, уставленному рядами войск, прошли к войсковой канцелярии, помещавшейся против нынешнего донского музея, и там сложили знамена и регалии.

На другой день был войсковой круг. После него было угощение для казаков, разные игры, вызваны были и песенники. За убранными всяким жареным столами, уставленными вином,

Бойцы вспоминали минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они.

В 7 часов вечера, 10 мая, на особом поле за городом состоялись первые скачки в г. Новочеркасске. Участвовали в них 500 казаков. Скакали семь верст со многими препятствиями: плетнями, валами, канавами и оврагами. Пришедший первым получил большую серебряную, вызолоченную кружку с надписью: "Победителю скачки месяца мая 9 дня 1806 года". Второй и третий получили такие же серебряные стаканы, а "в утешенье последних, чтобы знать о доброте их коней", им было предложено хорошее угощение "с выпивкой и заедкой".

После скачек, окончившихся с захождением солнца, атаман и все чины возвратились в новый городок к атаманской ставке. Там угощение и песни шли далеко за полночь...

Невеселый вид имел Новочеркасск в первые годы своего существования. Теперешний Платовский проспект представлял из себя пустыню: маленькие лавчонки, два-три дома побольше, раскинутых один от другого на сотни сажень, немощеная улица, и там и сям груды мусора. Вдали темнела груда камней — основание будущего собора; стояло двухэтажное здание войсковой канцелярии, да еще выделялся

большой дом с колоннами и огромным балконом Семена Курнакова. Дом Платова был небольшой, но уютный, с большим двором, среди которого был насыпан курган и на нем беседка. Больше ничего не было в этом городе. Начал он отстраиваться уже позже, после того, как стали возвращаться с войны с французами усыпанные орденами, покрытые славой и ранами герои Отечественной войны, и главный ее герой, атаман Платов, поселился на постоянное жительство в свой Новочеркасск.

47. Донской казачий полк во время суворовских походов

Казачьи полки в это время собирались всего за несколько месяцев до начала похода. Являлся указ войсковому атаману от военной коллегии о сборе известного числа полков и тогда атаман рассылал наряд по станицам. Состав донского казачьего полка был приблизительно одинаков.

Полковник	1
Есаулов (сотенных командиров)	5
Сотников (субалтерн-офицеров)	5
Хорунжих	5
Квартирмистр	1
Писарь	1
Казачья	483
Всего	501

Офицеры, или, как тогда говорили, чиновники, и казаки содержания не получали, но, пользуясь земельными льготами и свободой от податей, обязаны были, по первому требованию, явиться на коне и с оружием: шашкою, дротиком, ружьем и иногда пистолетом, и по форме одетые. По указу 4 декабря 1779 года, во время отдаления казаков на службу от дома более, чем на 100 верст, они получали жалованье в размере:

Полковнику	300 р. в месяц
Есаулам, сотникам и хорунжим	50 — " —
Полковому писарю	30 — " —
Казакам	1 — " —

Кроме того, всем полагался месячный провиант и фураж на их собственных лошадей; полковникам — на восемь, старшинам — на три и казакам на две лошади каждому.

Полк собирался, распределялся на сотни, самым простым и чисто товарищеским способом.

Получив предписание военной коллегии, атаман выбирал из числа богатых и известных ему казаков полковых командиров. Лицам этим давалось предписание о сборе полка своего имени. В предписании указывались станицы, из которых должны быть выбраны люди на службу, и давалось несколько мундиров для образца и сукно на все число людей полка, седельные щепы, кожи, ремни и все необходимое для поделки снаряжения и человек 50 казаков опытных для обучения.

Полковой командир был хозяином и создателем своего полка. Ему только указывался срок, 4—6 месяцев, к которому полк должен быть обучен; в остальные распоряжения его не вмешивались.

Большая часть времени уходила на устройство полкового хозяйства, обозов, на выездку и усмирение лошадей; только самые последние дни можно было посвятить на занятие "экзерцированием" или "наездничаньем". Казаки строили лаву и потом снова собирались в кучу за начальником, скакали через рвы, нарочно для того вырытые, и джигитовали. Большого и не требовалось.

Полковой командир делал представления о производстве в офицерские чины и ставил урядников. Он писал устав строевой и гарнизонной службы на основании или личного опыта, если он был пожилой человек, или советов бывалых товарищей, если он был молод, в 19 лет тогда уже командовали полками. Командир полка был всегда грамотен, были даже командиры, знавшие иностранные языки. В бою он управлял строем, но ввиду своеобразности действия казаков, распоряжавшихся вполне самостоятельно, он сам нередко рубил и колот наравне с казаками, а иногда даже отменял свои приказания по просьбе более старых, бывалых и опытных казаков, позволял сдерживать и поправлять себя. В бою полковой командир указывал цель боя, предоставляя способ действия самим казакам.

Офицеры полка были старшие товарищи, назначенные полковым командиром из среды казаков же и утвержденные за свои подвиги в офицерском звании. Воспитанные так же, как и казаки, так же, как они, полуграмотные, они ничем не выделялись из фронта, кроме своих эполет да более богатой одежды. Офицеры представлялись к награждению, не всегда держась старшинства, а за храбрость и распорядительность в бою. Разницы между офицером и казаком не было. Всякий казак мог дослужиться до офицера. Офицер не чуждался общества казаков, проводил время в их кругу, принимал участие в их играх. Уже в 1828 году на походе из Турции полковой командир одного из казачьих полков заметил, что

люди заскучали. Приказано было дать водки, потом затеяли игры, между прочим чехарду. Офицеры полка играли наряду с казаками, при чем не только сами прыгали через казаков, но и казакам давали прыгать через себя. Образование в те отдаленные времена на Дону получить было трудно. Платов, считавшийся образованным человеком, писал весьма безграмотно. Сметка выручала офицера, как выручала и казака. В Итальянском походе Суворова Денисову на его полк были розданы карты. Денисов находился в сильном смущении, так как, по откровенному его признанию, не только казаки, но и офицеры не умели читать топографических знаков и не все разбирали названия на немецком языке. Однако, он сумел вывернуться. Офицеры запоминали наружный вид всякого селенья, моста и т. п., а австрийцы находили уже, что было нужно. То же самое, к удивлению австрийцев, проделывали и простые казаки. В строю офицер был впереди и, сидя на лучшей лошади, был примером казакам и одною из тех маток улья, за которыми следует рой.

Урядники и казаки друг от друга мало отличались. Урядник ездил на ординарцы к более высокопоставленным лицам, водил разъезды, был старшим на заставе или на пропускном посту; по большей части, это был служилый казак, живой устав полевой службы и первый воспитатель молодого казака. Рассказами своими во время длинных переходов, бессонных ночей в карауле он обучал казака всему, что ему было нужно узнать на войне.

Воин по рождению и по воспитанию, казак с детства приучался думать и чувствовать по-военному. Сын, внук и правнук служилого казака, он ребенком — уже был казаком. Мальчики семи, восьми лет бесстрашно скакал и по степи, без седла, на полудиких конях, знали, какая лошадь молодая и какая старая, знали качества и недостатки каждой лошади. Зимой, построив из снега городок, они вооружались снежками, одни нападали, другие обороняли свое укрепление. По праздникам, после обедни, молодежь, а нередко и старые казаки бились на кулачки, ходили стена на стену играли в игры, доставали на всем скаку платки и монеты, стреляли в цель и рубили столбики и ветки. Бывалые казаки давали наставления, рассказывали случаи из своей жизни; офицер, живущий в станице, вмешивался в круг казаков, где все были с ним ровня, называли его по имени и отчеству, где и он и казак чувствовали себя совершенно равными. "Кордоны", "авангард", "позиция" — все это были знакомые молодежи слова — их понимали даже казаки. Молодые казаки видели, каким почетом окружены урядники и, особенно, "кавалеры", и, придя на службу, их мечтой было заслужить галуны.

Пришедшие со службы казаки рассказывали про свою службу и про службу товарищей-одностаничников, и понятно, что казакам желательно было, чтобы рассказы были в их пользу. С древнейших времен установившийся взгляд на службу, как на нечто прибыльное, сохранился даже и теперь, а тогда, во времена завоевательных войн императрицы Екатерины Великой, вернуться домой без маленькой добычи, без лишнего платка или мониста для молодой жены было не принято. Вследствие этого-то казак хватал и прятал в свою суму все, что ему под руку попадалось: склянку, старую подкову, костяную пуговицу, изломанный железный подсвечник, одним словом, весь тот скарб, от которого отказывались хозяева его двора. Но, чтобы казак был вором — до этого далеко. Во всех войнах казак был честным, храбрым и сметливым воином.

Казаки почти всегда выступали о-дву-конь, причем на второго навьючивалось кое-что из "домашности" и могущая достаться казакам добыча. Тогда Дон славился лошадьми. Терпеливая и покорная, но строгая, в то же время быстрая и увертливая, казачья лошадь неизменно служила своему хозяину.

Обмундирование казаков было разнообразно. Хотя и полагалось казенное сукно, но его не всегда хватало и его берегли для смотра. В походе казак носил домашнюю куртку форменного покроя, или длиннополый зипун, или чекмень, или шинель регулярного образца. Рядом с кивером-ведром виднелась баранья шапка-папаха. Только офицеры и казаки полков, близко стоящих к атаману, одевались по форме, все остальные были одеты как сумели смастерить им мундиры станичный портной, а то и рукодельница-жена. Но, вообще, казак был одет свободно, так, чтобы мог действовать как верхом, так и пешком. Разнообразная и свободная одежда казаков возбуждала насмешки регулярных чинов, но возбуждала и зависть. "Для полезного действия пикою,— писал князь Багратион,— надобно быть одетым как можно легче и удобнее, без затяжки и натяжки, одетым как наши бесцеремонные казаки".

Вооружение тоже не отличалось однообразием. Казак на станичном рынке покупал все нужное для похода. Бедный приобретал шашку и ружье подешевле, или выходил с дедовским, у турка отбитым, кривым ятаганом; богатый покупал шашку доброй стали, украшал эфес и ножны золотом и серебром. Пика или дротик были разной длины и веса "по руке", у одних были только ружья, другие приобретали пистолеты. Относительно ружей, в виду крайнего разнообразия этой части вооружения, доходившей до того, что были ружья, стрелявшие при помощи фитиля, не говоря уже

о полном разнообразии калибров, генерал-лейтенант Платов, атаман войска Донского, просил позволить сделать, подрядом из суммы войсковой, однокалиберные ружья по образцу казачьему на тульском заводе, для снабжения казаков, наряженных в поход, с вычетом из жалованья казаков в треть по 1 рублю, да из фуража, который им полагается на выючную лошадь не в натуре, но деньгами, пятой части.

Седла были казачьего образца, с суконной или кожаной подушкой, в которую укладывались кое-какие вещи казачьего обихода.

Какой же строй, какие команды мог иметь полк без устава, без обученных начальников, без установленных команд и сигналов? Собравшись, все люди полка были заняты выездкой диких и весьма злых лошадей, приготовлением седел, шитьем мундиров, заготовкой военного обихода. На ученье оборотам "казачьей службы, на хитрые шермиции"* , подобные регулярным, оставалось весьма мало времени. Прохождения "словесности", порядка караульной службы, аванпостной и разъездной не было вовсе.

А между тем, когда казаки стояли в передовой цепи, отряд спал спокойно. Ребенком, малолеткой, казак уже кое-что слышал от служилых казаков, но главное свое образование, вою сметку и всю ту "словесность", которую в солдатских частях учили наизусть, казак шутя проходил во время скучных походных движений. Передвижения полка с Дона на линию или в какой-либо город, или к армии для военных действий, были лучшей и полезнейшей школой для казака.

Казаки к армии отправлялись звеньями, т.е. по частям и по разным дорогам. Обыкновенно, полковник, собрав свой полк, говорил, что к такому-то числу казакам быть там-то. "Смотри, ребята, — говорил командир полка, — веди себя хорошо, как того требует служба и честь казачья, а коли ежели что, никак-либо что, али там что-либо того — запорю! Как Бог свят, запорю, не погляжу на ком какие регалии. Ну, с Богом, ступай!" И полки шли и шли. Длинна была дорога. Приходилось донцам и голодать и терпеть всякие лишения. Опытные и бывалые урядники дорогой учили молодежь военной хитрости и смекалке. Голод учил их, как обращаться с жителями: где брали силком, где хитрецей, где просьбой, а где и покупали на взятые из дома деньги. Всего полка деревня не прокормит, а десять, пятнадцать человек она с удовольствием примет. И полки шли частями от селенья до селенья, делая в день по 40 и более верст. По свойственному

---

* Шермициями назывались маневры.

русским людям гостеприимству, казака везде радушно принимали в хату, кормили и слушали его замысловатые рассказы про горы "высоченные и страшные", что довелось им проходить, про горы "игольные и сахарные", откуда сыплются иглы и добывается сахар, про белую Аранию и двухголовых людей, про колдунов и чертей... или про вурдалаков и упырей, которых в Молдавии встречали, про покойников и еретиков, которых земля не принимает... И разинут рта простоватые хохлы, слушая вранье казака, а тот знай себе уплетает или галушки с салом, или вареники со сметаной и еще с большей охотой несет всякую чушь своим темным слушателям.

— А може, пан казаче и самого биса бачив? — любопытствует какой-либо хохол, пользуясь тем временем, когда рассказчик прожевывает огромный вареник, больше его ладони.

— А то и не бачил? Бачил сколько раз и за рога его таскал.

— А який же вин будэ?

— А вроде человека, только на голове рога и ноги козы; на шею грива и по спине длинная шерсть и перья... пуза голая.

— Ось який страшный! — удивляются хохлы.

— А може, пан казаче и на войне був? — любопытствуют хохлы.

— Как не быть, был. Всю жизнь воевал.

— А и пули бачив? Из рушницы стреляв?

— Как не стрелять, стрелял. И пикой колот, и шашкой рубил. Чик — и голова летит. А пули, что пчелы: жи, жи,.. так мимо головы и летят.

— Борони Боже, як в око попаде! — крестится и шепчет хохлушка, стоя у припечка с ухватом, готовая ко всяким услугам такому необыкновенному воину, что и чертей за рога таскал и головы рубил, даже и пуль не боится.

А казак давно сыт по горло; он уже спрятал за голенище ложку, которой ел "галушки", высыпал уже в кормушку для коня целый четверик овса, что хохол приготовил для посева.

Прибыв на место службы, полк нередко попадал в передовую часть, прямо в бой.

В бою казаки действовали лавой.

Лава не есть строй, но самобытный казачий способ воевать. Лава сегодня строилась так, а завтра уже иначе, в зависимости от цели ее — атаковать или заманивать, и от желаний командира полка; команд в ней не было, сигналы заменялись свистом, лаем, особым криком.

В то время как солдатские полки имели развернутый строй, как первоначальное построение и строй для атаки, колонны маневренные и походные, сомкнутые и разомкнутые справа и

слева, рассыпной строй, управлялись командами и сигналами, казаки не имели никакого строя.

Полк становился кучей или кучами посотенно. Было много места по фронту — куча походила на развернутый строй, мало — на колонну. Каждый казак искал своего урядника-одностаничника и пристраивался к нему, а урядник имел в виду своего хорунжего или сотника, и все следили за сотенным командиром и станичным или полковым знаменем. Доносили передовые разъезды о приближении неприятеля — полковой командир созывал к себе сотенных и говорил им, как он думает атаковать или заманить на сзади находящееся подкрепление; говорил с чего начнут, кому и как стрелять, с коня или спешившись; объяснял им те знаки, которые он будет подавать. Сотенные рассказывали младшим офицерам, младшие — всем казакам. Иногда после этого объяснения, в виду уже неприятеля, командир полка говорил казакам при распущенных знаменах слово и просил их убедительно, чтобы храбро атаковали и не устыдили бы своего начальника. Казаки в один голос отвечали, что умрут или составят славу полку и войску!

Разъехавшись на протяжении двух верст, казаки не могли слышать команды своего командира, да и сотенные были далеко. Управление было немое. Казаки непрестанно следили за своими офицерами, как рой за маткой, и все повороты, перемена аллюра, самая атака происходили по немому знаку шашкой, рукой или движением лошади. Пускай, например, лава заняла две версты, тут и тонкий ручей, и маленький овраг; казаки хотят "заманить" неприятеля на стоящую в четырех верстах и прикрытую скатом, поросшим мелким кустарником, пехоту и артиллерию. Лава наступает шагом. Дойдя до ручейка, все всадники, которым придется через него переходить, по знаку своего начальника, "падают" с лошадей, которых отдают одному, двум, становящимся скрыто сзади; затем приманиваются со своими ружьями сзади ручья и ждут. Соседи, пройдя ручей, сейчас же затягивают его место и лава продолжит движение. Дойдя до овражка, шагов за триста, часть казаков останавливается и смыкается в кучу, наподобие развернутого строя. После этого лава становится жиже, но протяжении ее остается то же. Теперь начинается решительное и задорное наступление. Если неприятельская конница не обращает внимания на казаков, казаки стреляют с коня чуть не в упор, наскикивают на нее на расстояние пистолетного выстрела, но лишь только она вышет один, два взвода для отогнания дерзких всадников, лава подается назад,

фланговые взводы сгущаются и с гиком с боков и с тыла несутся на преследователей. Наконец, это "наездничанье" лавой надосаждает неприятелю. Он высыласт большую часть, полк или два, для наказания казаков. Тогда, уходя, казаки собираются, как раз в две кучи, из которых одна несется прямо к ручью, другая имеет направление на овраг. В 20-ти, 30-ти шагах от препятствия казаки в каждой куче быстро поворачиваются направо и налево и обходят препятствие. Сомкнутые, стройные, увлеченные преследованием, эскадроны не могут так скоро изменить направление атаки и одни вязнут и тонут в ручье под выстрелами спешенных казаков, другие, по переходе через овраг, сильно расстроенные, атакованы засадой. В то же время и лава уже повернула назад и ударила с флангов и с тыла. Неприятель отходит, высыласт сильную пехотную или артиллерийскую засаду. Для таких действий ни команд, ни сигналов не было нужно. Каждый казак должен был понимать, что ему нужно делать. Командир полка и офицеры кричали иногда: "Братцы — вперед!", или: "Станичники — увиливай!"

Если полков было несколько, то строили лаву, а когда для этого не хватало места, то оstarшиеся становились сзади и бывали в засаде, на которую нужно заманивать.

Лава действовала еще и "вентерем". "Вентерем" называется рыболовная сеть, натянутая на ряды уменьшающихся обручей и оканчивающаяся мешком. Рыба, обманутая первоначальным простором, в конце концов оказывается замкнутой в тесном пространстве, где не имеет возможности повернуться. Подобно этому, казаки придумали на местности пересеченной, с несколькими тесными проходами, заманивать неприятеля в засаду и в ней приканчивать с ним, или избивая, или беря в плен. Лава применялась на местности ровной, открытой, где было место развернуться, вентерь — на местности пересеченной, где можно было сделать засаду.

Других построений казаки не знали. Там, где нельзя было работать пикой и шашкой на коне, казаки спешивались и винтовкой владели не хуже, чем пикой. Спешивалась, обыкновенно, целая сотня, оставляя лошадей сбатованными за полком. Имея свою артиллерию, казаки умели пресвосходно прикрывать ее, и не было случая, чтобы хоть одно донское орудие попало в руки неприятеля.

Порядок службы в сторожевой цепи весь был основан на секретах, на подслушивании и выглядывании одиночных всадников. Нередко передовая застава, расседлав коней, крепко спала. За нее не спит часовой, притаившись лежащий с односумом-товарищем "на курганчике" и зорко глядящий на

все стороны; за нее не спит и тот любитель-казак, что за две версты ушел и залег в укромном местечке; наконец, не спит далеко впереди с офицером убежавшая партия... Стоит только появиться неприятелю — сделает "выпал" секрет, подхватит часовой, и в несколько минут застава, совсем готовая, подкрепленная сном, бежит навстречу противнику.

В партиях казаку было гораздо труднее. Ездили почти всегда без карт, а время определяли "по солнышку". Часы, по бедности, немногие и офицеры имели.

Так составлялся, служил и работал в походе и в бою донской казачий полк. Успех побед казачьих заключался в том, что и отец, и мать, и дед любовно снаряжали сына на военную службу. Они говорили ему о чести быть воином, внушали быть храбрым. Казак в бою, на чужой стороне, всегда помнил Дон. Помнил, как провожала семья, весь хутор, вся станица его на службу, что говорил ему отец. А провожали так, как поется в этой прекрасной песне:

Конь боевой с походным выюком
У церкви ржет: — кого-то ждет.
В ограде бабка плачет с внуком,
Молодка возле слезы льет.

А из дверей святого храма
Казак в доспехах боевых
Идет к коню, из церкви прямо
С отцом, в кругу своих родных.

Жена коня подводит мужу,
Племянник пику подает.
"Вот, — говорит отец, — послушай
Моих речей ты наперед.

Мы послужили Государю,
Теперь тебе черед служить.
Ну, поцелуй же женку Варю,
И Бог тебя благословит!

И да пошлет тебе Он силы
Долг службы свято соблюдать,
Служить, как мы Царю служили,
И славу рода поддержать.

Иди туда, куда укажут
Господь, начальство и черед,
Когда же в бой лететь прикажут,
Благословясь ступай вперед!..

Но ни в бою, ни перед боем
Ты не бранися, не ругай;
Будь христианин и пред боем
Крестом себя ты осеняй...

Коня даю тебе лихого,
Он добровит был у меня,

Он твоего отца седого
Носил в огонь и из огня.
А добрый конь — все наше счастье,
И честь, и слава казака,
Он нужен в счастье и в напасти,
И за врагом, и на врага!

Конь боевой всего дороже,
И ты, мой сын, им дорожи;
И лучше сам ты ешь поплоче,
А лошадь в холе содержи!

Тот колет пикою ловчсе,
И в деле тот и молодец,
Кому коня добыл добрее
Дед, прадед, дядя иль отец...

А вот и пика родовая,
Подруга славы и побед,
И наша шашка боевая —
С ней бился я и бился дед!

Исправен будь! И старших слушай,
Найди товарища себе.
Живите с ним душа вы в душу,
Клянитесь выручить в беде!..

Куда придешь — ты, первым делом,
Разведай все, — до пустяка.
Где тракт какой, кто есть, примером,
Где лес, где села, где река.

Тогда ты свой в чужой сторонке,
И командирам ты рука!
Ведь ловкость, сметка да сноровка: —
Весь капитал у казака!.." *.

---

* Из стихотворения донского казака А. Туроверова.

48. Война с французами 1805 года. Аустерлиц

1805 году государь император Александр I назначил в помощь австрийскому императору, оборонявшемуся от Наполеона, корпус своих войск под начальством фельдмаршала Кутузова. В войсках Кутузова находилось два донских казачьих полка — полк N 2 Сысоева и N 3 Ханженкова.

Когда русские войска пришли в Австрию, они узнали, что австрийцы разбиты Наполеоном и их армия уничтожена. Маленькому русскому корпусу пришлось бороться против целой французской армии, бывшей под предводительством непобедимого Наполеона. Решивши отойти к столице Австрии — Вене, куда подходили наши гвардейские войска вместе с императором Александром I, Кутузов начал отступать. Для прикрытия отступления был назначен небольшой отряд под начальством князя Багратиона. В этот отряд попали и донские полки.

4 ноября 1805 года Багратион занял своими войсками, которых было всего 5000 человек, деревню Шенграбен и решил умереть, но задержать французов на сутки, чтобы дать время Кутузову отойти к деревне Погорлицу и там соединиться с австрийцами.

Уже смеркалось, когда к Шенграбену стали подходить французские войска. Их вел лучший генерал Наполеона — Мюрат. С ним было 30000, и этой, сравнительно с пятью тысячами Багратиона, громадною силою он начал давить наши войска. Нашей артиллерии удалось зажечь деревню Шенграбен. При свете пожара русские солдаты отражали все атаки французов. Не раз с протяжным гиком неслись донские казаки в атаку и копьями прогоняли французов. Превосходившие в шесть раз Багратиона французы обошли его...

Русский отряд ожидало истребление или плен. Тогда, построивши остатки своих полков, Багратион двинул вперед полки Сысоева и Ханженкова; за ними, работая штыками, кинулась пехота, и русский отряд пробил себе дорогу.

Армия Кутузова за время этого отчаянного боя дошла до Погорлица и была спасена горстью храбрецов. За подвиги у Шенграбена император Александр I пожаловал многим полкам еще небывалую награду — Георгиевские знамена. И вот, в числе первых, удостоившихся этой высокой награды, заслуженной целой частью, были донские полки Ханженкова и Сысоева. На знаменах этих была сделана надпись: "За подвиги при Шенграбене 4 ноября 1805 года в сражении 5-тысячного корпуса с неприятельским, из 30 тысяч состоявшим". Кроме того, казаки получили еще от государя императора по 2 рубля награды...

Этот геройский подвиг наших войск вдохновил императоров Александра I и Австрийского, и они решили перейти в наступление. По невылазной осенней грязи наша армия тронулась в путь и 19 ноября достигла деревни Аустерлиц, у которой стоял Наполеон. На рассвете 20 ноября, под Аустерлицем, начался жестокий бой. Австрийцы нам помогали плохо. В самом начале боя мы потеряли горы, разделявшие наше расположение, и Наполеон стал бить наши полки в обе стороны. Положение русских войск было тяжелое. На помощь им была двинута наша гвардейская пехота. Ее должны были поддержать австрийцы, но австрийцы опоздали, и наши гвардейские пехотные полки попали под удары многочисленного неприятеля. Их выручила гвардейская кавалерия и в ее рядах лейб-казаки.

В лейб-казаки назначались лучшие люди со всего Дона. Громадного роста, на отличных лошадях, великолепно одетые в алые мундиры, — это была краса Донского войска, удальцы, которые признавали только победу или смерть. Все начало Аустерлицкого боя они простояли в бездействии. Они слышали жестокий бой и грохот пушек вдали, но их не требовали. И скучали удалые казаки. Но вдруг к полку подскочил ординарец от государя и передал приказание командиру полка полковнику Чернозубову спешить на помощь гвардии. Живо сели лейб-казаки на лошадей и полным наметом понеслись по замерзшей земле, через лужи и каналы. Они скакали к месту боя 10 верст. И вот увидели они вдали лейб-гусар, атакованных французской конницей, и наши пехотные каре, в которые врубались французские кирасиры. В том углу уже не стреляли. Молча, штыками отражали солдаты напор коней и отбивали удары тяжелых палашей. Навстречу несшейся атаке французских латников, решившись умереть, кинулись наши кавалергарды. Все офицеры этого полка погибли смертью храбрых. Их подкрепили лихой атакой лейб-казаки. Под напором красных гвардейских донских пик французская конница оставила

пехоту и кинулась сражаться с казаками. И казаки боролись страшным боем грудь с грудью, прикрывая собою пехоту. Лейб-казаки потеряли убитыми 1 офицера и 22 казака, и много было казаков переранено.

Французская кавалерия была отбита. Наша армия отступала. Ее отступление прикрывали л.-гв. Измайловский полк, спешенные лейб-казаки и остатки кавалергардов. До глубокой ночи гремели выстрелы на переправе, которую защищали лейб-казаки... К утру бой стих. Страшное Аустерлицкое сражение окончилось. Мы потеряли в этом бою 21000 человек — половину всей своей армии. 130 орудий и 30 знамен наших погибло в этом деле и стали добычей французов, но единственный донской казачий полк, участвовавший в этом деле — лейб-казаки, прославился славой и лихой атакой и участвовал в спасении гвардейской пехоты.

На другой день Австрия покорила Наполеону. Нашему государю пришлось поневоле заключить мир с французами. Но мир этот продолжался недолго: уже в следующем году наши войска воевали с Наполеоном, но на этот раз уже в союзе с немцами — пруссаками.

49. Война с французами

1806 — 1807 гг.

русские войска начали войну с французами на немецкой земле в конце 1806 года. В это же время против России вооружался и турецкий султан, и нашему государю нужно было готовиться к войне и на севере и на юге. Пришел приказ и в войско Донское готовить полки на войну. Семь казачьих полков были двинуты на берега Дуная, а позднюю осенью атаман Платов с 13-ю казачьими полками двинулся к русской армии, действовавшей в Пруссии. Это был тяжелый зимний поход. Полки подходили к границе прусской земли в начале 1807 года, тогда, когда Наполеон уже разбил немцев и все свои силы обратил против русских.

В нашей армии, бывшей под начальством генерала Беннигсена, едва насчитывалось 60000 человек, Наполеон же наступал на него с 70000 армией испытанных, не раз одерживавших с ними победы и верящих ему солдат. 26 января 1807 года наши войска решили встретить противника недалеко от деревни Прейсиш-Эйлау. При русских войсках в это время находились донские полки: Иловайского 9-го, Андропова, Сысоева 3-го, Малахова, Грекова 18-го, Ефремова 3-го, Киселева 2-го и Папузина. Наполеон со всею своею армией ломил на наши полки, но они держались. Два дня гремели пушки, два дня атаки французов были отбиты русскими полками... 27 января пошел снег, за белой пеленой его было плохо видно, что делается кругом. В это время, прикрываясь лесом, три эскадрона французской гвардии бросились в промежуток между нашими полками и с криками понеслись между резервов. В снежной буре нельзя было видеть, сколько врагов несется, и атака французов могла быть удачной. Увидавши это, войсковой старшина Киселев бросился с донским своим полком на французов. Как вихрь налетели казаки. Снег слепил им глаза, руки, сжимавшие пики, коченели. Французы боролись отчаянно; но казаки сломили их. Уже командир эскадрона, 2 офицера и 30 рядовых

захвачены в плен, уже много убитых лежит на земле и казаки преследуют остальных. Донцы и в снежную бурю не прозевали врага и не дали ему напасть на нас неожиданно.

Русские войска остались на своих местах, французы не могли сломить их. Первый раз Наполеон не одержал победы, первый раз его войска не опрокинули противника, и этим противником, не побежденным Наполеоном, оказались русские.

На другой день наши войска отошли от Прейсиш-Эйлау. Наполеон простоял в нем девять дней, а потом отошел за реку Пассаргу. Следить за французской армией были назначены казаки. Как раз в это время подошли и остальные полки с Дона вместе с атаманом Платовым, пришли Атаманский полк и полки Ефремова 3-го, Карпова, Селиванова, Иловайского 10-го, Иловайского 5-го и рота конной артиллерии. Лейб-гвардии казачий полк действовал вместе с гвардейскими полками...

Как и в прежние войны, на казаков возложили тяжелую обязанность беречь покой войск. Едва только наша армия тронулась с Прейсиш-Эйлауского поля, как казаки густой сетью своих разъездов и застав закрыли ее движение. Французы бросились было на них, но казаки подполковника Андропова, 2 февраля, заманили их в засаду, многих покололи, а 10 офицеров и 167 рядовых со штандартом взяли в плен. Каждый день казаки имели перестрелки, каждый день следили за неприятелем и не давали ему покоя. Внимательные, зоркие наблюдали казаки за врагом. Их посты стояли против постов неприятеля, и казаки день и ночь, не расседывая, следили за французами. Полк Кутейникова держал цепь вдоль реки Наревы. По одну сторону стояли казаки, по другую — французы. Заметили казаки, что французы каждый день приходят на одно и то же место, разводят костер и варят себе пищу, а потом уходят. И вот, несколько казаков переправились на французскую сторону, закопали гранату на месте костра, присыпали старым пеплом, а сами спрятались и стали наблюдать, что будет. В обычное время пришли французы, расставили котел и разложили огонь. Земля нагрелась, и граната лопнула. Многие французы были переранены, другие были захвачены казаками в плен. Казаки переплыли с пленными Нарев и доставили их командиру полка.

Наступила весна, снег начал таять, полили дожди. Донцы бесшумно берегли покой нашей армии.

Наполеон собрал громадную армию и 29 мая у городка Гейльсберга начал наступление на наши войска. Длинные цепи пехоты растянулись одна против другой и окутались

белыми дымками выстрелов. Заревели пушки. Казаки рассеялись по флангам и начали искать случая броситься на неприятеля. Полки Адриана Карповича Денисова находились на нашем правом фланге. К нему присоединилось еще пять казачьих полков, стоявших на передовых постах. Денисов собрал все эти полки и атаковал неприятельскую конницу, отогнавши ее далеко от места боя. Здесь против казаков выехала артиллерия и начала осыпать казачьи полки ядрами и гранатами. Казаки быстро отступили. За ними бросилась и французская конница, и тогда, ведший казаков полковник Ефремов повернул их кругом, ударил на французов, прогнал их снова и отбил у них две пушки. Но увезти эти пушки казакам не удалось. К французам подходили новые полки, и казаки второй раз должны были отойти. Эти атаки казачьи отличались большим упорством. Но донцы встретили здесь серьезного врага. Много казаков полегло на этом поле, по которому взад и вперед, колыхаясь, ходила смертоносная казачья лава. Денисов отошел назад, устроил свои полки и отправил три полка к армии, где в это время разгорелась перестрелка.

И только что эти полки отошли, как Денисов увидел два эскадрона французов, смело направлявшихся к казакам.

— Латники! Латники! — раздалось в рядах казаков.

И, действительно, закованные в стальные доспехи люди, в стальных шапках, смело шли на казаков. Они были уверены, что казаки не смогут их проколоть.

Французские латники, называвшиеся кирасирами, переправились через ручей и галопом начали выстраивать фронт. Первый раз увидели такие полки донские казаки. На громадных лошадях, большие люди, закованные в железо, готовы были рассеять и разметать тяжелыми палашами казаков. Денисов приказал Ефремову с двумя полками отрезать кирасир от ручья. Но не успели казачьи полки развернуться, как уже кирасиры полным махом влетели в их ряды и смешали казаков. Казаки ударяли их пиками, но дротики или ломались или гнулись. Кирасиры же смело рубили казаков своими длинными палашами. И вдруг кто-то из казаков догадался крикнуть: "Колпаки долой!"

— Колпаки долой! — понеслось по казачьим сотням.

Сразу поняли казаки, в чем дело. Они стали направлять удары пик в лицо, под шапку, и кирасиры начали падать на землю... Еще мгновение — и кирасиры уже скакали назад, преследуемые казаками: только одна треть их спаслась...

Отогнавши кирасир, казаки, однако, не остались без работы. Едва казачьи полки пришли в порядок, как из-за леса показались длинные линии французской кавалерии. Новая атака готовилась на донские полки.

В это время к казакам подскакало два немецких, союзных, драгунских полка. Командовавший ими генерал, большого роста, рябоватый, с большим носом и со шрамом от старой раны на лице, подъехал к Денисову. Генерал говорил по-французски, Денисов — тоже, и Денисов предложил немцам атаковать французов вместе с казаками.

И вот, под командою донского генерала, понеслись немецкие и казачьи полки в атаку и смяли французов и погнали их к лесу. Но в лесу была пехота. Под ее выстрелы попали казаки и должны были, рассеявшись, вернуться на прежнее место.

Уже вечерело. Французская артиллерия обстреливала гранатами казаков, и они медленно отходили, рассыпавшись редкой и длинной лавой. В это время к полкам подъехал Платов.

Наступила ночь. Казаки ничего не ели, не расседывали лошадей и все так же стояли, свернувшись лишь в звенья. На рассвете Платов приказал Денисову с тремя полками занять одно место в левом фланге и не допускать до него французов. Едва Денисов дошел до этого места, как французы направили против него большой отряд конницы и пехоты. С пехотой шли и пушки, у Денисова же никакой артиллерии не было. Верный ученик Суворова, Адриан Карпович Денисов решил, что лучший способ обороняться — это атаковать самому. Французский отряд, выставив против Денисова конницу, направил пехоту в лес для обхода его фланга. Тогда Денисов двинул полк Ефремова в сомкнутом строю на конницу, полковнику Астахову приказал, рассыпавшись лавою, стать против леса, а сам остался в резерве. Видевший все это Платов приказал другим полкам спешить на помощь Денисову, но Денисов справился сам с врагом. Полк Ефремова так смело набросился на французских всадников, что они повернули, и казаки Ефремова загнали их очень далеко; полк Астахова бросился лавою на пехоту, и она, не выдержав атаки казаков, ушла в лес. Победа была полная. Сам Денисов не верил тому, что видел. "Видя сие, — пишет он в своих записках, — не постигал я, каким образом остаюсь победителем. Ясно видел я, что сие произошло от единой благодати Всевышнего Творца к нам".

И генерал Денисов, тут же на поле, слез с коня и, ставши на колени, горячо молился, благодаря Бога за дарованную победу.

И каждый казак творил крестное знамение и понимал, что Господь Бог помог ему в победе.

Французы не решились больше нападать на смелых казаков Денисова, и он оставался на своем месте до ночи. Ночью он

узнал, что наша армия отступает. Казаки должны были ее прикрывать. Эти июньские дни Платов, руководя полками, не слезал с лошади. Он был всюду, где опасность была больше, где враг решительнее наступал.

Под Фридландом, 2 июня, наши войска имели снова кровавый бой с французами. Во время этого жестокого сражения казаки охраняли фланги. Когда же наши войска, сильно потрепанные в этом сражении, отступали, Платов прикрыв их отступлением. Казаки грудью своею заслонили русские войска, и, отступая, Платов умел наносить врагу поражения. Казаки и отступая, наступали. Как только враг наседал на казаков, казачьи полки брали пики наперевес и неслись на французов; где только было какое-либо препятствие, теснина, лес, плотина, мост, — казаки уже слезали с лошадей и, в пешем бою, при содействии своей артиллерии, задерживали неприятеля. 4 июня, на Таплакенской плотине, казачья артиллерия стала на позицию и вместе с казаками отбила французов, а потом, уходя, казаки сожгли мост. 5 июня, в Кучелакском лесу, казаки оборонялись за засекою, а полки Грекова 18-го и Иловайского 10-го атаковали врага на дротики. 4 часа противник стоял и не мог одолеть казаков. Наконец, подошли главные силы французов. Платов выдвинул тогда свои полки длинною линией и, охватывая неприятельские фланги, атаковал французов. Многие эскадроны французов не выдержали дружного гика казачьих сотен, их сурово склоненных пик, и умчались за свою пехоту. Много полегло здесь французов. 7 июня казаки отошли за Неман. Здесь они узнали, что император Александр I заключил в Тильзите мир с французами.

За эту войну 11 августа 1811 года войску Донскому пожаловано Георгиевское знамя. В грамоте, присланной войску при этом знамени, было сказано: "Врожденная бдительность донских воинов ограждала спокойствие нашей армии, а главнокомандующему служила вместо недремлющего ока". Этою же грамотой, в первый раз после жалованной грамоты императрицы Екатерины Великой, подтверждались все права и преимущества Донского войска и утверждалась "ненарушимость настоящего образа его служения и неприкосновенность всей окружности его владений".

В эту войну прославил свое имя донской атаман Платов и его атаманский полк неоднократно отличился во многих боях.

По темным лесам прусской земли гремели в эту войну, не умолкая, выстрелы казачьих ружей, казаки были в болотах, на реках, в деревнях — везде. Французская конница не могла ничего сделать против казачьей лавы, и только изматывала

своих лошадей напрасными атаками. На прекрасных лошадях, смелая, решительная, до этого времени непобедимая, она терялась перед казаками. Она атакует — казаки отступают, она делает остановку, а уже казаки сидят на ней и колют своими страшными пиками. Первый раз столкнулись казаки с кирасирами и с первого же раза научились их бить. В эту войну, неудачную для России, донские казаки приобрели своим мужеством всесветную славу. Про войну эту у казаков была сложена песня:

Под славным было городом под Гутштадтом,
Протекала там речушка, речка слезовая,
А на речушке струя бежит, струя кровавая;
Но над речушкой сады цветут, сады зеленые,
В зеленом-то саду не кукушечка, она куковала,
Жалко, жалобно голосочек свой она выносила,
Она всю-то нашу армейку прослезила...
Ну вы стойте, наши казаченьки, стойте, не робейте,
Государева свинцу, пороху не жалейте,
Как завтра будет вам, казаченьки, награжденье:
Будет жаловать Государь, жаловать крестами,
Еще жаловать своим Царским знаменем.
Но молодые тут малолеточки не испугались,
По темным лесам они разъезжали.

В эту войну с французами, наряду с молодыми казаками, пошло много донских стариков. Платов охотно брал их с собою. Он знал, что старики воодушевят молодежь, и не ошибся.

Вместе с урядником Тропиным на войне был и его отец. В схватке казаков у деревни Едвабно вдруг сын узнал, что его отец захвачен французами в плен. Велико было горе сына. Любовь и жалость к родному отцу закипели в нем. Он решил или погибнуть, или выручить своего отца. Он знал, что французы поведут пленника в тыл. И вот, он бросил свой полк и один помчался обскакивать фланги французского войска. Когда он был сзади, он увидел, что два француза ведут его отца. Живо скинул Тропин с себя ружье, застрелил одного из французов, другого свалил пикой — и освободил отца. Отец сел на французскую лошадь, сын поймал и другую, и они прискакали к своим. Платов собственноручно навесил молодому Тропину Георгиевский крест за его подвиг.

Пошел с полками Платова и Березовской станицы урядник Евсей Селезнев, бывший ординарец Суворова, тридцать лет преслуживший в казачьих полках. Своими рассказами про Суворова и про то, как он бил французов в Италии, он вдохновлял молодежь. Он возил за Платовым войсковое знамя. С ним ездил и другой семидесятилетний старик, казак Усть-Белокалитвенской станицы Обухов. Он участвовал в

Семилетней войне, в первой и второй турецких войнах, был под Измаилом, а теперь пошел за сына.

Пошел на войну вместе с сыном и поручик Гаврилов. Одиннадцать ран было на его теле. Он давно считался в отставке; но стал собираться на войну его сын, и загорелось сердце старого воина. Он стал проситься в полк. Напрасно друзья его отговаривали, говорили ему, что он стар, что где ему воевать, — старик не слушал никого.

— Друзья мои, — говорил он, — я иду на войну, чтобы научить моего сына, как разить врагов отечества, хочу видеть, как он будет следовать по стопам отцов своих. Рука моя, конечно, слаба и не в состоянии сбить всадника дротиком, но я буду при сыне и укажу ему, как управляться с врагом.

И старик так и сделал. В ночных партиях, пикетах, говоря по-теперешнему, на заставах, Гаврилов нигде не отходил от сына и передавал ему свои знания. 24 мая 1807 года на реке Алле он был убит...

Грозные для врага, донцы были внимательны и добры к мирным жителям. Немцы скоро их полюбили. При приближении отряда Платова к какому-нибудь городку или местечку, все школьники выбегали навстречу к казакам и пели сложенные ими песни, подражая казачьим. Во время битвы под Пассенгеймом все школьники вышли из города и наблюдали, кто победит. И когда казаки возвратились победителями, мальчики пошли с песнями им навстречу. В это время в город шли женщины и несли на продажу молоко. Школьники с казачьим гиком атаковали их, отняли молоко и отдали его утомленным боем казакам.

Кончилась война, и друзья немцев — донские казаки — пошли с полками. Одни шли на север, где была война со Швецией, другие на юг, где требовалась помощь в войне с турками...

Домой, на тихий Дон, казакам не скоро пришлось вернуться.

50. Донские казаки в Финляндии

1808 и 1809 гг.

1808 и 1809 годах Россия вела войну со Швецией. В русскую армию, бывшую под начальством генерала Буксгевдена, было назначено два донских казачьих полка: л.-гв. Казачий Его Величества полк и полк Киселева.

Казаки с Прусской границы пошли сначала в Петербург, а потом, зимой 1808 года, начался тяжелый поход в Финляндию. За какие-нибудь 10 лет донцы повидали заоблачные выси Альпийских гор; страдали от жары в Италии, испытывали голод и холод в степях у Оренбурга, вязли и тонули в болотистых речках Пруссии. Теперь их ожидала борьба не только со злым и упорным врагом, но и с жестокими морозами и снегами.

Как только казаки перешли нашу границу, началась для них тяжелая, полная опасностей служба. Вся Финляндия лежала под толстым снеговым покровом, жестокие морозы обмораживали лица и руки. Узкая, тесная дорожка вилась среди лесов, между полей, отгороженных жердяными заборами, среди гор и скал. Один шаг с этой дорожки — и лошадь проваливалась в снег по брюхо и нельзя было идти, нечего было и думать об атаках.

Враг разделился на маленькие отряды. За каждым деревом, за всякой скалой можно было ожидать засады. Много требовалось внимания и искусства от казаков, чтобы не погибнуть. На жителей — финнов надежда была плоха. Они готовы были не только выдать расположение русских войск шведам, но и сами прирезывали заспавшихся казаков.

Но завоевание Финляндии шло, хотя и медленно, но верно. По глубокому снегу, казалось, невозможно было атаковать, но казаки атаковали. 12 февраля 1808 года лейб-казаки под командой генерала Орлова-Денисова, идя между скал, в снежную бурю и жестокий мороз гнали перед собой шведский отряд. У деревни Ильби, в большой теснине шведы выставили пушки и остановили казаков. Дорога была узкая, кругом

снежные сугробы, никуда не свернешь. Тогда казаки быстро спешились, и пешком, с пиками в руках ударили на батарею. Шведы не выдержали стремительного натиска казачьего и поспешно отступили к городу Борго, казаки преследовали их и захватили и сам город.

Прошла зима, наступило бледное, хмурое северное лето, а война продолжалась. Нашим войскам приходилось брать с боя едва ли не каждое местечко. Вся Финляндия обогрена была русскою кровью, и не одно казачье тело покоилось под мхом в угрюмом сосновом лесу.

Зимой 1809 года решено было перенести войну в самую Швецию, и для этого русским войскам предстояло совершить небывалый подвиг. С обозами и пушками нужно было перейти по льду через море, разделявшее наши владения от владений шведских. Разведать путь через море были вызваны донцы полка Киселева. В марте 1809 г. казаки вошли на лед Ботнического залива и потянулись по ледяной пустыне. Местами лед лежал гладкий и ровный, и люди и лошади падали на нем; в других местах бури нагромодили целые горы льдин; там метели намели глубокие сугробы, в которых вязли и тонули лошади; там были глубокие проруби. Но лед держал людей, и наш отряд с пушками и обозами прошел на шведский берег. На обратном пути бушевала вьюга. Ничего не было видно, пехотные солдаты падали и замерзали, лошади отказывались везти по снеговым сугробам поставленные на санки пушки. Казаки полка Киселева отдавали своих лошадей пехотным солдатам, спасая этим замерзавших, припрягали коней своих к пушкам, и, благодаря казакам, отряд благополучно достиг берегов Финляндии.

Осенью 1809 года был заключен мир со Швецией, и по этому миру завоеванная нами Финляндия отошла к России и составила часть Русского государства. Долгое время, охраняя покой и порядок, в Финляндии стояли донские казаки. В воспоминание финляндской службы во многих полках казачьих и в станицах на Дону и теперь еще поется следующая красивая песня, сочиненная малороссийским сочинителем Гребенкой:

Поехал казак далеко на чужбину
На добром коне вороном,
Свою он навеки покинул краину,
Ему не вернуться в отеческий дом.

Напрасно казачка его молодая
И утро и вечер на север глядит,
Все ждет, поджидает, с далеского края
Когда же к ней милый казак прилетит.

А там, за горами, где вьются метели
И страшны морозы зимою трещат,
Где сдвинулись дружно и сосны и ели, —
Там кости казачьи под снегом лежат.

Казак и молил и просил, умирая,
Насыпать курганчик ему в головах:
"И пусть на кургане калина родная
Растет и красуется в пышных цветах

Пусть вольная пташка на этой калине
Порой пропоет эту песенку мне,
Как жил-был казак далеко на чужбине
И помнил про Дон на чужой стороне".

51. Война с Турцией

1806—1812 гг.

те тяжелые годы, когда Россия воевала одновременно и со шведами и с турками, сложилась на Дону песня:

Пишет, пишет султан турецкий Царю Белому,
И хочет султан турецкий Русскую землю взять:
"Отберу я всю Русскую землю,
В кременну Москву стоять пойду,
Поставлю своих благоверов по купеческим домам,
А сам я, султан, стану в Николаевском дворце!"
Затужился, загоревался Александрюшка,
И пошел в кручине по кременной Москве,
И стал спрашивать посланца, турецкого майорина:
"Ты скажи, скажи, майорина, всю правду,
Много ли вашей силушки турецкой собралось?"
"Сорок тысяч батальонов, эскадронов сметы нет!"
Тут Матвей Иванович Платов приподнялся,
И возговорил он своим громким голосом:
"Врешь ты, врешь, майорин, облыгаешься,
Ты, майорин, дюже выхваляешься;
Я вашей силушки не боюся
И во славный Царьград уберуся!"
"Ты не бойся, наш православный Царь!
Встречать его пошли гренадерушков,
Потчевать его заставь канонерушков,
Стол поставь из медных пушечек,
А скатерти постели все лафетушки,
Закусочки им поставь мелкие пулечки,
А провожать их пошли донских казаков".

Война с турками началась еще в 1806 году. Но до 1809 года наши войска действовали медленно. Главные наши силы, лучшие генералы находились в это время в войне с Наполеоном. Только после заключения мира с французами войска наши были усилены, и мы начали быстро подходить к Дунаю и осадили Силистрию. Во время наших действий на Дунае туда пришли и донские казачьи полки под командой

атамана Платова: Атаманский, Денисова 4-го, Денисова 7-го, Карпова, Гордеева, Иловайского 8-го и Иловайского 11-го и донская артиллерия. Казаки были распределены по отрядам; часть находилась при войсках, осаждавших крепость Силистрию, оберегая осадный корпус, часть — при войсках, действовавших в поле. И в эту войну казакам пришлось воевать небольшими частями: сотнями, разъездами, маленькими партиями. Отличались офицеры, урядники, казаки. История этой войны пестрит подвигами казачьими.

Донская артиллерия явилась деятельной помощницей казаков и русских войск. Во время осады крепости Гирсова, в августе 1809 года, хорунжий Богаевский заметил на реке Дунае большую барку, плывшую к Гирсову.

— Достанем до баржи, ребятушки? — обратился молодой офицер к казакам.

— Можно попытаться, — отвечал старый канонир. Прислуга стала по местам. В те времена пушки нашей артиллерии были медные, стреляли от пальника калеными, или разрывными чугунными ядрами, и не очень далеко. Целили прямо на глаз: от бомбардира-наводчика требовалось много опытности и искусства.

Навели пушку, приложили пальник, и шурша и визжа, полетело ядро... и прямо в баржу. За ним другое, третье. Баржа повернула к противоположному берегу, но казаки меткими выстрелами догоняли ее. И вот, зоркий глаз казака увидал, что турецкие солдаты ее покидают. Она пуста. Живо сбежали к воде артиллеристы; там были челны. Казаки переплыли на ту сторону Дуная и нашли на барже 19000 ружейных патронов.

Во время осады Силистрии турки не раз делали вылазки. Их пестрые толпы со знаменами зеленого цвета врывались яростно на наши окопы, и шли жестокие бои. Во время таких вылазок, 23 и 24 сентября, особенно отличились 2 урядника полка Кутейникова: Колобродов и Семенцов.

Пестрая ватага смелых турецких наездников на превосходных арабских лошадях с отчаянной смелостью понеслась на казаков. Колобродов врубился в толпу турок, пробил себе кровавый путь к турецкому знамени. За ним, увлеченные его примером, мчались казаки. Колобродов свалил турецкого знаменщика, отнял знамя и с товарищами своими забрал в плен турецкого полковника, а Семенцов захватил в плен и самого пашу турецкого.

В сражении под Рассеватом 4 сентября 1810 года казачьи полки были собраны все вместе и находились под командой графа Строганова и генерала Кутейникова. Сражение было упорное. Целый день держались турецкие полки и лишь под вечер дрогнули и начали отступать к реке Дунаю.

Казаки бросились их преследовать. Тут начался ряд смелых подвигов. Особенно отличался в этом бою Атаманский полк. Синие куртки и голубые верхи киверов атаманцев мелькали по всему полю. Среди виноградных садов, по мелкому кустарнику, по глубоким балкам и оврагам рассеялись турки. Все спешило к реке Дунаю. Последние выстрелы пушек гремели по полю и — розовый под заходящими лучами солнца — расходился дым. Урядники Атаманского полка Сердюков, Терсков, Чеботарев и казаки Пахомов, Коновалов и Ковалев отбили 6 знамен, казаки Цыганов и Назаров взяли в плен неприятельского мурзу, а хорунжий Мельников взял в плен пашу и его знамя.

Уже солнце опускалось за горы и последние турки убегали на лодки. Вдруг Атаманского полка сотник Яновский заметил турецкие парусные лодки, наполненные людьми и плывущие на ту сторону Дуная.

— За мною, друзья! — крикнул Яновский и с полного хода лошади вскочил в мутные волны реки.

И вот, вошли за ним в воду казаки и поплыли через Дунай.

Турки выбросили весла, гребут, стреляют по атаманцам. Уже близок берег, но и казаки близко. Переплывши через Дунай, казаки успели поколоть часть турок, забрали лодки, сели на них, погрузили лошадей и с песнями вернулись к своим...

Всю эту войну казаки провели на берегу Дуная. Сколько раз переплывали они его на лодках и на лошадях, сколько знамен и турок они забрали! Собирались охотники, собирались люди разных сотен и дерзко нападали на врага. Недаром пелась песня:

Двадцать пять ребят, лихие
Отважные молодцы,
С разных сотен собирались
И за Дунай отправлялись.
Дунай — речушка-река
Широка и глубока,
Шириною шире Дона,
Приставали у кордона,
Вкруг костра турки сидели,
Над огнем "чего-то" грели...

Сколько было таких нападений на турок, и не перечечь! Три года провели здесь казаки, все время действуя малыми партиями...

В 1811 году Кутузов, принявший командование над русской армией, нанес туркам большие поражения. В самом начале 1812 года турецкая армия была окружена русскими войсками и сложила оружие. Турки просили мира, и император Александр I согласился на него. России мир был нужен. Наступал страшный 1812 год.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТОМ ПЕРВЫЙ

1. Далекое прошлое земли войска Донского	5
2. Происхождение казаков. Жизнь и обычаи первых донцов	11
3. Первые набеги казаков	17
4. Участие донских казаков вместе с русскими войсками во взятии Казани в 1552 году	21
5. Донские казаки основывают Терское и Уральское казачьи войска.	24
6. Ермак Тимофеевич — покоритель Сибирского царства. 1582 г.	26
7. Смерть Ермака. 6 августа 1584 года	35
8. Жизнь донских казаков при царе Феодоре Иоанновиче. Появление на Дону "голытьбы"	41
9. Смутное время. Донцы с атаманами Корелом и Межаковым воюют за самозванца	45
10. Смутное время на Руси. Донцы с атаманом Епифанцем на службе у второго самозванца	51
11. Смутное время на Руси. Донцы прогоняют поляков из Москвы. Избрание на царство царя Михаила Феодоровича	54
12. Запрещение казакам заниматься набегами по Волге и ходить под Азов	60
13. Взятие Азова. 18 июня 1637 г.	65
14. Азовское сиденье. Июнь—сентябрь 1641 г.	71
15. Оставление казаками Азова по царскому указу в 1643 году	81
16. Основание города Черкаска. 1644 г.	84
17. Жизнь и обычаи донских казаков во время борьбы за Азов	87
18. Как управлялось войско во времена Азовских походов	93
19. Пожалование войску Донскому первого царского знамени в 1645 году	98
20. Разин.	101
21. Казаки присягают Московскому царю. 1676 г.	110
22. Царь Петр на Дону. 1695 г.	112
23. Первая морская победа Петра. 1696 г.	118
24. Взятие Азова царем Петром. 1696 г.	121
25. Казаки в Лифляндии и Швеции. 1701—1703 гг.	124
26. Пожалование казакам клейнодов за усмирение бунта стрельцов в Астрахани. 1706 г.	127
27. Булави	131
28. Конец Донской вольницы	137
29. Иван Матвеевич Краснощек, первый бригадир войска Донского.	142
30. Набеги Краснощекова в Задонскую и Прикубанскую степи.	145
31. Разорение татарами Быстрианского городка. 1738 г.	149
32. Морское дело казаков у берегов Крыма. 1738 г.	152
33. Смерть бригадира Краснощекова. 1742 г.	154
34. Семилетняя война. 1756—1763 гг.	157
35. Первая война с турками императрицы Екатерины II. 1762—1774 гг.	164
36. Пугачев. 1770—1775 гг.	168
37. Казаки на Кубани	176
38. Суворов	182
39. Вторая турецкая война. Кинбурн. 1787—1791 гг.	185
40. Измаил. 11 декабря 1790 г.	188
41. Война с поляками. 1794 г.	193
42. Донские казаки с Суворовым в Италии. 1799 г.	200

43. Донские казаки с Суворовым переходят через Альпы. 1799 г.	208
44. Поголовный поход донских казаков на Индию. 1801 г.	211
45. Войско Донское при императрице Екатерине Великой и императоре Павле I	216
46. Основание города Новочеркасска. 1805 г.	224
47. Донской казачий полк во время суворовских походов	229
48. Война с французами 1805 года. Аустерлиц	239
49. Война с французами. 1806—1807 гг.	242
50. Донские казаки в Финляндии. 1808 и 1809 гг.	249
51. Война с Турцией. 1806—1812 гг.	252

Литературно-художественное издание
Серия "Стражи порубежья"

Картины былого Тихого Дона
Том I

Редактор *В.Б. Мурин*
Художественный редактор *И.И. Барышников*
Технический редактор *Л.К. Аринушкина*
Корректоры *В.А. Бадиков, Т.В. Туровец*

ИБ № 10

Сдано в набор 20.04.92. Подписано в печать 24.08.92. Формат 84×108/32.
Бумага писчая. Гарнитура Таймс. Печать высокая.
Усл. печ. л. 13,44. Усл. кр.-отт. 13,57. Уч.-изд. л. 14,48.
Тираж 75000 экз. Заказ 355.

Издательство "Граница". 101000 Москва, Главпочтамт, а/я 711.

Отпечатано с готовых диапозитивов на Книжной фабрике № 1.
144003, г. Электросталь, ул. Тевосяна, д. 25.

КАРТИНЫ
БЫЛОГО
ТИХАГО ДОНА